

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2025

Том 25

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Рожкова Л. В., Ивченков С. Г., Полутин С. В.

Ближнее зарубежье во внешней политике
Российской Федерации и оценках россиян

120

Гребенюк А. А., Аверьянов А. А. Потенциал трудовой
миграции в качестве ресурса «мягкой силы»

для интенсификации интеграционных процессов
между Россией и странами Центральной Азии

126

Никифоров Я. А. Теория гражданского общества:
а был ли мальчик?

134

Уфимцева Е. И. Культовые практики обращения
в православие: опыт современной российской молодёжи

142

Темнова Л. В., Хрипунова А. Н. Внедрение онлайн-курсов
в российское образовательное пространство: преимущества и риски

156

Патокина Н. Н. Основные драйверы развития малых
территорий: на примере г. Городца Нижегородской области

166

Прохорова М. В., Скобелева Е. И. Развитие шеринговой
культуры в условиях общества потребления

176

Слово молодым социологам

Тимофеева А. В. Особенности пенсионного обеспечения
как аспект социально-экономической дифференциации
силовых структур Российской Федерации

182

Политология

Шестов Н. И. Политическая ответственность
«цифрового поколения» как вызов будущему
русской политики

187

Старостенко К. В., Коновалов А. С. Дипфейк
как инновационный инструмент политического
манипулирования в начале XXI века

195

Суворов В. В. Физическое здоровье граждан как ресурс
государственной политики

202

Волкова А. А., Евтехов Р. А. Особенности формирования
экологической идентичности в России в условиях становления
нового миропорядка

210

Слово молодым политологам

Щербаков И. М. Особенности современных подходов
к понятию «цивилизационная идентичность»: отечественные
и зарубежные исследования

220

Волошина А. М. Правый популизм и «системные» правые
в контексте партийных движений США и Канады: возможность
идентификации концептуальной разницы

226

Рубцов Ф. С. Основные подходы к политической пропаганде
в сети Интернет в российском экспертном сообществе

231

Журнал «Известия Саратовского
университета. Новая серия. Серия
«Социология. Политология»» заре-
гистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, инфор-
мационных технологий и массовых
коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-76650 от 26 августа 2019 года.
Учредитель: Федеральное государ-
ственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовский национальный иссле-
довательский государственный уни-
верситет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень ре-
цензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на со-
искание ученой степени доктора
наук (категория К2, специальности:
5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6;
5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016.
Подписку на печатные издания можно
оформить в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится
в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

В оформлении издания использованы
работы художника Соколова Дмитрия
Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,
52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 26.05.2025.

Подписано в свет 30.06.2025.

Выход в свет 30.06.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 100 экз. Заказ 56-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: muninaov@sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Rozhkova L. V., Ivchenkov S. G., Polutin S. V.** CIS countries in Russian Federation's foreign policy and Russians' assessments 120

- Grebennyk A. A., Averianov A. A.** The potential of labor migration as a "soft power" resource to enhance integration processes between Russia and Central Asia 126

- Nikiforov Ya. A.** Theory of civil society: Was there a boy? 134

- Ufimceva E. I.** Cult practices of conversion to Orthodoxy: The experience of modern Russian youth 142

- Temnova L. V., Khripunova A. N.** Online learning in the Russian educational space: Advantages and risks 156

- Patokina N. N.** Main drivers of development of small territories: The example of Gorodets, Nizhny Novgorod region 166

- Prokhorova M. V., Skobeleva E. I.** Development of sharing culture in the conditions of consumer society 176

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

- Timofeeva A. V.** Features of pension provision as an aspect of socio-economic differentiation of the power structures of the Russian Federation 182

Politology

- Shestov N. I.** Political responsibility of the "digital generation" as a challenge to the future of Russian politics 187

- Starostenko K. V., Konovalov A. S.** Deepfake as an innovative tool of political manipulation in the early XXI century 195

- Suvorov V. V.** Physical health of citizens as a resource of state policy 202

- Volkova A. A., Evtechov R. A.** Features of the formation of ecological identity in Russia in the context of emerging new world order 210

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Shcherbakov I. M.** Features of modern approaches to the concept of "civilizational identity": Russian and foreign research 220

- Voloshina A. M.** Right-wing populism and the mainstream right in the USA and Canada party systems' context: Possibility of Identifying conceptual difference 226

- Rubtcov F. S.** Main approaches to political propaganda on the Internet in the Russian expert community 231

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Olga V. Munina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakh K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

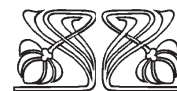
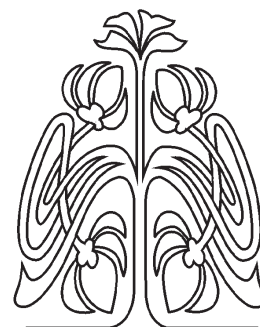
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

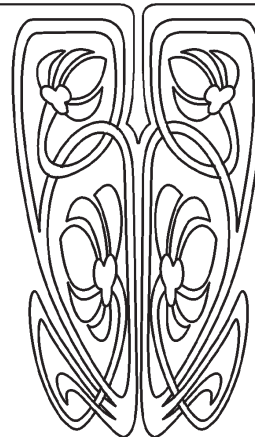
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

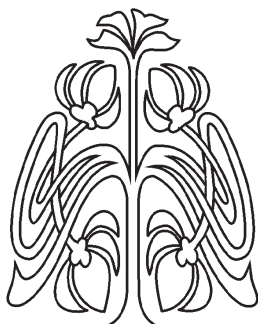

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

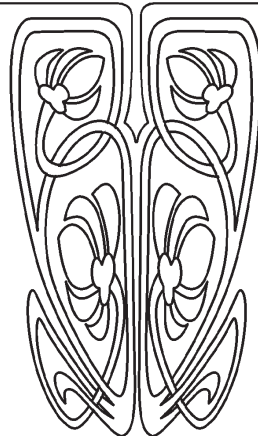

СОЦИОЛОГИЯ

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 120–125

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 120–125

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-120-125>

EDN: AVMUCM

Научная статья

УДК 316

Ближнее зарубежье во внешней политике Российской Федерации и оценках россиян

Л. В. Рожкова¹✉, С. Г. Ивченков², С. В. Полутин³

¹Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

³Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им Н. П. Огарева, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой «Социология, экономическая теория и международные процессы», matmaeva_lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Полутин Сергей Викторович, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и социальной работы, polutin.sergei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>

Аннотация. Основным региональным приоритетом во внешней политике России является ближнее зарубежье. Особая роль нашей страны в этом регионе обуславливается, прежде всего, глубокой зависимостью в разных сферах, близкими культурами, общим языком, традициями общей государственности. Россия традиционно рассматривает постсоветское пространство как зону своих национальных интересов, выступая в качестве регионального гаранта обеспечения мира и безопасности. Несмотря на декларируемые во внешней политике РФ положения об особой позиции России в отношении ближнего зарубежья и предпринимаемые попытки сохранить зону влияния на этой территории, после распада Советского Союза роль нашей страны постепенно стала снижаться. Несмотря на успехи в проведении ряда интеграционных экономических проектов и создания системы региональной безопасности, после 2022 г. наиболее ярко проявились негативные тенденции в области взаимодействия стран. На постсоветском пространстве четко обозначились дружественные и недружественные страны. В фокусе исследовательского интереса – анализ ближнего зарубежья как основного регионального приоритета во внешней политике Российской Федерации на основе доктринальных документов и оценок россиян. На основе изучения концептуальных стратегических документов проводится анализ приоритетных направлений внешнеполитического курса РФ в зоне ближнего зарубежья, по материалам авторских (2023–2024 гг.) и общероссийских (ВЦИОМ, ФОМ) исследований раскрывается отношение россиян и молодежи к внешней политике на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, ближнее зарубежье, россияне, молодежь

Для цитирования: Рожкова Л. В., Ивченков С. Г., Полутин С. В. Ближнее зарубежье во внешней политике Российской Федерации и оценках россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 120–125. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-120-125>, EDN: AVMUCM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

CIS countries in Russian Federation's foreign policy and Russians' assessments

L. V. Rozhkova¹✉, C. G. Ivchenkov², S. V. Polutin³

¹Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

³National Research Mordovia State University, MRSU, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia

Liliya V. Rozhkova, mamaeva_lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Sergey V. Polutin, polutin.sergei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>

Abstract. The main regional priority in Russia's foreign policy is CIS countries. The special role of our country in this region is conditioned, first of all, by deep dependence in different spheres, by close cultures, common language, and traditions of common statehood. Russia traditionally considers the post-Soviet space as the zone of its national interests, acting as regional guarantor of peace and security. After the collapse of the Soviet Union, despite the provisions declared in the Russian Federation's foreign policy on Russia's special position in relation to CIS countries and attempts to preserve the zone of influence in this territory, the role of our country gradually began to decline. After 2022, despite the successes in carrying out a number of integration economic projects and creating regional security system, the negative trends in the field of interaction between the countries became most clearly manifested. Friendly and unfriendly countries were clearly identified in the post-Soviet space. The focus of the research interest is the analysis of CIS countries as the main regional priority in the Russian Federation's foreign policy on the basis of doctrinal documents and assessments of Russians. On the basis of the study of conceptual strategic documents, the analysis of priority directions of the Russian Federation's foreign policy course in the zone of CIS countries is carried out, the attitude of Russians and youth to the foreign policy in the post-Soviet space is revealed on materials of author's and all-Russian researches.

Keywords: foreign policy, Russia, CIS countries, Russians, youth

For citation: Rozhkova L. V., Ivchenkov S. G., Polutin S. V. CIS countries in Russian Federation's foreign policy and Russians' assessments. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 120–125 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-120-125>, EDN: AVMUCM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Понятие «ближнее зарубежье» охватывает страны бывшего СССР. Как отмечает Чжао Хуашэн, «ближнее зарубежье – исключительно российская концепция, наследие, доставшееся Москве после распада Советского Союза. И хочет она того или нет, Россия не может не принимать своё имперское наследие» [1]. Оно является стратегическим ресурсом России с позиции экономических интересов и зоны обеспечения собственной безопасности. РФ и страны ближнего зарубежья имеют общность культуры, языка, инфраструктурные связи и возможности для реализации проектов в рамках экономической интеграции [1, 2]¹. В числе сложных проблем для России в этом регионе – в целом отношения России со странами ближнего зарубежья, проблемы во взаимоотношениях между этими странами и внутри отдельных стран (Приднестровье, Нагорный Карабах и др.) [1]. Возможности и угрозы России на постсоветском пространстве определяют выбор этого направления внешней политики в качестве приоритетного.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 31.03.2023 № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.02.2025).

В Концепции внешней политики РФ (далее – КВП РФ) 2023 г. установлено, что ближнее зарубежье – важный внешнеполитический приоритет «для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России, упрочения ее позиций как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и цивилизации»². Анализ показывает, что понятие «ближнее зарубежье» используется с понятиями «государства СНГ», «сопредельные государства». Следует подчеркнуть, что в предыдущих КВП РФ начиная с 1993 г. не было представлено отдельного раздела по ближнему зарубежью, рассматривался СНГ, отдельные организации и страны [3, с. 44]. В табл. 1 представлены основные направления развития сотрудничества в этом регионе по КВП РФ 2016 и 2023 гг. Таким образом, основные внешнеполитические позиции России в отношении ближнего зарубежья сохранились, за исключением развития отношений с Грузией и Украиной. Основная роль также отводится государствам СНГ, экономическому и военному сотрудничеству в рамках ЕАЭС и ОДКБ.

² Там же.

Таблица 1

Региональный приоритет внешней политики РФ: СНГ, ближнее зарубежье (по КВП РФ)

КВП РФ 2016 г.*	КВП РФ 2023 г.**
<p>Развитие сотрудничества и интеграции со странами СНГ в разных сферах</p> <p>Стратегическое взаимодействие с Республикой Беларусь (СРБ)</p> <p>Углубление и расширение интеграции в рамках ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия)</p> <p>Развитие ОДКБ и повышение ее авторитета</p> <p>Дальнейшая реализация потенциала СНГ</p> <p>Развитие связей с Украиной (и разрешение ее конфликта)</p> <p>Содействие становлению Южной Осетии и Абхазии</p> <p>Разрешение конфликтов на постсоветском пространстве</p> <p>Выстраивание отношений с Грузией</p> <p>Взаимодействие с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах</p>	<p>Предотвращение и урегулирование вооруженных конфликтов, обеспечение стабильности в ближнем зарубежье</p> <p>Укрепление системы региональной безопасности (ОДКБ и др. форматы)</p> <p>Противодействие размещению, усилению военной инфраструктуры недружественных стран на территории ближнего зарубежья</p> <p>Углубление интеграционных процессов (Белоруссия, СНГ, ЕАЭС, отдельный механизм по странам Центрально-Азиатского региона)</p> <p>Формирование в Евразии в перспективе интегрированного политического и экономического пространства</p> <p>Предотвращение недружественных действий, провоцирующих дезинтеграционные процессы со стороны иностранных государств и их объединений</p> <p>Реализация экономического потенциала добрососедства (в первую очередь со странами ЕАЭС и др.)</p> <p>Поддержка Абхазии и Южной Осетии</p> <p>Укрепление сотрудничества в зоне Каспийского моря</p>

Примечание. *Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 30.11.2016 г. № 640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 16.02.2025) (утратила силу).

**Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 31.03.2023 № 229.

Как отмечает исследователь И. Окунев, внешняя политика Российской Федерации в зоне постсоветского пространства реализуется по принципу «матрешки» (в соответствии со снижением политической и экономической интеграции): самая маленькая «матрешка» – РФ с Южной Осетией и Абхазией; далее – ОДКБ, СРБ, ЕАЭС; далее – СНГ [4].

Исследователи констатируют, что Россия утратила возможности плодотворного сотрудничества с рядом постсоветских государств и даже позиционируется как противник [2, с. 18].

В последние десятилетия наметился тренд на борьбу за сферу влияния на постсоветском пространстве между РФ, США, ЕС и НАТО [2, 5]. В этой связи С. В. Беспалов справедливо отмечает, что имеются противоположные политические проекты развития постсоветского пространства. Один предполагает на основе развития демократизации трансформацию политических режимов в государствах для подчинения влиянию Евро-Атлантического блока, другой – «охранительный» проект России (консервация существующих режимов, сохранение некоторой стабильности, последующая интеграция) [5, с. 49].

Кризис на Украине показал верх конкуренции. «Накладываясь на внутренние социальные конфликты и уязвимость, такая конкуренция опасна для стабильности ближнего зарубежья. Пока Россия смогла приостановить продвижение западных структур на постсоветском пространстве. Но сама проблема конкуренции в корне не решена. Интеграция в западные структуры или тесное сотрудничество с ними будет оставаться в долгосрочной перспективе привлекательным проектом для стран ближнего зарубежья» [2, с. 18]. Грузия, Украина, Молдавия «выбирают» Запад.

Еще в начале XXI в. данные ВЦИОМ показывали симпатии россиян к партнерам России. Так, наиболее перспективными партнерами РФ, по мнению россиян, являются страны СНГ (53%). Исследователи отмечают: «Кто побогаче, ориентируется чаще всего на сотрудничество со странами Западной Европы, кто победнее – со странами СНГ»³.

По опросу ВЦИОМ 2012 г., наиболее надежные партнеры РФ на международной арене – Беларусь (46%) и Казахстан (38%). Далее

³ С кем дружить? Опрос ВЦИОМ. 21.02.2001. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/s-kem-druzhit> (дата обращения: 16.02.2025).

следовали: Украина (17%), Армения (5%). Киргизия, Азербайджан (по 4%), Узбекистан (3%), Молдавия, Туркменистан, Таджикистан (по 2%), Грузия (1%)⁴.

Более поздние данные ВЦИОМ (2015 г.) показывают рост симпатий россиян к Белоруссии и Казахстану. Среди стран СНГ они остаются главными партнерами (Белоруссия – 68%, Казахстан – 53%). В числе других – Армения (10%), Киргизия (7%), Азербайджан (5%), Узбекистан, Грузия (по 3%), Молдавия, Туркменистан, Таджикистан (по 1%), Украина (менее 1%)⁵. Таким образом, после 2014 г. россияне перестали рассматривать Украину в качестве партнера России.

Последние материалы ВЦИОМ (2023 г.) свидетельствуют о сохранении дистанции в восприятии отношений между бывшими республиками и РФ. Так, если 40 лет назад 28% харак-

теризовали эти отношения как напряженные, 21% – как прохладные, а 2% – как враждебные (51% негативных ответов), то в 2023 г. процент положительных оценок стал выше на 9 п.п.⁶

По данным авторских исследований 2024 г. среди молодежи российских регионов, наибольшую тревожность у респондентов вызывает конфликт с Украиной, продолжение СВО. Ухудшение отношений со странами постсоветского пространства значительно меньше волнует современную молодежь (табл. 2).

Исследования ВЦИОМ 2023 г. показывают динамику роста доли наших сограждан, рассматривающих Россию как гаранта мира на пространстве СНГ – 52% опрошенных считают, что Россия обеспечивает порядок в этом регионе⁷.

По авторскому опросу 2023 г. 40% студентов согласны с этим [6] (табл. 3). Следует подчеркнуть, что и по опросу ВЦИОМ, и по авторскому опросу достаточно большая часть опрошенных затруднились ответить, но их доля постепенно снижается (что также подтверждает ВЦИОМ).

⁶ Россия на пространстве бывшего СССР: мониторинг. Опрос ВЦИОМ. 25.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-na-prostranstve-byvshego-sssr-monitoring> (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Там же.

Таблица 2

События и процессы, вызывающие тревожность молодежи, % [3, с. 58]

Событие, процесс	Сильная тревога, постоянный страх		Некоторое беспокойство, тревожность		Это меня не беспокоит	
	Опрос в январе 2024 г.*	Опрос в июне 2024 г.**	Опрос в январе 2024 г.*	Опрос в июне 2024 г.**	Опрос в январе 2024 г.*	Опрос в июне 2024 г.**
Продолжение СВО, конфликта с Украиной	47,0	49,4	37,6	37,9	15,4	12,7
Ухудшение отношений со странами постсоветского пространства	21,4	26,6	49,6	44,9	29,0	28,5

Примечание. * Студенты, Пенза, n = 351; ** молодежь, Пенза, Саратов, Тюмень, n = 1400.

Таблица 3

Оценка роли Российской Федерации на постсоветском пространстве, % [3, 6]

Варианты ответов	Молодежь, Пенза, Саратов, Тюмень, июнь 2024 г., n = 1400	Студенты, Пенза, 2023 г., n = 393
РФ проявляет заботу по обеспечению порядка и стабильности в регионе	36,5	40,2
РФ проводит политику, не смешиваясь в дела этих стран	19,9	10,2
РФ ведет в регионе имперскую политику	6,6	3,0
Затруднились ответить	37,1	45,7

Сегодня наиболее тесные отношения среди постсоветских государств сложились между Россией и Беларуссией; последняя всегда была ориентирована на Россию (а после 2022 г. начался новый этап союзничества; при оценке по шкале: партнерство – стратегические партнерство – союзничество). Беларусь, находящаяся между Россией и ЕС, пытается проводить сбалансированную внешнюю политику. Ее территория – единственный геостратегический коридором для выхода РФ в Европу [7, с. 51].

В последние годы стали чаще говорить о странах дружественных и недружественных. Так, по опросу ФОМ 2019 г., дружественными странами на постсоветском пространстве россияне считали Беларуссию (58%) и Казахстан (49%). По мнению 66% россиян, Украина стала недружественной страной⁸. Сходные мнения разделяют и студенты. По результатам исследования Т. К. Ростовской и Р. А. Мулжановой, дружественными являются Беларуссия и Казахстан, недружественной страной – Украина [8, с. 107]. По результатам исследований Л. В. Рожковой (2023 г.), эти позиции среди студенческой молодежи сохранились [9, с. 253].

Вопрос о друзьях, врагах, партнерах и союзниках России на постсоветском пространстве рассматривался в рамках фокус-групп (2024 г.), проведенных среди студентов. Полученные данные подтверждают материалы общероссийских и региональных исследований о значительном тесных связях России и Беларуссии.

С Беларуссией мы достаточно близкие партнеры, это один из близких партнеров, который у нас есть (муж., 22 года).

На постсоветском пространстве нашим союзником является Беларусь (жен., 20 лет).

Я думаю Беларусь – это наш самый лучший друг. Бизнес-партнеры – это Китай и Северная Корея. В какой-то степени враг – это Украина. Самый главный враг для России – США (жен., 18 лет).

Интересны и высказывания студентов о друзьях и партнерах в контексте международных отношений. Действительно, все зависит от общих интересов и ценностей.

...друзей в международной политике быть не может, могут быть только партнеры или партнерские отношения. Все остальные – это либо враги, либо не равные партнеры (муж., 21 год).

⁸ Дружественные и недружественные страны. Опрос ФОМ. 6.05.2019. URL: <https://fom.ru/Mir/14201> (дата обращения: 16.02.2025).

Друзей в контексте международных отношений быть не может. В целом слово «союзники» происходит от слова союз, объединение, которое формируется на основе идеи, общего интереса, ценностей. И пока у нас есть общие интересы и общие ценности, мы будем союзниками. Когда эти ценности начнут противоречить друг другу, эти отношения очень быстро закончатся. Такая система действует со всеми государствами, в одно время можно очень тесно сотрудничать, а спустя какой-то промежуток времени разорвать все экономические и политические связи (жен., 21 год).

В отношении постсоветского пространства и роли России В. В. Путин неоднократно отмечал две важные позиции. Во-первых, это проведение политики добрососедства, приоритет постсоветского пространства во внешней политике РФ. Во-вторых, это недопущение проведения политики со стороны западных стран, направленной на разрыв отношений России с постсоветскими странами, а также их вовлечение в различные враждебные экономические и военные структуры [10, с. 60].

Это подтверждает и проект документа «Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора» (декабрь 2021 г.). В нем прямо указывается на зону жизненно важных интересов РФ – постсоветское пространство⁹.

Исследователи выделяют различные варианты для повышения роли России на постсоветском пространстве. Так, А. И. Судальцев полагает, что «Россия пока не выработала привлекательную идеологическую и политико-экономическую модель, которая могла бы конкурировать с западной моделью и противостоять втягиванию европейской части постсоветского пространства в “политическое пограничье” ЕС» [11, с. 132]. Но многое зависит и от влияния ряда факторов, «на разных временных отрезках, предопределяющих устойчивое воздействие как центристских, так и центробежных тенденций в развитии региона» [12, с. 82]. И в этом процессе немалую роль играют глобальные (США, ЕС, Китай) и региональные (Турция, Иран и др.) игроки [12].

⁹ Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора: проект // Министрство иностранных дел Российской Федерации. 17.12.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ (дата обращения: 16.02.2025).

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно сделать ряд основных выводов. Ближнее зарубежье, страны СНГ, ЕАЭС, ОДКБ выступают в качестве важных региональных внешнеполитических приоритетов России. Ближнее зарубежье – не просто регион, обладающий сходными культурными, языковыми традициями, опытом совместного государственного существования. Он важен для обеспечения жизненно важных национальных интересов России. Именно поэтому Россия проявляет к нему пристальное внимание, стремится проводить «охранительную» политику, в противовес усиливающимся действиям со стороны Запада включить постсоветское пространство в зону своего влияния. В современных условиях наблюдается снижение сотрудничества России и ряда стран ближнего зарубежья. Однако многолетний опыт совместной деятельности в рамках СНГ, ОДКБ, ЕАЭС оказывает положительное влияние. Белоруссия и Казахстан – наиболее близкие партнеры РФ на постсоветском пространстве. А начиная с 2022 г. Белоруссия выстраивает с Россией тесные союзнические отношения. Наиболее сложные отношения России и Украины. Эти данные подтверждают и материалы социологических исследований. Большая часть россиян и молодежи разделяют позицию о необходимости выполнения Россией своей миссии как гаранта мира на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Чжао Хуашэн. Россия и её ближнее зарубежье: вызовы и перспективы // Валдай. 09.03.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-eye-blizhnee-zarubezhe/> (дата обращения: 16.02.2025).
2. Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024 гг.) / текст: И. Н. Тимофеев ; под ред. А. В. Кортунова, С. В. Уткина. М. : РСМД, 2017. 37 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russian-Foreign-Policy-2017-2024-Report-Ru.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
3. Внешнеполитические ориентации молодежи современной России / под ред. Л. В. Рожковой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. 220 с.
4. Окунев И. Геополитические коды России – внешнеполитическая стратегия и национальные приоритеты. 27 февраля 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopoliticheskie-kody-rossii-vneshnepoliticheskaya-strategiya-i-natsionalnye-prioritety/> (дата обращения: 16.02.2025).
5. Беспалов С. В. Перспективы повышения влияния России на страны ближнего зарубежья // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2009. № 2 (5). С. 49–59.
6. Рожкова Л. В., Розенберг Н. В., Дубина А. Ш., Сальникова О. В. Россия в современном миропорядке: представления и оценки студенческой молодежи // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2023. Т. 11, № 2 (42). С. 86–99. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-9>
7. Цветков В. А. Место и роль России на постсоветском пространстве // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 49–66. <https://doi.org/10.14530/se.2011.1.049-066>
8. Ростовская Т. К., Мулжанова Р. А. Внешнеполитические ориентации студенческой молодежи // «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы : материалы Декабрьских социально-политических чтений / под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. Ростов н/Д : Перспектива, 2019. С. 100–111. EDN: SGDJMY
9. Рожкова Л. В., Воробьев В. П., Сеидов Ш. Г. Динамика внешнеполитических ориентаций современной студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 248–255. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-248-255>, EDN: DTPJFO
10. Лукьянов В. Ю. Постсоветское пространство в контексте отношений Россия–Запад: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2022. Т. 22, № 2. С. 59–69. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V164>
11. Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: Уходящая реальность // Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего / под общ. ред. С. А. Караганова. М. : Культурная революция, 2007. С. 122–135.
12. Рябов А. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 3. С. 67–82. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-3-67-82>

Поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025;

принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025;

accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 126–133

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 126–133

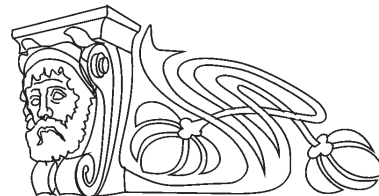
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-126-133>, EDN: CJFONN

Научная статья

УДК 314.745+325.11

Потенциал трудовой миграции в качестве ресурса «мягкой силы» для интенсификации интеграционных процессов между Россией и странами Центральной Азии

А. А. Гребенюк , А. А. Аверьянов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Гребенюк Александр Александрович, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Высшей школы социальных наук (факультет), gaa-mma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9003-4551>

Аверьянов Альберт Андреевич, аспирант кафедры геополитики, averyanov.alia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3039-1985>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена формированием новых миграционных потоков и повышающейся конкуренцией в мире за рабочую силу из стран Центральной Азии. Странами-реципиентами, заинтересованными в привлечении трудовых мигрантов, выступают Российская Федерация, Иран, Турция, Китай, Южная Корея, ОАЭ, Саудовская Аравия, страны ЕС. Рекомендации предложены в качестве продолжения исследования, проведенного авторами в 2023 г., которое было направлено на выяснение отношения трудовых мигрантов, работающих в России, к интеграционным объединениям, куда входят Российская Федерация и страны Центральной Азии (ЕАЭС, ОДКБ). Исследование показало положительное отношение трудовых мигрантов к интеграционным объединениям, в которых Россия играет ключевую роль, и их лояльность к российскому внешнеполитическому курсу. Данная ситуация показывает не только возможность, но и необходимость использования трудовых мигрантов в качестве ресурса российской «мягкой силы» для интенсификации интеграционных процессов между Россией и странами Центральной Азии – Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном. Рекомендации предлагаются в общественно-политической, информационной, научно-образовательной, финансовой сферах. Например, предлагается поддержка общественных некоммерческих организаций и аналитических центров, снижение международных тарифов за мобильный роуминг между странами, продвижение российских цифровых экосистем, открытие филиалов российских вузов, продвижение российского образования и русского языка, повышение доверия к российским банковским продуктам для дедолларизации центральноазиатских стран и перехода на национальные валюты и пр. Предложенные действия не исчерпываются рекомендациями авторов, но призывают научное и общественное сообщество оценивать трудовых мигрантов не только с точки зрения экономических потребностей России, но и с позиции целесообразности использования их в качестве ресурса продвижения российских нарративов в центральноазиатских странах.

Ключевые слова: трудовые мигранты, миграция, мягкая сила, интеграционные процессы, интеграционные объединения, Россия, Центральная Азия

Для цитирования: Гребенюк А. А., Аверьянов А. А. Потенциал трудовой миграции в качестве ресурса «мягкой силы» для интенсификации интеграционных процессов между Россией и странами Центральной Азии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 126–133. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-126-133>, EDN: CJFONN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The potential of labor migration as a “soft power” resource to enhance integration processes between Russia and Central Asia

А. А. Grebenyuk , А. А. Averyanov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Alexander A. Grebeniyk, gaa-mma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9003-4551>

Albert A. Averyanov, averyanov.alia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3039-1985>

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that today new migration flows are being created and competition between countries for labor resources from Central Asian is increasing. The recipient countries that attract labor migrants include the Russian Federation, Iran, Turkey, China, South Korea, the United Arab Emirates (UAE), Saudi Arabia, and the countries of the European Union. The recommendations are made

as a continuation of 2023 study, which was aimed at clarifying the attitude of migrant workers in Russia towards integration associations (EAEU, CSTO). The research demonstrated positive attitude of migrant workers towards integration associations in which Russia assumes a significant position. Migrant workers also show commitment to the course of Russia's foreign policy. This situation demonstrates the potential and need to use migrant workers as a resource of Russia's "soft power" in promoting integration with Central Asian countries such as Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. The recommendations in the public, political, informational, scientific, educational, and financial spheres are proposed. Supporting public organizations and analytical centers to reduce mobile tariffs, to foster the development of Russian digital ecosystems are proposed. Moreover, it is proposed to open Russian universities affiliates abroad to promote Russian education and the Russian language. In addition, it is proposed to increase confidence in Russian banking services in order to achieve de-dollarization and transition to national currencies. The listed actions are not limited to the above made recommendations. The scientific and public communities are called upon to appraise labor migrants, not only in terms of Russia's economic needs, but also to consider the significance of utilizing them to promote the Russian political narrative in Central Asian countries.

Keywords: labor migrants, migration, soft power, integration processes, integration associations, Russia, Central Asia

For citation: Grebeniuk A. A., Averianov A. A. The potential of labor migration as a "soft power" resource to enhance integration processes between Russia and Central Asia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 126–133 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-126-133>, EDN: CJFONN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Концепция «мягкой силы» (soft power) как вид внешнеполитической стратегии достаточно подробно исследована в мировой политологической науке. Отдельным элементом «мягкой силы» является капитал влияния, под которым понимается сеть организаций (НКО, фонды, культурные центры), обеспечивающих взаимодействие с различными социальными группами за рубежом: молодежью, научными работниками, политическими активистами и т.д. [1]. Вместе с тем сегодня капитал влияния может рассматриваться значительно шире и включать не только организации, но и сами социальные группы с определенными политическими установками. Согласно данному подходу ресурсом «мягкой силы» могут выступать мигранты, их диаспоры, землячества и т.д. Причем эти группы могут выступать как ресурсом «мягкой силы» страны происхождения мигрантов (например, еврейская диаспора в США является ресурсом лоббирования интересов Израиля), так и ресурсом «мягкой силы» страны нахождения. Ярким примером последнего являются президентские выборы в Молдавии в 2024 г. В них победа кандидата, поддерживаемого руководством Европейского союза, была во многом обеспечена голосами молдаван-трудовых мигрантов, находящихся в ЕС и поддерживающих линию на интеграцию в Европу.

Российская Федерация активно принимает трудовых мигрантов из-за рубежа, прежде всего из стран Центральной Азии. Согласно данным МВД России, более половины потока прибывших в Россию из-за рубежа мигран-

тов (около 59%) приходится на пять стран Центральной Азии: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. По результатам 2022 г., количество постановок на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства составило более 16 млн, из которых 75% – граждане вышеперечисленных стран (около 12,7 млн). Самое большое количество постановок на миграционный учет у мигрантов из Узбекистана – 6,3 млн, Таджикистана – 4,4 млн и Киргизии – 1,2 млн. Несмотря на значительные масштабы трудовой миграции в Россию, сегодня наблюдается тенденция формирования новых миграционных коридоров и новых точек притяжения трудовых мигрантов из Центральной Азии¹, которыми становятся страны Ближнего Востока (Турция, Иран), страны Персидского залива (Катар, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия) и Восточной Азии (Индия, Китай, Южная Корея) [2]. В перспективе конкуренция за рабочую силу из Центральной Азии будет только возрастать, даже несмотря на демографический и миграционный потенциал Центрально-Азиатского региона². В будущем есть вероятность сохранения миграционного потенциала из стран Центральной Азии в Россию и его роста, если,

¹ Migration Outlook Eastern Europe and Central Asia 2023 Six migration issues to look out for in 2023 Origins, key events and priorities for Europe. URL: https://www.icmpd.org/file/download/59104/file/230215_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_final.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

² По оценкам ООН, в странах Центральной Азии в 2023 г. проживало 78 млн чел. С 2010 г. средний прирост населения составил 1,5%, до 2050 г. население увеличится до 94 млн. См.: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 18.02.2025).

согласно теории «толчка-притяжения» Э. Ли, притягивающие факторы России как страны для жизни и работы будут превосходить притягивающие факторы других стран³.

Данная статья продолжает исследования авторов в области изучения отношения трудовых мигрантов из Центральной Азии, работающих в России, к интеграционным процессам на постсоветском пространстве. В настоящее время трудовая миграция из Центрально-Азиатского региона как ресурс продвижения российской «мягкой силы» и укрепления интеграционного взаимодействия с отправляющими мигрантов странами используется крайне слабо. Имея важное значение для преодоления дефицита рабочей силы на российском рынке труда и стимулируя экономическое развитие стран выезда посредством денежных переводов, иностранные работники могут стать важным каналом продвижения внешнеполитических интересов Российской Федерации. Данная работа посвящена выработке управленческих рекомендаций по использованию потенциала трудовых мигрантов в качестве важного компонента влияния отечественной «мягкой силы» для интенсификации интеграционных процессов между Россией и государствами Центрально-Азиатского региона.

Теоретический анализ

Исследованию международной миграции в контексте «мягкой силы» посвящен целый ряд научных работ как зарубежных авторов (А. Кайя [3], Ж. Толай [4], Г. Цурапас [5], С. Хан [6], Т. Кейн [7], так и российских ученых (П. И. Касаткин и В. А. Аватков [8], В. А. Суворова и И. А. Бронников [9] и др.). Практически все исследователи единодушны в понимании большого потенциала использования миграционных процессов в качестве «мягкой силы» государства.

Различного рода рекомендации по интенсификации интеграционных процессов между Российской Федерацией и центральноазиат-

скими странами-донорами трудовых ресурсов регулярно предлагаются государственными и общественными деятелями из России и стран Центральной Азии, публикуются академическими исследователями в аналитических отчетах и статьях, широко обсуждаются на научных конференциях и семинарах. В данном контексте миграция рассматривается в большей степени как одно из социально-экономических последствий межгосударственной интеграции, а не как самостоятельный фактор. Среди наиболее значимых исследований последних лет можно отметить работы С. В. Рязанцева, Д. З. Икромова, Ф. Т. Хонходжаева [10], С. Ю. Глазьева [11], А. В. Топилина [12] и других, а также аналитические отчеты Российского совета по международным делам (РСМД), Евразийского банка развития (ЕАБР) и др.

Трудовые мигранты как ресурс «мягкой силы»

Интенсификация интеграции подразумевает не только расширение возможностей трудовых мигрантов, выступающих в качестве ресурса «мягкой силы», но и должна строиться по принципу «четырех оснований» («столпов»), предполагающему одновременное соблюдение интересов трудовых мигрантов, а также национальных, коммерческих, общественных интересов принимающего государства.

В рамках нашего исследования, проведенного в 2023 г., мы пришли к выводу, что трудовые мигранты из стран Центральной Азии (Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) в целом лояльны к внешнеполитическому курсу России, поддерживают дальнейшее международное сотрудничество своих стран с Россией. Это дает право рассматривать трудовых мигрантов в качестве ресурса российской «мягкой силы» для продвижения российских экономических и политических интересов в Центрально-Азиатском регионе. В представлении трудовых мигрантов Россия выступает гарантом мира и стабильности на территории бывшего СССР и должна продолжать заботиться о поддержании порядка в регионе (с этим утверждением согласны от 76 до 81% опрошенных в зависимости от страны выезда), в то же время мигранты практически не выступают за сближение со странами Запада (менее 5% опрошенных вне зависимости от страны выезда). Результаты исследования показывают, что международная трудовая миграция имеет потенциал для формирования информационных каналов трансляции российских нарративов в

³ Правительство Таджикистана, например, в рамках по диверсификации направлений трудовой миграции уже заключило договоры о сотрудничестве с Саудовской Аравией и ведет переговоры с Израилем, Португалией, Великобританией. См.: Migration Outlook Eastern Europe and Central Asia 2023 Six migration issues to look out for in 2023 Origins, key events and priorities for Europe. URL: https://www.icmpd.org/file/download/59104/file/230215_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEurope-CentralAsia_2023_final.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, что должно вести к солидаризации в них общественного мнения, детерминируя и усиливая запрос на углубление интеграционного взаимодействия России и стран Центральной Азии [13].

Исследование также продемонстрировало поддержку работниками из Центральной Азии внешнеполитического курса России и углубления интеграционных процессов между странами выезда мигрантов и Россией. Для усиления потенциала трудовых мигрантов в интеграционном взаимодействии были разработаны следующие рекомендации.

1. Усиление общественно-политического влияния трудовых мигрантов на интеграционные процессы

Исходя из целесообразности развивать потенциал трудовых мигрантов из Центрально-Азиатского региона по интенсификации интеграционных процессов и по продвижению на родине «мягкой силы» России, необходимым является активная поддержка российскими властями создания общественных объединений мигрантов. Поддержка должна быть оказана открытию подобных объединений (организаций) как в России, так и в странах выезда, посредством различных программ Россотрудничества. Данные объединения должны выступать за углубление экономической, а также политической интеграции между Россией и странами выезда мигрантов.

Необходима поддержка не только общественных организаций, но и политических партий в странах Центральной Азии, которые защищают интересы трудовых мигрантов и продвигают идею более глубокой политической и социально-экономической интеграции между государствами региона и Российской Федерацией. Поддержка общественных организаций, политических движений и партий, представляющих интересы трудовых мигрантов, позволит усилить их влияние на политические процессы в посылающих странах.

Указанные выше общественные объединения трудовых мигрантов (прежде всего в посылающих странах) должны быть связаны с российскими фабриками мысли (think tanks), аналитическими центрами, некоммерческими организациями (НКО), вместе с которыми, используя инструменты «мягкой силы», они вели бы работу в сфере продвижения российских нарративов и проектов в Центральной Азии. Эта работа в большей степени должна вестись по трем направлениям:

1) поддержка, т.е. финансирование, медийное сопровождение и помощь в реализации низовых гражданских инициатив и работа с местными журналистами, блогерами и русскоязычным сообществом. Это может быть самая разнообразная работа – от защиты гражданских прав и решения локальных проблем до поддержки материнства, детства, продвижения русской культуры;

2) продвижение классической и современной российской культуры – музыки, кино (в том числе современной российской поп-культуры), русской кухни;

3) продвижение и укоренение в массовом сознании нематериальных концептов «мягкой силы», связанных с Россией, для их более простого принятия жителями Центральной Азии. Эти концепты должны быть психологически привлекательны и понятны обывателю. Все это должно способствовать межгосударственным интеграционным процессам. По сути, необходима вся та работа, которую давно и интенсивно проводят многочисленные западные фабрики мысли в регионе. При этом, в отличие от стран Запада, у России в Центральной Азии есть уникальный ресурс – трудовые мигранты (в том числе вернувшиеся на родину) и члены их семей, которых можно использовать для продвижения интеграционных концептов.

Центры по адаптации мигрантов в России, которые осуществляют подготовку к миграции в странах Центральной Азии, должны активно взаимодействовать с общественными организациями мигрантов. Многофункциональный миграционный центр в Сахарово (г. Москва) сегодня ведет скорее формальную работу по легализации мигрантов, т.е. по оформлению документов, необходимых для пребывания и трудоустройству в России (получению патентов, тестированию по русскому языку, медицинскому освидетельствованию). Конечно, центры по адаптации, в первую очередь, должны помогать мигрантам найти работу, организовывать языковые курсы, решать юридические вопросы, предоставлять психологическую помощь. Вместе с тем они должны оказывать поддержку тем организациям мигрантов, которые содействуют интеграционным процессам с Россией.

2. Стимулирование роста информационного компонента влияния трудовых мигрантов на интеграционные процессы

В рамках данного направления необходимо интенсифицировать информационный обмен и облегчить донесение позиции трудовых мигран-

тов по вопросам интеграционных процессов до населения посылающих стран, а также политических элит этих государств. Для этого необходимо упростить и удешевить коммуникацию и передачу информационного контента от трудовых мигрантов, находящихся в России, в страны Центральной Азии, а соответственно, снизить международные тарифы за мобильный роуминг.

В регионе широко присутствуют крупные российские сотовые операторы (МТС, Мегафон, Вымпелком) и другие компании. Сегодня звучат предложения отменить роуминг со странами ЕАЭС (Казахстаном, Кыргызстаном, Арменией) в 2025 г. Эта работа должна вестись оперативно. Например, входящий роуминг между Российской Федерацией и Республикой Беларусь отменен с 1 апреля 2024 г., но работа по решению вопроса длилась почти шесть лет, договоренности были приняты еще в 2018 г., «дорожная карта» подписана в 2019 г. Эти же практики должны быть проецированы на Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. У телекоммуникационных компаний появится возможность существенно нарастить клиентскую базу в странах Центральной Азии, увеличить количество индивидуальных пользовательских действий (звонков, смс-сообщений, интернет-трафика), что позволит повысить узнаваемость и продажи сопутствующих продуктов собственных экосистем, например, подписок на онлайн-кинотеатры «Окко» (Сбер), «Kion» (МТС), Wink (Ростелекома), сервисов облачного хранения данных, сервисов онлайн-бронирования отелей и т.д. Это повысит удобство пользователей и упростит коммуникацию трудовых мигрантов и населения стран Центральной Азии. Российские IT-компании (Яндекс, Сбер, Циан, Озон, ВК, МТС, Мегафон, Ростелеком и др.) сегодня являются мировыми лидерами по функционалу, удобству использования, пользовательскому сервису, поэтому, если трудовые мигранты будут в полной мере пользоваться возможностями цифровых платформ, это позволит повысить лояльность как к самим компаниям, так и к Российской Федерации в целом и, что является наиболее важным, упростит проникновение российской культуры, информационного контента в Центрально-Азиатский регион.

3. Продвижение русского языка и российского образования в странах Центральной Азии как значимого фактора интеграционных процессов

Как показывают социологические замеры, сегодня существует значительная проблема низкого уровня владения трудовыми мигрантами

из Центральной Азии русским языком [14]. Это приводит к исключению иностранных работников из русскоязычного информационного пространства, что, помимо проблем с адаптацией в России, снижает как потенциал данной социальной группы в качестве инструмента российской «мягкой силы», так и возможности ее влияния на интеграционные процессы.

Проблема знания русского языка детерминирована тенденциями снижения численности русскоязычного населения, уменьшения использования русского языка в странах Центральной Азии, сокращением образования на русском языке в учреждениях среднего профессионального и высшего образования. В 2020/2021 уч. г. в Кыргызстане 52,9% обучения в учреждениях среднего профессионального образования велось на русском языке (в 1990/1991 уч. г. – 80,0%), в Таджикистане 7,3% (в 1990/1991 уч. г. – 40,0%), в Узбекистане 2,7% (в 1990/1991 уч. г. – 8,0%). В 2020/2021 уч. г. в вузах Кыргызстана 65,3% обучения велось на русском языке (в 1990/1991 уч. г. – 93,0%), Таджикистана – 25,0% (в 1990/1991 уч. г. – 55,0%), Узбекистана только 2,8% (в 1990/1991 уч. г. – 8,0%) [15].

Знание русского языка для иностранного работника не только помогает ему в социальной адаптации, но и обеспечивает возможность получения рабочего места с более высокой заработной платой. Высокий уровень доходов позволит повысить статус трудовых мигрантов, что сделает их позицию по углублению интеграционных процессов более весомой. Важно отметить, что знание русского языка должно закладываться, в первую очередь, в посылающих мигрантов странах. Деятельность по продвижению русского языка в контексте продвижения российского образования лишь на первый взгляд выглядит беспроблемной. Так, если в Узбекистане почти половину всех филиалов зарубежных университетов занимают российские учебные заведения – работают филиалы МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, ВГИК им. С. А. Герасимова, РХТУ им. Д. И. Менделеева, РЭУ им. Г. В. Плеханова и многие другие, то в Таджикистане действуют филиалы только трех университетов – МГУ им. М. В. Ломоносова, МИСИС и МЭИ, также работает совместный Российско-Таджикский (Славянский) университет. Следует признать, что этого количества высших учебных заведений недостаточно. Активную работу по экспансии своей культуры ведет Китай, который открывает в странах Центральной Азии институты Конфуция и приглашает на обучение в Китай

десятки тысяч выпускников школ. Активную работу с молодежью и студентами в центральноазиатских странах проводят Турция и США. В Узбекистане поддержка властей зарубежных вузов зависит от их места в мировых университетских рейтингах. При принятии решений на софинансирование образовательных программ государство ориентируется на рейтинги QS, THE или ARWU, в которых вуз должен входить в топ-300. Ввиду санкционного давления, ведения изоляционной политики к России странами Запада, невысоких позиций российских вузов в мировых рейтингах перспективы развития научно-образовательного сотрудничества в регионе остаются неопределенными. России необходимо продвигать отказ от западных систем и развивать альтернативные евразийские системы вузовского рейтингования в Центральной Азии. Альтернативой может выступить рейтинг «Три миссии университета», инициатором создания которого был в том числе ректор МГУ академик В. А. Садовничий. Согласно данному рейтингу за 2023 г., в топ-300 входят 14 российский вузов, а всего в рейтинге из 2000 вузов представлено 154 российских⁴.

На государственном уровне необходимо стимулировать российские вузы на открытие своих филиалов в странах Центральной Азии, при необходимости данное направление работы должно софинансировать Правительство России. Дополнительно должны открываться финансово менее затратные совместные образовательные программы на базе местных вузов, а также русскоязычные школы, в которых должны унифицироваться школьные образовательные программы. В России необходимо повышать престиж востоковедения, увеличивать квоты на обучение студентов из стран Центральной Азии, создавать евразийские стипендии, проводить совместные конференции и семинары, открывать курсы по изучению культуры, истории, литературы стран Центральной Азии.

4. Интенсификация влияния трудовых мигрантов на экономическую интеграцию между Россией и странами Центральной Азии

Потенциал трудовых мигрантов может быть использован для развития экономической интеграции в Центрально-Азиатском регионе. Как показывают исследования, трудовая миграция благотворно влияет на увеличение

объемов торговли между посылающими и принимающими государствами [16], в том числе за счет открытия иностранными работниками собственного бизнеса.

В этой связи для интенсификации вовлечения мигрантов в экономические процессы необходима финансовая поддержка развития их предпринимательских инициатив. Должны быть реализованы специальные кредитные продукты для открытия мигрантами собственного бизнеса, который будет специализироваться на торговле между странами Центральной Азии и Российской Федерацией. Отдельно следует поддерживать создание совместных предприятий, которые будут выпускать продукцию из комплектующих, локализованных в России и центральноазиатских странах.

Важным направлением является создание образовательных программ по повышению финансовой, инвестиционной грамотности мигрантов, обучению их предпринимательским практикам и особенностям открытия и ведения бизнеса, в том числе международного в России. Трудовые мигранты должны понимать принципы работы российской финансовой системы и системы налогообложения, особенности международной торговли, владеть навыками управления банковскими счетами, открытия вкладов, инвестирования в российские ценные бумаги на фондовом рынке, конвертации валют. Они должны уметь в полной мере пользоваться современными российскими электронными сервисами (например, личным кабинетом налогоплательщика Федеральной налоговой службы и др.). Крупные коммерческие компании финансового сектора (такие как Сбер, ВТБ, Т-Банк) должны периодически выпускать дайджесты, подкасты с основной информацией для мигрантов о возможностях своих сервисов. Особую актуальность подобное обучение приобретает для тех мигрантов, которые планируют заниматься предпринимательством.

Также необходимо повышать доверие трудовых мигрантов к российской валюте, бизнесу и инвестициям в России. Данная работа особенно актуальна после ухода с российского рынка западных инвесторов (как крупных институциональных, так и миноритариев). Российский фондовый рынок нуждается в ликвидности, а российская валюта в стабильном спросе. Как уже отмечалось выше, необходимо вести работу по вовлечению мигрантов в международный бизнес на российской территории, стимулиро-

⁴ Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета». URL: <https://mosiur.org/ranking/> (дата обращения: 18.02.2025).

вать предпринимателей к открытию совместных предприятий в России, потому что именно средний и малый бизнес, работающий на основе рыночных механизмов, сегодня осуществляет так называемый параллельный импорт, позволяя успешно развиваться экономика Российской Федерации и стран Центральной Азии. Трудовые мигранты должны понимать основные принципы трудоустройства сотрудников, страхования, банковского эквайринга, начисления и выплаты налогов. Стоит отметить, что соблюдение российского законодательства не должно рассматриваться как бюрократическое бремя, от которого мигранту необходимо уклоняться. Следование правилам законодательства должно восприниматься как простой, понятный и удобный механизм, упрощающий предпринимательскую деятельность (это же актуально и для физических лиц). Как для частных, так и для юридических лиц понятные процессы в банковской сфере помогут повысить лояльность трудовых мигрантов к российским финансовым институтам, прозрачность операций и вывести расчеты внутри сообществ мигрантов из теневой сферы.

Следует также использовать потенциал денежных переводов иностранных работников на родину («ремиттанс») для проникновения российских кредитно-денежных организаций в финансовые системы стран Центральной Азии. В настоящее время трудовые мигранты делают денежные переводы на родину на миллиарды долларов в год. Согласно данным Центрального Банка России, в 2021 г. (данные об объемах трансграничных переводов ЦБ РФ публиковались с 2006 до 2021 г.) физическими лицами (резидентами и нерезидентами) было переведено в другие страны 44 млрд долл., из них 13 млрд долл. в страны СНГ, из которых 77% пришлось на страны Центральной Азии⁵. Согласно данным Национального банка Кыргызской Республики по итогам 2023 г., в страну было переведено 2,7 млрд долл., из них из России – 94% (примерно 2,5 млрд долл.)⁶; по данным Национального банка Республики Узбекистан, из России в Узбекистан за 2022 г. было сделано денежных переводов на 14,5 млрд долл., рост к 2021 г. составил 2,6 раза (в 2021 г. 5,6 млрд долл.)⁷.

⁵ Трансграничные переводы физических лиц (резидентов и нерезидентов). 2006–2021 г. URL: https://cbr.ru/hd_base/tg/?tab.current=t1 (дата обращения: 18.02.2025).

⁶ Национальный банк Кыргызской Республики. URL: <https://www.nbkr.kg/index.jsp?lang=RUS> (дата обращения: 18.02.2025).

⁷ Национальный банк Республики Узбекистан. URL: <https://cbu.uz/ru/> (дата обращения: 18.02.2025).

Использование российских сервисов (Сбер, ВТБ, Т-Банк и др.) уже делает процесс трансграничных денежных переводов прозрачнее, удобнее и быстрее. Трудовые мигранты активно пользуются современными гаджетами, которые позволяют упрощенно и быстро отправлять переводы через мобильные приложения банков. Банки должны предложить специальные условия банковских комиссий за конвертацию валют в паре рубль – узбекский сум, рубль – киргизский сом, рубль – таджикский сомони. Это приведет к отказу от использования наличных, снижению банковских комиссий, развитию инфраструктуры и пользовательских услуг, необходимости создания новых отделений российских банков в странах Центральной Азии, дедолларизации, переходу на национальные валюты, а также к усовершенствованию и сопряжению работы центральных и коммерческих банков стран. Сегодня банковскую систему стран Центральной Азии можно охарактеризовать как архаичную. Потеря многими гражданами после распада СССР рублевых сбережений и вкладов обусловила у них предпочтение хранения денег в наличных долларах. Недоверие к правительству и национальной валюте сформировало в странах Центральной Азии тотальную долларизацию по причине меньшей инфляции и веры в надежность американской валюты. Увеличение присутствия крупных российских банков в регионе и расширение практики их использования трудовыми мигрантами, находящимися в России, закрепит пользовательские финансовые практики и позволит повысить лояльность к российским цифровым сервисам.

Заключение

Сегодня миграционные процессы необходимо анализировать не только с позиции социально-экономической целесообразности. В настоящее время мигранты оказывают все большее влияние на политические процессы, и, как это показано в данной статье, являются капиталом влияния «мягкой силы» как стран выезда, так и государств назначения. Трудовые миграционные потоки из стран Центральной Азии обладают мощным ресурсом политического влияния, который необходимо использовать Российской Федерации для продвижения своих интересов и интеграционной повестки в Центрально-Азиатском регионе.

Для интенсификации влияния международной трудовой миграции на интеграционные

процессы между Россией и странами Центральной Азии (Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном) представлен перечень рекомендаций, который включает в себя меры по усилению общественно-политического влияния, стимулированию роста информационного компонента влияния трудовых мигрантов, продвижению русского языка и российского образования в странах Центральной Азии, усилению влияния трудовых мигрантов на экономическую интеграцию. Спектр возможных действий не исчерпывается предложенными рекомендациями, но призывает экспертов и научное сообщество к обсуждению дальнейшего использования трудовых мигрантов в качестве ресурса «мягкой силы» Российской Федерации для продвижения ее интересов в странах Центральной Азии.

Список литературы

1. Орлова И. Б., Гребенюк А. А., Сорокин О. В., Коренева И. И., Иванова В. И. Социальные технологии. М. : Юрайт, 2019. 174 с. (Бакалавр и магистр. Академический курс). EDN: CLRXRZ
2. Рязанцев С. В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. 2016. № 55. С. 2–23. EDN: YOPLJE
3. Kaya A. Migration as a leverage tool in international relations: Turkey as a case study // Uluslararası İlişkiler. 2020. Vol. 17, № 68. P. 21–39. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.856870>
4. Tolay J. Mass Migration and Images of State Power: Turkey's Claim to the Status of a Responsible Rising Power // Rising Powers Quarterly. 2016. Vol. 1, iss. 2. P. 135–149.
5. Tsourapas G. Authoritarian emigration states: Soft power and cross-border mobility in the Middle East // International Political Science Review. 2018. Vol. 39, iss. 3. P. 400–416. <https://doi.org/10.1177/0192512118759902>
6. Khan S. Soft power amidst a crisis: Return migration and India's soft power in the Persian Gulf // Return migration and crises in non-Western countries. Cham : Springer International Publishing. 2024. P. 69–82. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53562-8_4
7. Kane T. The Immigrant Superpower: How Brains, Brawn, and Bravery Make America Stronger. New York, NY : Oxford University Press, 2022. 304 p.
8. Kasatkin P. I., Avatkov V. A. The soft power of migration – a hard task for the European union // Defense and Security Analysis. 2014. Vol. 30, iss. 4. P. 311–322. <https://doi.org/10.1080/14751798.2014.948282>
9. Суворова В. А., Бронников И. А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. Т. 7, № 4. С. 131–139. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-131-139>
10. Рязанцев С. В., Хонходжаев Ф. Т., Акрамов Ш. Ю., Рязанцев Н. С. Возвратная миграция в Таджикистан: формы, тенденции, последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 2. С. 178–191. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.2.14>, EDN: EDAEHF
11. Глазьев С. Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 3. С. 11–23. <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>
12. Топилин А. В. Миграция и внутренний рынок труда: анализ и проблемы регулирования // Экономист. 2014. № 11. С. 73–82. EDN: YNANGF
13. Гребенюк А. А., Протасова В. А., Аверьянов А. А. Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 107–125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125>, EDN: DVSVAO
14. Гребенюк А. А., Максимова А. С., Агеенко А. Ю. Русский язык в контексте социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 4. С. 167–187. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-167-187>
15. Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3 / авт.-сост. А. Л. Арефьев, В. А. Жильцов, С. Ю. Камышева, Т. В. Нестерова, А. А. Филиппова ; под ред. С. Ю. Камышевой. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. 70 с.
16. Murat M., Pistoresi B. Migrant networks: empirical implications for the Italian bilateral trade // International Economic Journal. 2009. Vol. 23, iss. 3. P. 371–390. <https://doi.org/10.1080/10168730903119435>

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025;
accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 134–141

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 134–141

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141>, EDN: DLAQTD

Научная статья

УДК 316

Теория гражданского общества: а был ли мальчик?

Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Аннотация. Статья посвящена теории гражданского общества, которая много лет является поводом для оживленных дискуссий в отечественном общественно-публицистическом и общественно-научном дискурсах. За последние примерно 30 лет в сфере изучения гражданского общества в российской социальной науке создан масштабный корпус текстов, который больше запутывает, чем проясняет ситуацию с его пониманием. Анализируется комплекс идей и понятий, заложенный в основу теории гражданского общества в ее развитии. Показано, что традиционно приписываемые к теоретикам гражданского общества Платон и Аристотель; Гоббс, Локк и Руссо; Кант, Смит, Гегель при ближайшем рассмотрении разрабатывали идеи, противоречащие или современному тренду его понимания, или друг другу. Дезавуировал идею гражданского общества Маркс, считавший гражданское общество голосом правящего класса. Больше ста лет, с середины XIX до 80-х гг. XX в., «гражданское общество» практически отсутствовало в научной и политической жизни. В научной литературе и СМИ за последние полстолетия распространилось множество определений и трактовок концепта «гражданское общество». В результате их обобщения складывается примерно шесть базовых толкований. Если рассматривать эти классификации в комплексе, то возникает когнитивный диссонанс: не могут под именем одного и того же социального объекта скрываться столь разные явления. То, что сегодня называют теорией гражданского общества, является нечетко определенным и разнообразным набором подходов. Гражданское общество рассматривается как особая область, которая должна быть признана, взлелеяна и защищена от регламентирования. Антигосударственный идейный пафос гражданского общества – это один из самых действенных таранов разрушения идейных основ государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, противоречия, теория-симулякр, антигосударственная абстракция

Для цитирования: Никифоров Я. А. Теория гражданского общества: а был ли мальчик? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 134–141. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141>, EDN: DLAQTD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theory of civil society: Was there a boy?

Ya. A. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Abstract. The article is devoted to the theory of civil society, which for many years has been the reason for discussions in Russian social and scientific discourses. Over the past 30 years, a large-scale corpus of texts was created in the field of studying civil society in Russian social science, which is more confusing than clarifying the situation. The complex of ideas and concepts underlying the theory of civil society in its development is analyzed. Plato and Aristotle; Hobbes, Locke and Russo; Kant, Smith, Hegel, traditionally attributed to civil society theorists, on closer examination, developed the ideas that contradict to either the modern trend of its understanding or, to each other. K. Marx disavowed the idea of civil society, he considered a civil society as the voice of the ruling class. More than a hundred years from the middle of the XIX to the 80's. of the XX centuries "civil society" was practically absent in scientific and political life. In the scientific literature and the media over the past half century, many definitions and interpretations of the concept of "civil society" spread. As a result of their generalization, approximately six basic interpretations are formed. If we consider these classifications in a complex, then a cognitive dissonance arises: such different phenomena cannot be hidden under the name of the same social object. What is today called the civil society theory is a vaguely defined and diverse set of approaches. Civil society is seen as a special area that must be recognized and protected from regulation. The anti-state ideological pathos of civil society is one of the most effective rams of destruction of the ideological foundations of the state.

Keywords: civil society, state, contradictions, theory-simulacrum, anti-state abstraction

For citation: Nikiforov Ya. A. Theory of civil society: Was there a boy? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 134–141 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141>, EDN: DLAQTD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Много лет тема гражданского общества является поводом для оживленных дискуссий в отечественном общественно-публицистическом и общественно-научном дискурсах. В общественном мнении уверенно закреплялось убеждение, что гражданское общество чрезвычайно полезно и необходимо простым людям для поддержания и отстаивания собственных прав и свобод. Теперь в Конституции РФ есть статья, где правительству вменяется осуществление мер «по поддержке институтов гражданского общества» (ст. 14)¹. Олицетворением головного института гражданского общества сегодня в общественном сознании является Общественная палата России с собственным масштабным аппаратом, нормативной базой и прочими атрибутами солидного учреждения. Тем не менее, большинство граждан нашей страны до сих пор плохо представляют себе, что же это – гражданское общество. По результатам социологических опросов, лишь от 7 до 15 % респондентов считают, что оно в России существует, и практически никто не может внятно сформулировать, что же это такое [1]². Написаны сотни монографий, статей, изданы учебники, проведены многочисленные исследования, освоены огромные объемы средств грантов, правительственных и неправительственных. За последние примерно 30 лет в сфере изучения гражданского общества в российской социальной науке создан масштабный корпус текстов, который, к сожалению, тоже мало что может прояснить.

Вдохновленные новой для начала 1990-х гг. идеей, отечественные обществоведы принялись, во-первых, активно изыскивать в нашей истории ростки и зрелые кусты гражданского общества, во-вторых, затягивать в орбиту теоретизирования на заданную тему авторитетных мыслителей нашего прошлого и, в-третьих, обосновывать чрезвычайную значимость темы для всего народа и страны. И по всем трем направлениям

достигнуты невероятные результаты. Например, историки с удивлением узнали, что гражданское общество в России начало развиваться едва ли не в XVII в., но уж «с проведением Екатериной II политики “просвещенного абсолютизма”» [2, с. 61] – почти наверняка. Обществоведы обнаружили, что разработкой идейной базы гражданского общества занимались Владимир Мономах, протопоп Аввакум, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев и большинство декабристов [3, с. 7]. Главным идейным посылом анализируемого дискурса стал несложный, но действенный НЛП-прием: «Гражданское общество невозможно без признания свободы в качестве абсолютной ценности в жизни человека. Свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости. Такое общество обречено на раскол между теми, чья свобода подкреплена материальным благополучием, и теми, для кого она – синоним изнурительной бедности» [4, с. 96]. Все понятно: гражданское общество – гарант свободы, справедливости и богатства.

Конечно, далеко не все отечественные обществоведы очаровались прелестью «новой» парадигмы. Здравый голос предостережения звучал даже в самые благодатные для западориентированных интеллектуальных проектов времена: «Гражданское общество – это социологическая абстракция, представляющая собой проект существования буржуазного общества без национального государства, т.е. содержания без формы. Это общество мыслится основанным исключительно на индивидуальной идентичности – по ту сторону всех форм идентичности коллективной – этнической, народной, сословной, религиозной и даже национальной» [5, с. 137]. Но его или не слышали, или не хотели слышать. Однако сегодня смена социального контекста, кардинальное изменение геополитической ситуации все чаще заставляют сомневаться в уместности усилий по продвижению идеи гражданского общества в нашей стране. Публикаций стало на порядок меньше, а в оставшихся звучит скепсис: «...гражданское общество не является основным политическим институтом развития общества ввиду исторических особенностей и дифференциации политико-культурного пространства России» [6, с.90].

Возникает обоснованное недоумение, что не так? Нам этот путь не подходит в силу какого-то особенного менталитета и социального устройства или теория вообще негодная?

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2024).

² Что такое гражданское общество? // ФОМ: [сайт]. URL <https://fom.ru/TSennosti/12375?ysclid=mbjxscywi803427807> (дата обращения: 01.08.2024).

И первое, в чем требуется разобраться: какой комплекс идей и понятий заложен в основу теории гражданского общества. В ходе анализа и встает один из «проклятых» вопросов русского литературного – «а был ли мальчик»?

Возможно, если проследить развитие самой теории гражданского общества «ab ovo», станет понятно, что же в ней значимого и актуального.

И здесь нас ждет несколько интересных поворотов. Во-первых, исследователи не соглашались практически никогда ни со списком мыслителей, развивавших рассматриваемую концепцию, ни со временем ее зарождения. Во-вторых, любопытно, что в середине XIX в. интерес к ней полностью затухает на полтора века, а разгорается с новым пылом лишь в конце XX в.

Попробуем разобраться.

Большинство исследователей утверждают, что первая версия гражданского общества появилась у теоретиков греческого полиса Платона и Аристотеля на том простом основании, что они были первыми, кто ввел различие между частным и общественным, между жизнью гражданина в семье и его активным участием в жизни государства. Современные толкования гражданского общества основаны на тезисе о том, что люди живут в различных социальных сферах и ролях, объективная реальность которых и является основанием для выделения этих особенностей в отдельное социальное пространство. Однако Платон и Аристотель настаивали на том, что эти различия и даже уникальности следует рассматривать и понимать с точки зрения их общности. Они рассматривали политику как возможность человека подняться над непосредственными семейными и личными заботами. Публичная власть существует для того, чтобы граждане могли наиболее эффективно обсуждать вопросы, касающиеся общественного блага, которое может быть обнаружено только через общественные дебаты и действия. Предостережение Платона о том, что беспрепятственный индивидуальный интерес никогда не сможет обеспечить достаточную основу для справедливого общества, имеет важное значение для понимания сути вопроса. И Платон, и Аристотель охотно признают необходимость предоставления большего пространства социальному разнообразию, но при этом считают публичную власть, политику единственным способом поддержания общественного единства и основой цивилизации.

Средневековые социальные мыслители не занимались идеей гражданского общества, так

как сомневались в способности человека аккумулировать нравственные силы, необходимые для ассоциации в мирских делах. Тем более, христианские власти подчеркивали необходимость полного подчинения трансцендентной силе и добродетели Бога. В этом контексте определяющей является предложенная папой Геласием I концепция двух властей, которые правят миром, – церкви в трансцендентных вопросах и императору или гражданскому правительству в сфере вопросов мира, порядка и справедливости [7, р. 247].

Далее в списке теоретиков гражданского общества традиционно размещаются такие глыбы социальной мысли, как Гоббс, Локк и Руссо. Они, как считается, отстаивая идею естественного состояния и появления современного государства, рассматривали гражданское общество как этап социальной эволюции. Для Гоббса естественное состояние, при отсутствии могущественного государства (Левиафана), является состоянием постоянной войны всех против всех. В таких обстоятельствах жизнь индивидуума несчастна и непродолжительна. Согласно Гоббсу, человек для самосохранения решает добровольно ограничить свой суверенитет, создав гражданское общество, которое управляется Левиафаном в качестве абсолютного суверена. Благодаря этому впервые появился ряд прав, главным образом право на законодательство, правосудие, ведение войны и объявление мира, и были обеспечены обязанности по сохранению суверенитета, обязанность по отправлению равного правосудия, обязанность по равному налогообложению и многое другое. Именно этот момент и называется современными апологетами гражданского общества его рождением. Но если как следует разобраться, общественный договор в теории Гоббса создает гражданское общество и государство одновременно, он не различает их.

Несколько иначе рассуждал Локк. В его схеме люди изначально, еще в естественном состоянии, находятся в связях с другими, имея семью и, главное, частную собственность. Проблема заключается в отсутствии безопасности частной собственности, поскольку нет централизованной системы, которая могла бы ее охранять. В этой ситуации, предлагает Локк, важно, чтобы люди выходили из естественного состояния, оформляли общественный договор с правительством, который может обеспечить их благополучие в плане пользования частной собственностью. Существенное различие между

идеей Гоббса и Локка заключается в том, что социальный контракт Локка является двойным процессом, в котором сначала заключается контракт для гражданского общества, а затем возникает политическое общество. Таким образом, можно сказать, что формируется сначала гражданское общество, а потом правительство. Локк пишет, что «экономически обусловленная сфера прав собственности и частных потребностей ... может быть теоретизирована отдельно от правоприменительной власти государства» [8, р. 84]. Иными словами, в понимании Локка гражданское общество является специфическим видом политического общества, в котором права личности на частную собственность получают главенство над всеми остальными. И именно этот примат отделяет гражданское общество от политического общества и всех других форм ассоциаций и организаций.

В мысли Руссо гражданское общество находится где-то между естественным состоянием и состоянием войны. Для Руссо естественное состояние по своей сути не является ни плохим, ни хорошим для человеческого рода, но не имеет стабильности, которая необходима для выживания человека. И именно по этой причине Руссо концептуализирует идею гражданского общества и государства (по сути, не разделяя их) как дальнейшие этапы человеческой цивилизации. Для него стремление исполнить человеческий инстинкт самолюбования и желания достичь совершенства приводит к появлению семьи, общества, рынка и позже государства. Это стремление, наконец, привело к тому, что люди потеряли свою естественную свободу и обрели свободу гражданскую.

Кант использовал понятие «гражданское общество» в терминах общественной арены рационального, критического дискурса, где каждый человек рассматривает окружающих как партнеров, а не как объект агрессии. Немецко-российский философ считал, что мы должны думать о том, как другие могли бы извлечь пользу из наших действий, а не о том, как мы могли бы использовать их в своих интересах.

Адам Смит выступал за четкое отделение гражданского общества от политического, где гражданское является сферой самостоятельной экономической деятельности, которая должна быть оставлена свободной от вмешательства государства. Центральное место в идее Смита занимает саморегулирование в вопросах экономики. Смит навязал современному ему обще-

ству (и многим после) непоколебимую веру, что гражданское общество (свободный рынок) может обеспечить справедливое разделение ресурсов при условии, что оно останется свободным от вмешательства государства.

Самым масштабно эксплуатируемым современными апологетами теоретизированием на тему гражданского общества стали размышления одного из самых значимых социальных философов XIX в. – Гегеля. Главной его заслугой считается проведенный водораздел между государством и гражданским обществом: «...гражданское общество есть дифференциация, которая вступает между семьей и государством» [9, с. 228].

Особый восторг вызывает у современных приверженцев гражданского общества вырванная из контекста мысль великого мыслителя: «...в гражданском обществе каждый для себя цель, все остальное для него ничто» [9, с. 228], долженствующая подчеркнуть исключительно индивидуалистический, антигосударственный характер базовой идеи. Гегель действительно утверждает, что общая воля должна исходить из воли личности. Но в его дискурсе гражданское общество представляет собой систему отношений, которая поддерживает и укрепляет общую свободу: «...особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу <...> сами определяют свои желания, воление и действие всеобщим образом и делают себя звеном этой связующей цепи» [9, с. 231]. При таком понимании в качестве отправной точки Гегель определяет гражданское общество как форму этической жизни, в которой субъективное и объективное сосуществуют в гармонии. Гегель уверен в такой возможности на том основании, что гражданское общество является воплощением отношений, основанных на взаимном признании прав себя самого и другого. Для Гегеля это становится системой актуализации идеи свободы, а гражданское общество – объективным воплощением этой актуализации. В концепции мыслителя гражданское общество представляет институты и структуры, которые учитывают взаимные права членов всего общества. Свобода исполнения эгоистичных желаний имеет универсальное измерение, поскольку благосостояние личности остается связанным с благополучием других: «...опосредствование потребности и удовлетворение единичного

посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей всех остальных, систему потребностей» [9, с. 233].

Самое неприятное для постмодернистского извода концепта «гражданское общество» начинается, когда Гегель переходит к практическим сюжетам его функционирования. По Гегелю, защита индивидуальных прав и собственности является основной обязанностью гражданского общества. Однако, как известно, суть в деталях. Видимо, сомневаясь в его возможностях в этой области, Гегель оставляет рычаги такой защиты в преимущественно руках государства: «...действительность содержащегося в этом всеобщего свободы, защиты собственности посредством правосудия; забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особому интересу как к общему с помощью полиции и корпораций» [9, с. 233].

Итак, что от Гегеля поднимается на щит современными трактователями теории гражданского общества: есть автономная сфера общественной жизни между семьей и государством, где господствует личная воля и частная собственность, формирующая приоритетные направления и тренды общественного развития. И что замалчивается: в этой сфере должно происходить слияние воли индивидуальных, согласование интересов во имя общего блага. А гарантировать эту деятельность вменяется государственным институтам правосудия и полиции.

И совсем дезавуировал концепцию гражданского общества Маркс. Его понимание логики капиталистического способа производства укореняет происхождение и жизнеобеспечение современного ему государства и гражданского общества с позиций материализма. Маркс утверждал, что государство является надстройкой, принципиально основанной на экономическом базисе: «...формы государства... коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называет “гражданским обществом”» [10, с. 6]. И именно в этом контексте гражданское общество – это буржуазное общество, основанное на классовом неравенстве и капиталистическом способе производства. Для Маркса гражданское общество не только не является источником равенства, но выступает источником конфликта и ареной классовой борьбы. Маркс подчеркивал связь между экономическими интересами и политическими институтами. «Практическая потребность, эго-

изм, – вот принцип гражданского общества, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество породило из своих собственных недр политическое государство» [11, с. 410]. Акцентируя внимание на праве собственности, санкционированном гражданским обществом, он утверждал, что оно не способно выражать универсальные интересы общества в целом. «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека. <...> При господстве эгоистической потребности он может практически действовать, ...подчиняя ...свою деятельность власти чуждой сущности... – денег» [11, с. 412]. И именно по этой причине, как и капиталистическое государство, гражданское общество оставалось голосом правящего класса, и именно поэтому Маркс был убежден, что они оба обречены.

Больше ста лет, с середины XIX до 80-х гг. XX в., «гражданское общество» практически отсутствовало в научной и политической жизни. В этот период его вспоминали, скорее, иронично, скептически и даже цинично.

Но вдруг, как по мановению дирижерской палочки, начинается возрождение концепции. Многочисленные современные западные исследователи, объясняя ее восстание из пепла, ссылаются на комплекс предпосылок. Основной версией считается, что популярность концепции гражданского общества стремительно выросла в контексте дебатов о дефектном государстве, начатых в 1990-х гг. на Западе. Согласно этой концепции государство постоянно теряет способность продуцировать эффективные политические результаты, правительство утратило абсолютную власть в управлении, т.е. способность решать коллективные проблемы и обеспечивать эффективную публичную политику. Иерархический способ управления, воплощенный в правительстве, столкнувшись с интернационализацией экономик и взаимозависимостью национальных государств, сделал национальное управление решением проблем фактически невозможным. Возник разрыв между ожиданиями граждан и способностью государства к решению проблем. Растущие сомнения в способности государства выполнять свои задачи по управлению заставили политиков и ученых искать новый режим управления за пределами государства.

В научной литературе и СМИ за примерно полстолетия распространилось множество определений и трактовок концепта «гражданское общество».

В результате их обобщения складывается примерно шесть базовых толкований. В первом варианте все социальные объекты, что не относятся к государству, входят в гражданское общество: религиозные организации, культурные сообщества, клубы и другие подобные объединения. Во-вторых, гражданское общество может рассматриваться как сфера частной жизни против государственной (или общественной/публичной). В-третьих, это посреднический институт между государством и обществом в целом. В-четвертых, гражданское общество – это пространство, в которое вмешивается государство для формирования общественного мнения, таким образом, своего самостоятельного существования не имеет. В-пятых, гражданское общество является политическим форумом, ареной демократии и создает сообщество, объединяющее в себе широкие совещательные функции. Шестое – гражданское общество как экономический форум, своеобразный институт рынка.

Если рассматривать эти классификации в комплексе, то возникает когнитивный диссонанс: не могут под именем одного и того же социального объекта скрываться столь разные явления. И даже в рамках каждой отдельной интерпретации заложены непримиримые противоречия. То, что сегодня называют теорией гражданского общества, является нечетко определенным и разнообразным набором подходов. Его отличительным признаком является то, что он отдает предпочтение гражданскому обществу над всеми другими явлениями и сферами общественной жизни на том основании, что гражданское общество обеспечивает основополагающие условия свободы в современном мире. Эта теория оправдывает примат гражданского общества над социальной, политической и экономической сферами на основании его противопоставления государству в терминах противодействия жизни и смерти, деятельности и пассивности, одним словом, всего хорошего против всего плохого. Гражданское общество рассматривается как особая область, которая должна быть признана, взлелеяна и защищена от регламентирования. Теория гражданского общества – это не просто теория гражданского общества, а теория, которая отдает абсолютный приоритет гражданскому обществу.

Кому и зачем понадобилась принудительная раскрутка этого симулякра?

Навести на ответ может ситуация с «теорией гражданского общества Ю. Хабермаса». Среди западных пропагандистов гражданского общества любят записывать в свою компанию крупнейшего социального теоретика современности, но не очень внятно объясняют, за что. Рассуждения Хабермаса о жизненном мире, общественных дебатах, легитимации, которые трактователи пытаются упаковать в концепцию гражданского общества, на самом деле инициированы размышлениями о противоречиях и кризисных тенденциях, эндемичных для «продвинутого» или «организованного» капитализма. Вкратце: он утверждает, что основным противоречием капиталистического порядка остается частное присвоение государственных богатств; подавление генерализируемых интересов через отношение к ним как к частным. Вследствие этого политические решения, отражающие существующий организационный принцип общества явочным порядком, не признают рационального консенсуса. Иными словами, проблема заключается в том, как распределить социально производимое богатство несправедливо и, тем не менее, законно. Проблема, возникшая в кризисе легитимации, становится для Хабермаса вопросом: каким образом на данном этапе развития при данном состоянии производительных сил члены определенной общественной системы коллективно обязывающим образом проинтерпретировали бы свои потребности и какие нормы они признали бы справедливыми, если бы с достаточным знанием пограничных условий и функциональных императивов своего общества они могли и хотели бы в дискурсивном волеобразовании определять организацию общественных отношений? [12, с. 187]. Эта проблема не имеет решения без нового нормативного соглашения, которое может быть обеспечено только рациональным консенсусом. По сути, этот консенсус и есть его понимание гражданского общества. Концепция Ю. Хабермаса выламывается из прокрустового ложа, предложенного в конце XX в. социально-политического тренда. То есть антигосударственная направленность имеется, но эта направленность антикапиталистическая.

Антигосударственный идейный пафос гражданского общества – это один из самых действенных таранов разрушения идейных основ государства.

На щит поднят главный посыл концепции гражданского общества, сформулированный

одним из теоретиков борьбы американских колонистов против своего правительства: «...общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое – это защитник, второе – каратель» [13, с. 21].

Возникает вопрос: о каком конкретно государстве сегодня идет речь? Современные западные исследователи откровенно признаются, что неожиданный ренессанс теорий гражданского общества «в 1980-х годах был тесно отождествлен с борьбой в Центральной и Восточной Европе против Советской империи» [14, р. 184]. «Кризис коммунизма в 1980-х годах в Восточной Европе был связан главным образом с восстанием гражданского общества против коммунистического государства» [15, р. 178].

У нас в стране победное шествие концепции гражданского общества, как считают западные исследователи, началось с интервью Шеварнадзе, министра иностранных дел СССР, одного из главных действующих лиц геополитической драмы разрушения Советского Союза. В газете «Гардиан» 3 апреля 1991 г. приведено его высказывание: «Мне кажется, что с исторической точки зрения мы движемся к формированию глобального гражданского общества, основанного на принципах права. Если это так, то стоило бы посмотреть, не можем ли мы подойти к международным проблемам и вызовам так же, как демократические системы» (цит. по: [16, р. 304]).

В течение десятилетий везде, где в СМИ, общественных обсуждениях, политических дебатах и научных дискуссиях начинается разогревание темы гражданского общества, одновременно начинается массированная атака на государственные структуры извне и снаружи, приводящая, как правило, к смене существующих институтов управления.

Эту связь нетрудно заметить, и беспокойство на этот счет звучит все чаще в кругах незападных политологов и социологов. «Гражданское общество как западный импорт имеет либеральную индивидуалистическую мысль в своей основе и, таким образом, несет в себе определенное нормативное наполнение, навязывается в качестве идеала для постколониальных стран, таких как Индия... Факт в том, что суще-

ствуют серьезные ограничения с этим понятием с точки зрения его значения и применимости за пределами запада» [17].

Хочется напомнить символические заявления «вестника апокалипсиса» так называемого французского философа Бернара Анри-Леви, появлявшегося с проповедями «демократии», «свободы» или «общечеловеческих ценностей» на протяжении последних 30 лет там, где вскоре начинались (на выбор) вторжение, нестабильность, переворот или война (Югославия, Чечня, Ирак, Грузия, Украина и т.д.): «Мы принесем ливийцам гражданское общество и демократию»³. Не надо напоминать, что стало с теми, кто в Ливии этого ждал. Еще пять лет назад, обращаясь к тем, кто ждет того же в России, он сказал: «Нам не нужны тролли, которыми манипулирует Кремль... Нам нужны читатели, журналисты, гражданское общество, вдохновленные искренней и подлинной волей к истине» [18].

Так, может быть, сегодня, когда мы уже практически по инерции продолжаем в названиях статей, монографий и конференций для звучности и поддержания тренда вставлять набившее оскомину «гражданское общество», будем более осознанно употреблять это понятие, тем более что, отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие, вполне оправданно продолжить фразу: мальчика-то и не было.

Список литературы

1. Лапишинова К. В. Особенности и проблемы становления гражданского общества в России // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 4 (16). С. 11–17. EDN: WIQMXJ
2. Углов С. А. Становление и развитие института гражданского общества в современной России // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 56–71.
3. Волков К. А. Особенности формирования гражданского общества в России в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 22 с.
4. Гончарова О. А. Концепция гражданского общества в философской и политической мысли России в XVIII–XX веках // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С. 83–97.

³ Мы принесем ливийцам гражданское общество и демократию: Интернет-конференция Бернара-Анри Леви с читателями Le Monde, 25 марта 2011. URL: <https://inosmi.ru/20110325/167737974.html?ysclid=m6q3ieu6di630594337> (дата обращения: 10.11.2024).

5. Дугин А. Г. Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 133–143. EDN: PAVDFP
6. Кривцов А. О., Гнатышин И. Ю. Гражданское общество в современной России в контексте постмодернистских теорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015. № 5 (55) : в 2 ч. Ч. 2. С. 88–90.
7. Denzinger H. Compendium of creeds, definitions, and declarations on matters of faith and morals: A Compendium of Creeds, Definitions and Declarations of the Catholic Church. 43rd ed. / ed. by P. Hünermann, H. Hoping, R. L. Fastiggi, A. E. Nash. San Francisco : Ignatius Press, 2012. 1399 p.
8. Locke J. Two treatises of government. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 464 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511810268>
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е : в 50 т. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 13. 771 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е : в 50 т. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 1. 698 с.
12. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Праксис, 2010. 264 с. (Образ общества).
13. Пейн Т. Избранные сочинения / пер. с англ. А. С. Богомолова [и др.] ; под ред. М. П. Баскина. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 422 с.
14. Civil Society, Democratic Perspectives / ed. by R. Fine, S. Rai. London : Frank Cass, 1997. 172 p.
15. Karolewski I. P. Civil society and its discontents // Polish Sociological Review. 2006. № 154. P. 167–185.
16. Corry T. O. Global civil society and its discontents // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2006. Vol. 17, № 4. P. 302–323. <https://doi.org/10.1007/s11266-006-9025-1>, EDN: GPOBIJ
17. Chaturvedi S. Understanding Civil Society // Krishna Menon V. K. Political Theory and Thought: Western and Indian Traditions. URL: <https://ebooks.inflibnet.ac.in/psp07/chapter/understanding-civil-society/> (дата обращения: 11.09.2024).
18. Дугин А. Либерализм начал самоликвидацию // Завтра. URL: https://zavtra.ru/blogs/liberalizm_nachal_samolikvidaciyu?ysclid=m6q3n7ov4r93314499 (дата обращения: 05.08.2024).

Поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 142–155

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 142–155

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155>, EDN: IHNOCX

Научная статья

УДК 316.74:271.2

Культовые практики обращения в православие: опыт современной российской молодёжи

Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Аннотация. Данная статья является логическим продолжением ряда публикаций автора, посвящённых анализу особенностей процесса обращения в православие современных поколений Русской православной церкви. В статье предлагается многоуровневый и многоаспектный подход к определениям понятий «религиозное обращение» и «обращение в православие». Описываются результаты эмпирического социологического исследования (апрель – сентябрь 2024 г.) особенностей процесса обращения в православие современной российской молодёжи. В качестве респондентов были опрошены воцерковлённые молодые люди – прихожане городских и сельских храмов Русской православной церкви в количестве 18 человек: 1990-х (n = 13) и 2000-х (n = 5) годов рождения, среди которых 9 юношей и 9 девушек. География исследования включала молодёжь Саратова, Череповца, Санкт-Петербурга, Ленинградской и Ростовской областей. Предметом эмпирического исследования выступили: конверсионные траектории обращённых, практики их обращения в православие, каналы конверсионной коммуникации и интеракции. Результаты проведённого исследования позволили: выделить четыре основных траектории обращения в православие современной российской молодёжи – «обращение-углубление», «обращение-возвращение», «самостоятельное обращение», «обращение-переход»; выявить три группы практик обращения – культовые, познавательные, солидаризирующие, описать их состав; обозначить структурные и функциональные особенности культовых практик обращения.

Ключевые слова: религиозное обращение, религиозные практики, обращение в православие, Русская православная церковь, российская молодёжь, качественное социологическое исследование

Для цитирования: Уфимцева Е. И. Культовые практики обращения в православие: опыт современной российской молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 142–155. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155>, EDN: IHNOCX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cult practices of conversion to Orthodoxy: The experience of modern Russian youth

E. I. Ufimceva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina I. Ufimceva, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Abstract. This article is the author's logical continuation of a number of publications by devoted to the analysis of the features of the process of conversion to Orthodoxy of modern generations of the Russian Orthodox Church. The article offers a multi-level and multidimensional approach to the definitions of the concepts of "religious conversion" and "conversion to Orthodoxy." The article describes the results of an empirical sociological study of the peculiarities of the process of conversion to Orthodoxy of modern Russian youth, which took place from April to September 2024. The respondents were church-educated young people, parishioners of urban and rural churches of the Russian Orthodox Church (n=18), 1990's (n = 13) and 2000's (n = 5) years of birth. The geography of the study included young people from Saratov, Cherepovets, St. Petersburg, Leningrad Region, and Rostov region. The subject of the empirical research was the conversion trajectories of the converts, the practice of their conversion to Orthodoxy, the channels of conversion communication and interaction. The results of the conducted research allowed: to identify four main trajectories of conversion to Orthodoxy by modern Russian youth – "conversion-deepening", "conversion-return", "independent conversion", "conversion-transition"; to identify three groups of conversion practices – cult, cognitive, solidifying, to describe their composition; to identify the structural and functional features of cult conversion practices.

Keywords: religious conversion, religious practices, conversion to Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Russian youth, qualitative sociological research

For citation: Ufimceva E. I. Cult practices of conversion to Orthodoxy: The experience of modern Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 142–155 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155>, EDN: IHNOCX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность исследования

Проблема религиозного обращения обретает особую актуальность в условиях современных процессов секуляризации, религиозной плюрализации [1–3], религиозной радикализации и исламизации [4–6], происходящих в странах Западной, Восточной Европы и в США, процессов христианизации Африки [7], ревитализации религии в постсоциалистических странах [8], в том числе в России [9]. Несмотря на то, что исследования религиозного обращения, как теоретического [10], так и эмпирического характера [11, 12], актуализируются в российском научном дискурсе, проблема обращения россиян в православие остаётся по-прежнему мало изученной, социологические исследования, посвящённые данной проблеме, немногочисленны [13, 14].

Теоретико-методологические основания исследования процесса обращения в православие

Природа и определение религиозного обращения вызывают огромные споры среди исследователей. Л. Рэмбо и Ч. Фархадян считают, что ученые до сих пор не пришли к единому мнению как по первому, так и по второму вопросу по причине того, что данный феномен многосложен и противоречив [15]. Учитывая сложность религиозного обращения, не существует единой всеобъемлющей теории, которая бы успешно объяснила этот процесс. Различные теории объясняют те или иные аспекты и процессы, связанные с феноменом религиозного обращения, и каждая теория основывается на особенных предположениях и методах исследования. В настоящее время ни одна из теорий не доминирует в области изучения религиозного обращения. Наиболее полное и системное изложение позитивистской, интерпретативной и интегративной парадигм религиозного обращения осуществлено В. Б. Исаевой, в соответствии с которыми процесс религиозного обращения может рассматриваться как:

- процесс отказа от одной картины мира в пользу другой, который происходит по мере распада имеющихся социальных отношений индивида и его интеграции в новую систему социальных отношений (Дж. Лофланд, Р. Старк);
- двусторонний процесс аффилиации, подразумевающий, с одной стороны, вступление индивида в религиозную группу, с другой сто-

роны, рекрутирование этого индивида религиозным сообществом (Р. Старк, У. Бейнбридж);

- процесс взаимодействия между конвертитом и религиозной группой, в результате которого конвертит осваивает роль адепта соответствующей религиозной организации (Д. Бромли, Р. Балч, Дж. Ричардсон, Р. Строс, Э. Шумп);

- процесс радикального изменения «я-концепции» (идентичности), обусловленного принятием нового «универсального дискурса» – системы интерпретаций повседневной реальности (Т. Лукман, А. Мосс, Р. Мэчелик, Д. Сноу, Р. Травизано, Б. Ульмер, М. Хайрич);

- субъективный десятиступенчатый процесс ассимиляции новых верований и новых практик, происходящий под влиянием как субъективных, так и объективных факторов (Дж. Даунтон);

- комплексный процесс формирования религиозной идентичности, включающий семь последовательных этапов: контекст, кризис, поиск, встречу, интеракцию, религиозную принадлежность, последствия (Л. Рэмбо);

- совершаемый индивидом рациональный выбор религиозных товаров и услуг определённой религиозной организации, обусловленный его религиозными вкусами и предпочтениями, а также имеющимся на религиозном рынке ассортиментом религиозных товаров и услуг, предлагаемых конкурирующими между собой религиозными организациями (У. Бейнбридж, Р. Старк, Р. Финке);

- способ решения жизненного кризиса посредством его символической реинтерпретации в контексте религиозного дискурсивного универсума (М. Вольраб-Сар);

- рационалистический выбор индивида, находящегося в определенном социокультурном контексте, определяющий его движение через уровни, типы и фазы религиозного участия (Г. Гурен);

- приобщение к культурным и социальным ресурсам религиозной группы, способствующим изменению «проблематичной траектории» биографии индивида (И. Джиндра) [16].

Поскольку сам процесс религиозного обращения многосложный и комплексный, включающий как субъективные, так и интересующие характеристики в динамике, мы предпочитаем интегративный подход в качестве векторного при изучении данного феномена. Теоретико-методологическими ос-

нованиями социологического анализа процесса религиозного обращения для нас выступают: 1) теория социального действия М. Вебера и Т. Парсонса, теория коллективного действия Н. Смелзера, теория социального взаимодействия Дж. Г. Мида, теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, концепция социальной интеграции А. Б. Гофмана; 2) теория деятельности А. Н. Леонтьева, культурно-историческая теория Л. С. Выготского, теория коллектива А. В. Петровского и Л. И. Уманского; 3) советская социологическая теория религии, в том числе работы Д. М. Угриновича, М. Г. Писманика, И. Н. Яблокова, Р. А. Лопаткина, В. И. Гараджи, Д. Е. Мануйловой, В. Г. Пивоварова; 4) концепции религиозного обращения Д. Сноу и Р. Мэчелика, Л. Рэмбо, Г. Гурена, М. Вольраб-Сар, Г. Зок, Д. Эрвье-Леже; 5) концепции обращения в православие Иннокентия (Смирнова), Феофана (Говорова), М. А. Олесницкого, С. С. Глаголева, Г. И. Шиманского, Н. Н. Афанасьева, концепция воцерковления В. Ф. Чесноковой.

Не претендуя на завершённость определений, мы обозначаем процесс религиозного обращения:

1) на уровне общества как процесс воспроизводства новыми историческими поколениями социальной идентичности того или иного религиозного объединения (организации, общности), т. е. процесс межпоколенческой преемственности конфессиональной идентичности;

2) на уровне религиозного объединения как такое выстраивание взаимоотношений между религиозным объединением и индивидом, результатом которого является включение индивида в структуру социальной деятельности, социальных отношений, социальных обязательств религиозного объединения;

3) на уровне личности как такое выстраивание взаимоотношений между индивидом и религиозным объединением, результатом которого является принятие индивидом смыслов, ценностей и целей религиозного объединения как своих собственных и включение социальной деятельности, социальных отношений, социальных обязательств религиозного объединения в структуру личной повседневности в целях реализации успешного биографического проекта.

На личностном уровне обращение в православие мы предлагаем рассматривать многоаспектно: во-первых, в системе общего процесса развития православной идентичности индивида

как начальный этап этого процесса. Во-вторых, содержательно мы рассматриваем обращение в православие как социальный выбор индивидом в качестве терминальной ценности и духовно-нравственного идеала Божественную Личность Иисуса Христа, а централизованную православную организацию (поместную православную церковь) – в качестве группы членства и референтной социальной группы как сообщества, практикующего соответствующий ценностный и духовно-нравственный опыт. В-третьих, структурно обращение в православие понимается нами как социальное действие, т. е. контекстуально обусловленная последовательность социальных актов индивида – практик индивидуального или группового участия в деятельности централизованной и местной(ых) (православного(ых) прихода(ов)) православных организаций. В-четвёртых, в динамике обращение в православие мы интерпретируем как кумулятивный процесс возрастания степени добровольности, осознанности, самостоятельности, целенаправленности, эмпатийности практик индивидуального или группового участия индивида в деятельности централизованной и местной православных организаций. В-пятых, инструментально мы предлагаем обозначать обращение в православие как трёхуровневый процесс: 1) интеграции индивида в систему социальных коммуникаций и структуру социальных отношений централизованной и местной православных организаций; 2) интеграции индивида в структуру практик индивидуального или группового участия в деятельности централизованной и местной православных организаций; 3) интериоризации индивидом православного универсального дискурса и его централизации в структуре повседневного сознания, системе ценностных ориентаций. В-шестых, функционально обращение в православие определяется нами как субъективная стратегия реализации личных и социальных потребностей индивида в контексте конструирования успешного биографического проекта. В-седьмых, в аспекте результативности обращение в православие мы рассматриваем как практику воспроизводства «воцерковлённого» православного верующего – «ревностного христианина», преданного последователя учения Иисуса Христа, активного и «живого» члена Православной церкви, практикующего православного христианина, «командного игрока» Православной церкви – православного хри-

стианина, направленность личности которого находится в динамической связи с системой духовно-нравственных ценностей Православной церкви.

Мы считаем, что обращение в православие может реализовываться посредством четырёх моделей обращения. Три из них выделяет Д. Эрвье-Леже: 1) обращение тех, кто никогда ранее не принадлежал какой-либо религиозной традиции, но в результате личного поиска нашёл ту, которую он решает принять; 2) обращение тех, кто меняет свою религиозную принадлежность; 3) обращение тех, кто заново открывают для себя свою конформистски унаследованную религиозную идентичность – «вновь присоединённые» или «обращённые изнутри» («религиозный перелом») [17]. К этой типологии мы предлагаем добавлять обращение тех, кто с детства обрёл религиозную принадлежность. Последний тип формирования религиозности в зарубежной социологии принято отличать от религиозного обращения и определять как процесс религиозной социализации. В наших исследованиях мы руководствуемся глубокой российской научной традицией в решении этого вопроса, и указанный тип формирования религиозной идентичности рассматриваем как одну из базовых моделей религиозного обращения вообще и обращения в православие в частности.

Эмпирическое исследование

С апреля по сентябрь 2024 г. нами было осуществлено исследование процесса обращения в православие российской молодёжи. В соответствии с современным российским законодательством¹ мы определяем российскую православную молодёжь как социальную общность граждан РФ в возрасте 14–35 лет, являющихся членами Русской православной церкви (далее – РПЦ). Как было указано нами в предыдущих исследованиях [18], российская православная молодёжь неоднородна по степени «воцерковления», т. е. «добровольного признания человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей» [19, с. 12]. По степени «воцерковлённости» в структуре российской православной молодёжи можно выделить периферию, полупериферию и ядро. Ядро российской православной

молодёжи составляет собственно «воцерковлённая молодёжь». Для этой категории молодёжи система православных религиозно-нравственных ценностей и религиозных практик является ключевым вектором формирования личной и социальной идентичности. С нашей точки зрения, воцерковлённая молодёжь – это та категория православной молодёжи, которая прошла этап обращения и перешла на новый этап формирования и развития собственной православной идентичности. Завершённость процесса обращения этой категории православной молодёжи, с одной стороны, является основанием возможности выявления основных признаков обращения в православие, а с другой – позволяет увидеть процесс индивидуального обращения в его внутренней целостности и многофакторной комплексности.

В рамках проведённого нами исследования сбор эмпирических данных осуществлялся в соответствии с принципами качественной социологии с использованием биографического метода. Основными критериями отбора выступали: самоидентификация как члена РПЦ и как члена православного(ых) прихода(ов), регулярное участие в богослужбной и внебогослужбной деятельности православного прихода, интегрированность в систему церковной и приходской коммуникации, в структуру церковных отношений, стаж воцерковления не менее года. Выборка строилась методом «снежного кома». В качестве респондентов были опрошены воцерковлённые молодые люди – прихожане городских и сельских храмов в количестве 18 человек 1990-х (n = 13) и 2000-х (n = 5) годов рождения. География исследования охватывала молодёжь Саратова, Череповца, Санкт-Петербурга, Ленинградской и Ростовской областей. Осуществлённый нами опрос респондентов проводился с помощью глубинных интервью. В качестве предмета эмпирического исследования выступили: конверсионные траектории обращённых, практики их обращения в православие, каналы конверсионной коммуникации и интеракции.

Траектории обращения православной молодёжи

Как показал анализ нарративов, обращение современной российской молодёжи в православие имеет разные траектории, включающие общие и различные компоненты. Общими компонентами траекторий обращения в православие выступают: интеграция индивида

¹ О молодёжной политике в Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

в систему социальных коммуникаций и структуру социальных отношений РПЦ в целом и православного(ых) прихода(ов) в частности; интеграция индивида в структуру практик индивидуального или группового участия в деятельности РПЦ в целом и православного(ых) прихода(ов) в частности; интериоризация индивидом православного универсального дискурса и его централизации в структуре повседневного сознания, в системе ценностных ориентаций. Отличные компоненты траекторий обращения в православие представлены наличием или отсутствием религиозного воспитания в родительской семье в период первичной социализации, а также конфессиональным содержанием религиозного воспитания в родительской семье в период первичной социализации.

Сочетание общих и отличных компонентов процесса обращения позволило выделить четыре основных траектории обращения в православие современной молодёжи, которые мы назвали «обращение-углубление», «обращение-возвращение», «самостоятельное обращение», «обращение-переход».

Тип «обращение-углубление» оказался самым частотным в нашей молодёжной выборке ($n = 9$). Данное название обусловлено тем, что выбор православной идентичности в данном случае разворачивался как постепенное углубление православной религиозности, формируемой с детства. Этот тип обращения можно также назвать «социализационным», так как его основу составляет процесс первичной православной социализации (православного воспитания в детско-подростковый период). Молодые люди, для которых характерна данная траектория обращения, стали членами РПЦ в младенческом возрасте по инициативе родителей или иных ближайших родственников. С детского возраста они воспитывались либо в православной семье, либо православными родителями/пра-родителями. В школьном возрасте благодаря участию религиозных родителей/пра-родителей респонденты оказались включены в систему церковной коммуникации, во-первых, своих сверстников, во-вторых, духовенства. Пережив духовно-нравственный кризис разной интенсивности и длительности, в возрасте 13–26 лет они сделали осознанный и самостоятельный выбор в пользу православной духовно-нравственной ориентации своего биографического проекта.

Второй тип обращения в православие современной российской молодёжи представлен «об-

ращением-возвращением» ($n = 3$). Он характерен для молодых людей, которые были крещены родителями в РПЦ в младенчестве и православно воспитывались либо в православной семье, либо воцерковлёнными родственниками. Однако в школьном возрасте, в отличие от представителей предыдущей модели, они не были включены своими верующими родителями/родственниками в систему церковной коммуникации ровесников и духовенства. В результате подросткового кризиса на период длительностью от 9 до 12 лет они перестали участвовать в богослужбной деятельности, тем не менее, осознанно сохраняя на весь период «отхода» от Церкви причастность к церковно-идентификационной практике ношения нательного креста. Основными факторами «возвращения» респондентов к православию стали либо трагические события в семье, либо личный духовно-нравственный кризис. Сделав осознанный и самостоятельный выбор в пользу православной духовно-нравственной ориентации своего биографического проекта, они обрели личную веру в Бога и интегрировались в систему церковной коммуникации и деятельности.

Третий тип обращения в православие современной российской молодёжи представляет «самостоятельное обращение» ($n = 2$), названный нами так по причине того, что, в отличие от вышерассмотренных типов обращения, он не имел в своём основании первичной православной социализации в детско-подростковый период. При отсутствии семейного православного религиозного капитала респонденты самостоятельно и независимо от родительской семьи осваивали религиозные практики. В одном случае основным мотивом этого освоения стал возникший интерес к религиозной деятельности, во втором – трагедия в семье и духовно-нравственный кризис. Ведущую роль в процессе интеграции респондентов в систему церковной коммуникации сыграли православные священнослужители.

Четвёртая разновидность обращения современной православной молодёжи названа нами «обращение-переход» ($n = 4$), поскольку основным содержанием данного типа обращения является переход респондентов из религиозной организации другого вероисповедования (в рамках нашего исследования, из Объединённой церкви христиан веры евангельской (ОЦХВЕ) в Русскую православную церковь. Разновидностью «обращения-перехода» стал один случай в

нашей выборке, в структуре которого наблюдался сначала переход из православия в баптизм, а потом возвращение из баптизма в православие.

Практики обращения православной молодёжи

Как показал анализ нарративов, обращение российской молодёжи в православие осуществляется посредством включения ими религиозных практик в структуру своей повседневной деятельности, а религиозного значения этих практик – в структуру повседневного сознания. Указанные в нарративах респондентов практики мы дифференцировали на три группы: культурные, познавательные, солидаризирующие. Основным функциональным значением культурных практик обращённых православных россиян является обретение личного религиозного опыта, опыта личного взаимоотношения с Богом, с духовным миром, как в индивидуальной, так и в коллективной формах. Функциональное значение познавательных практик включает освоение системы понятий, значений, смыслов православного вероучения, православной системы символической интерпретации повседневности; православной риторики; православной системы религиозно-нравственных идеалов, ценностей, норм поведения. Солидаризирующие практики обеспечивают интеграцию личности в систему социальных отношений и социальных связей местной православной организации (православного прихода, приходской общины) и обретение религиозного статуса в структуре централизованной православной организации.

В своих нарративах респонденты отмечали своё участие в таких культурных практиках обращения в православие, как церковно-идентификационные (ношение нательного креста и нанесение крестного знамени), церковно-бытовые (домашняя молитва, домашнее почитание икон, домашнее празднование церковных праздников, участие в освящении жилища), церковно-обрядовые практики (вступление в Церковь (через таинства крещения, миропомазания, покаяния); участие в церковном богослужении; в церковных обрядах (таинствах исповеди, причащения, священства, венчании)), церковно-аскетические практики (пощение, паломнические практики); практики церковного служения (алтарнического, певческого).

Среди познавательных практик обращения респондентами были отмечены: а) чтение вероучительных текстов (Библии, Евангелия, Нового

Завета), православной литературы богослужебного (молитвословов), агиографического (житий православных святых), духовно-нравственного (поучений православных святых и подвижников), исторического, публицистического характера; просмотр и/или прослушивание православных радио-, телепрограмм, передач; обращение к интернет-источникам (пабликам православных священнослужителей, православным интернет-сообществам, православным тематическим сайтам («Азбука веры»), материалам православного содержания: аудио-книгам, проповедям и беседам священнослужителей); б) практики религиозного индивидуального и коллективного собеседования с православными экспертами (православными священнослужителями, преподавателями православных образовательных организаций, работниками свечных лавок, прихожанами); в) образовательные практики (обучение в приходской воскресной школе, православной гимназии, иконописном училище, православной духовной семинарии; участие в конкурсе чтецов на церковно-славянском языке; обучение на приходских катехизаторских курсах; обучение на курсах сестёр милосердия).

Солидаризирующие практики обращения в православие анализируемой социальной группы включают: практики церковного служения, практики участия в православных молодёжных мероприятиях, проектах, сообществах; практики профессиональной мобильности в церковной среде; практики формирования церковного комьюнити. Практики церковного служения включают: практики оказания хозяйственной помощи церковному приходу; практики социального служения. Практики участия в православных молодёжных мероприятиях, проектах, сообществах включают: участие в церковных молодёжных мероприятиях; деятельность в приходских и епархиальных молодёжных обществах. Практики профессиональной мобильности в церковной среде оказались представлены трудоустройством в церковной организации в светском статусе и принятием священного сана и трудоустройством в церковной организации в духовном статусе. Практики формирования церковного комьюнити – это создание неформального союза с одним или более православными верующими с целью совместного и эффективного осуществления религиозной деятельности. В исследуемых нами случаях практики формирования церковного комьюнити были представлены двумя вариантами –

формирование церковного коммьюнити с религиозным экспертом (группой религиозных экспертов) и из членов своей семьи.

Предпочтение респондентами тех или иных культовых, познавательных и солидаризирующих практик, с нашей точки зрения, определялось личностными особенностями респондентов и особенностями социальной структуры, определяющими доступность для респондентов тех или иных религиозных ресурсов в контексте биографического проекта. Рассмотрим некоторые из культовых практик обращения в православие современной российской молодёжи.

Культовые практики обращения в православие

Общей практикой для всех исследуемых нами случаев обращения стала культовая церковно-обрядовая практика вступления в Русскую православную церковь. Для большинства респондентов практика вступления в РПЦ была представлена участием в таинстве крещения, которое в православной богослужебной практике совмещено с таинством миропомазания. Преимущественно молодые люди принимали участие в таинстве крещения с младенческого возраста до трех лет. Исключение из общего количества случаев обращения молодых респондентов представляет случай крещения молодого человека в 14-летнем возрасте. Вне зависимости от возраста вступления в Церковь все респонденты отметили, что участие ими в таинстве крещения было осуществлено не самостоятельно, неосознанно, по инициативе кого-либо из родственников, преимущественно матери. В ряде случаев крещение не представляло собой подготовленное событие, а произошло спонтанно, в результате стечения обстоятельств. Некоторые респонденты отметили, что неосознанность их участия в таинстве крещения сопровождалась неосознанностью целей крещения со стороны их родственников.

Так, респондентка 1998 г.р. рассказала, что её крестили спонтанно в два года по инициативе брата матери, который был единственным воцерковлённым родственником и который на время приехал к ним погостить. Примечательно, что одновременно с респонденткой крестился не только её отец (1974 г.р.), но и её крёстная – подруга матери. Респондентка заметила, что на тот момент её родители не были религиозны, крестили ребёнка со ссылкой на традицию.

Как следовало из нарративов респондентов в тех случаях, когда они были крещены своими родственниками по традиции, за их участием в таинстве крещения не последовало ни православного воспитания, ни православного просвещения.

В то же время вступление в Русскую православную церковь посредством участия в таинстве крещения осуществлялось не для всех респондентов. Отличным оно оказалось для молодых людей, которые перешли в РПЦ или вернулись в её лоно из других христианских конфессий. Так, трое респондентов из нашей выборки первоначально вступили в Объединённую церковь христиан веры евангельской. Респонденты по инициативе своих родителей с детства участвовали в пятидесятнических богослужениях, таинстве причащения, домашних группах и иных церковных мероприятиях богослужебного и внебогослужебного характера. Все респонденты приняли таинство крещения в соответствии с особенностями пятидесятнического вероучения в подростковом возрасте – 13–16 лет. По оценке самих респондентов, крещение в Объединённой церкви христиан веры евангельской совершалось ими осознанно: на основании обретения убеждённости в истинности вероучения и принятого решения жить в соответствии с этим вероучением. Переход респондентов в РПЦ произошёл по их личной инициативе в разном возрасте, от 19 до 23 лет, в соответствии с православным церковным канонами, через их участие в таинстве миропомазания. Их участию в таинстве миропомазания во всех случаях предшествовало участие в таинстве покаяния (исповеди), а последовало – участие в таинстве причащения. Покаяние одного из респондентов по его личному желанию осуществлялось особым публичным чином, когда он, в присутствии прихожан православного храма, отрёкся от своих предыдущих религиозных убеждений. Один из респондентов по рекомендации священника перед участием в православном таинстве миропомазания посещал занятия православных катехизаторских курсов. Со слов респондентов, их переход из пятидесятничества в православие представлял собой осознанное и самостоятельное решение: *Как я пришел в православие, для меня вообще в целом пазл сложился, открылись ответы на многие вопросы, ну и, конечно, духовно вырос по отношению к тому состоянию, которое было* (респондент 1992 г.р.).

В случае «обращения-перехода-возвращения» респондентка была крещена (миропомазана) в Русской православной церкви по инициативе своих родителей в неосознанном возрасте, но из семейного предания знает, что крещение она принимала вместе со своим отцом (1967 г.р.), который не был крещён. С 14 лет (2011 г.) по приглашению подружки респондентка стала посещать богослужения в баптистской церкви. Несмотря на то что она повторно не крестилась в баптистской церкви, с её слов, она совершила переход в баптизм в том числе на уровне формальных богослужебных практик: она прочла «молитву покаяния» (в 15 лет) и выступила перед баптистской общиной со своим «свидетельством» обращения (в 17 лет). Так как с учётом указанных формальных моментов девушка перешла в баптизм, но не участвовала в баптистском таинстве крещения, то её присоединение к РПЦ осуществлялось через таинство покаяния (исповедь).

Ещё одной культовой практикой обращения, значимой для всех респондентов, стала церковно-идентификационная практика ношения нательного креста. Те респонденты, которые с детства воспитывались в православных семьях ($n = 13$), отметили, что носили нательный крест с детства, никогда не снимали по религиозным причинам. Примечательным оказалось, что даже какие-то незначительные подробности или далёкие события, связанные с ношением нательного креста, респонденты хорошо помнят. Так, респондент 2000 г.р. (№ 1) заметил, что в школьные годы однажды потерял нательный крест, потому что оборвалась цепочка. Когда он это обнаружил, то сам купил новый нательный крест. Респондент 1993 г.р. обратил внимание на то, что до сих пор хранит нательный крест, с которым он был крещён в детстве, в том числе как объект семейной памяти, так как нательные крестики ему с сестрой сделал на заводе их дед по материнской линии, который на тот момент был убеждённым атеистом. У респондента 2000 г.р. (№ 2) ношение им нательного креста в детстве оказалось причиной внутрисемейного конфликта. Когда он приходил погостить к бабушке-атеистке по материнской линии, она снимала с него нательный крест, когда же возвращался домой, верующая бабушка по отцовской линии снова надевала нательный крест на внука. Сам респондент заметил, что в пятилетнем возрасте он не придавал этой коллизии особого значения, проявляя послушание

как одной бабушке, так и другой. Респондентка 1993 г.р. обратила внимание, что в период «отхода» от православной веры и Православной церкви, несмотря на то, что она вела образ жизни, включавший употребление алкоголя, курение, использование нецензурной лексики, сожительство, у неё никогда не было желания снять нательный крест. Когда её охватывали минуты отчаяния и панического страха, она инстинктивно брала в руки нательный крест: *Я помню, мне было без какой-либо причины просто очень страшно. Я помню моменты, когда мне было дико страшно, не знаю почему, мне казалось, что кто-то сейчас меня просто задушит или съест просто. Я помню, что я хваталась за крест свой, не знаю почему, ну, рефлекс такой просто. Как-то понимала, что вот сейчас меня кто-то защитит. Потом засыпала, и ну как-то всё проходило.*

У представителей «обращения-перехода» и «обращения-перехода-возвращения» отношение к нательному кресту и практике его ношения менялось в связи с изменением конфессиональности. Так, представительница «обращения-перехода-обращения» вспомнила, что с детства носила нательный крест, с которым была крещена в Русской православной церкви. Однако в связи с её переходом в баптизм был период в несколько месяцев, когда она сознательно по религиозным причинам перестала носить нательный крест. Сначала под влиянием проповеди баптистского священнослужителя об отличии протестантского типа креста она сменила свой нательный крест, с которым крестилась в РПЦ, на четырёхконечный крест и некоторое время носила его поверх одежды как кулон: *Плюс еще проповедь была тоже, помню, такая яркая про крест... Вот как раз баптистский священнослужитель, не пастор, он сказал: «Посмотрите на наш крест, там нет Христа». Но у нас [православных] же везде есть Христос. «А почему Его нет? А потому что он воскрес». И для меня это было «вау», что вот такая сильная вера, что вот она, они даже крест носят без Христа, потому что они верят» (респондентка 1997 г.р.). Через некоторое время, после очередной баптистской проповеди о кресте, респондентка совсем перестала носить нательный крест: *Это вот было прямо какое-то такое отторжение! Мне кажется после проповеди или после какой-то беседы с кем-то, что «нам вот эти вот атрибуты не нужны, что они настолько сковывают,**

что Господь должен быть всегда в мыслях, в молитве, ты должен к Нему обращаться, а вот это вот непонятно зачем (респондентка 1997 г.р.). Мать девушки, невоцерковлённая, но верующая и крещённая в Русской православной церкви, зная увлечённость своей дочери баптизмом, не одобрявшая это увлечение, обратила её внимание на то, что снятие ею нательного креста свидетельствует о том, что такое увлечение новой религией небезобидно: *Потом я помню, мама мне такая: «Вот, она даже крест сняла! Это что же такое происходит!»* (респондентка 1997 г.р.). После этого случая респондентка вернулась к практике ношения нательного креста и больше уже его не снимала, несмотря на то, что после этого ещё несколько лет оставалась в баптистской общине.

Респондент 1990 г.р. вспомнил, что до участия в таинстве крещения в 14 лет он носил браслет, который считал своим талисманом. После того как в таинстве крещения он надел нательный крест, он сознательно снял этот браслет: *Крестик, я помню, да! Была такая ситуация, когда мы с друзьями в аварию попали, серьёзную, на мне был браслет. И вот для меня после этой аварии он был таким маленьким талисманом. А потом, когда я крестился, я его снял. Друзья меня спрашивают: «У тебя же талисман был?» «А у меня теперь крестик, новый талисман» (смеётся).*

Ещё одной культовой практикой обращения в православие молодых респондентов оказалось участие в таинстве покаяния (исповеди). Те респонденты, которые воспитывались с детства в православных семьях, стали осваивать данную практику примерно с семилетнего возраста, так как по православным церковным канонам дети при достижении 7 лет могут приступать к таинству причащения только после участия в таинстве исповеди. Двое, 1990 и 1993 г.р., заметили, что они с детства были приучены к таинствам причащения и исповеди. Для девушки 1999 г.р. первая её исповедь состоялась даже в пятилетнем возрасте. Она стала её личной инициативой в ответ на замечание матери по поводу её какого-то проступка, что *подобное поведение является грехом и что его нужно исповедовать*. Также она заметила, что опыт её первой исповеди стал для неё также переживанием первого религиозного опыта: *Я никогда не забуду эту радость и лёгкость, которая была после исповеди*.

На то, что участие в исповеди сыграло важную роль в процессе их обращения, указали большинство респондентов, отмечая при этом, что их участие в исповеди сопровождалось значительными эмоциональными и нравственными переживаниями. Так, юноша 2007 г.р. вспомнил, что ему было очень стыдно исповедоваться первый раз. Однако мама его успокоила, сказав, что все переживают подобное чувство, объяснила ему, как надо исповедоваться и для чего. Респондент сказал, что в дальнейшем мама его никогда не заставляла исповедоваться, за что он ей был благодарен. Она объяснила, что если он почувствует, что совершил какой-то плохой поступок, то нужно идти к батюшке на исповедь. Молодой человек подчеркнул, что после первой исповеди всегда участвовал в таинстве исповеди по собственной инициативе.

Респондентка 1990 г.р. заметила, что она также боялась исповедоваться и поэтому несколько лет не могла приступить к таинству причащения, хотя регулярно посещала богослужения в составе церковного хора. После первой исповеди в 20-летнем возрасте этот страх пропал: *То, что есть Бог, я всегда это знала, но ярко ощущение появилось после первой исповеди, после первого причащения. Почувствовала, что Бог со мной, что все будет по-другому*. Для девушки 2003 г.р. участие в таинстве исповеди стало переломным моментом на этапе перехода в сознательную стадию обращения. Несмотря на то, что для неё это была не первая исповедь, она стала значимой (помнит не только год, но и дату, когда она исповедовалась), поскольку самостоятельно и осознанно решила «генерально» исповедоваться после длительного перерыва. До этого случая она к исповеди не готовилась, исповедовала те грехи, которые вспомнила перед самим таинством. В случае с «генеральной» исповедью она решила хорошо подготовиться, нашла на православном интернет-портале «Азбука веры» перечень грехов и стала сверять содержание этого списка со своими поступками: *Это скорее всего что-то было на «Азбуке ру», просто какой-то список грехов, и, видимо, там у меня столько насобралось, что я поняла, что как бы надо глобально исповедоваться. Это не было в том плане, что я попросила батюшку исповедаться отдельно, нет, это было просто на вечерней исповеди, но у меня там был огромный список*.

Для респондентки 1993 г.р. участие в таинстве исповеди также стало поворотным пунктом

в траектории её обращения. Осознав, что её духовно-нравственный кризис обусловлен тем, что её настоящий образ жизни нравственно противоречит христианским ценностям и нормам, она приняла решение пойти в храм: *И как бы меня прям это осенило, что я вспомнила, что я же в храм ходила, что есть храм, что есть причастие, что то, как я живу, – это грех, что это плохо, что это грех. И поэтому мне так плохо. И что надо со всем этим заканчивать... и пошла прям сразу в этот храм. И я такая захожу, там иконы, и я знаю, где кто, я все знаю, как дома, просто как будто возвращаешься и все знаешь. То есть мне не надо было объяснять, что такое церковная жизнь, там я все знала. Всё, я пошла! Потом назначила себе как бы день, что вот я могу исповедоваться, могу причаститься. Пошла исповедовалась, причастилась и тихонько стала выкарабкиваться. Для представителей «обращения-перехода» и «обращения-перехода-возвращения» участие в таинстве исповеди также имело ключевое значение в траектории их обращения. Все они первый раз участвовали в православном таинстве исповеди в процессе своего перехода в РПЦ.*

К культовым практикам обращения молодых респондентов мы также отнесли практики алтарнического и певческого служения. Алтарническое служение включает помощь священникам в алтаре перед богослужением и во время богослужений, во время совершения священнодействий. Участие в алтарническом служении оказалось характерным только для респондентов-юношей, так как в рамках православной церковной традиции служение в алтаре возможно только для лиц мужского пола. Алтарническое служение, как практика обращения, встречается в траектории обращения пяти респондентов. Четверо из них были приглашены для этого служения настоятелями храмов. Как рассказал молодой человек 2007 г.р., он стал участвовать в алтарническом служении с восьми лет по инициативе матери, которая получила наказ от своего духовного наставника отвести сына служить в алтарь, что она и сделала. Двое из респондентов отметили, что они с детства имели интерес к тому, что происходит в алтаре, и по детской любознательности хотели там побывать, но не надеялись, что когда-то их желание исполнится: *И мне все время было интересно, что там в алтаре происходит. Просто когда из храма смотришь, думаешь, ну, интересно»* (респондент 2000 г.р. (№ 1));

Интерес, конечно, был. Я когда хотел в алтарь попасть, хотел просто лично посмотреть, как там это происходит, все изнутри. Просто ради своего детского интереса. Потому что там, ну, взрослые, ходят там, что-то там делают (респондент 2007 г.р.). Респондент 2000 г.р. (№ 2) отметил, что в алтарь он попал прежде, чем стал алтарником, так как настоятель его храма имел обыкновение исповедовать воспитанников воскресной школы, которую посещал респондент, в алтаре. С его слов, после посещения алтаря он ещё долго находился под впечатлением: *И все время были такие моменты, как будто ты коснулся чего-то вот этого неизведанного, того, что тебе интересно, того, куда ты все время желаешь попасть. Поэтому все время хотелось присоединиться к этому алтарному делу.* Респондент 2007 г.р. заметил, что ему нравилось алтарничать: *Мне там [в алтаре] нравилось. Я тогда развивался, у меня наставник там хороший был. Вот. Так было интересно очень даже.*

Как показал анализ нарративов, практика алтарнического служения имела свою конверсионную функциональность. В случае с респондентом 1993 г.р. она помогла ему преодолеть состояние духовного охлаждения, которое у него было с 6-го по начало 8-го класса. С 6-го класса он перестал посещать богослужения, исповедоваться и причащаться, единственное, что сохранил из религиозной деятельности, – это посещение воскресной школы: *Скорее всего, просто никто не объяснял, что можно делать еще. То есть детская установка перестала работать, а более серьезную, никто не дал.* Благодаря участию в алтарническом служении респондент не просто возобновил участие в богослужении, это участие стало регулярным. О том, что алтарническое служение предопределило регулярность его еженедельного участия в субботней и воскресной службах, упомянул и респондент 2000 г.р. (№ 1): *Где-то лет в 9–10 меня взяли пономарить в алтарь. Ну вот. И всё. Я стал регулярно уже посещать храм по воскресеньям, ну, в субботу-воскресенье.* В случае с респондентом тоже 2000 г.р. (№ 2) алтарничество оказалось для него «духовной страховкой», когда он в возрасте 13 лет переживал подростковый кризис вообще и духовно-нравственный кризис в частности: *В силу возраста именно вот этого переходного, когда отрицаешь все, вообще все. Дома, там, какие-то дела – «не хочу», там, по учебе надо*

стараться, учиться, скоро уже выпускаться – «не хочу». Ну, просто полный отказ от всего... Лет в 13–14, когда я уже думал «зачем, не хочу, кто там знает вообще, что там происходит, ничего не понятно». Стал как-то изучать, но в то же время изучать еще и не хотелось, какое-то внутреннее противоречие было. В храм ходить не хотел, наотрез отказывался, бабушке говорил «не пойду».

Благодаря участию в алтарническом служении респонденты узнали ход богослужения, что впоследствии оказалось для них существенным религиозным капиталом при поступлении в духовную семинарию: Я службу узнал, вот, ход службы именно в этом храме... То есть, когда я пришел в семинарию, я был готовый пономарь уже. Меня хотели пономарем поставить сначала, но потом, а так было, поставили певчим. Но хотели пономарем сначала, потому что там видно, кто пономарить умеет (респондент 1993 г.р.); Когда я поступал в семинарию, у меня был очень такой неплохой уровень знания богослужения, на уровне, скажем, каких-то основных частей богослужения и пономарства (респондент 2000 г.р. (№ 2)) Респондент 2000 г.р. (№ 1) отметил, что участие в алтарническом служении открыло ему доступ к личному общению со священниками. Это общение, во-первых, позволило ему постоянно иметь перед глазами мужской пример православного миропонимания, мироощущения, поведения и общения. Во-вторых, благодаря общению со священниками он получил ответы на свои многочисленные вопросы о духовной жизни. В-третьих, общение со священниками в контексте совместного богослужения позволило ему обрести чувство солидарности с церковной общностью, сопричастность богослужебной деятельности: Из-за того, что я был в алтаре, я много общался со священниками. Там был молодой священнический коллектив. И мы с ними как-то на одной волне оказались, и я старался брать с них пример, много слушал, много спрашивал. Этот же молодой человек указал, что первые друзья в церковной среде, которые у него появились, – были алтарники, его ровесники, ребята постарше, которые так же, как и он, участвовали в алтарническом служении. В двух случаях в нашей выборке практика алтарнического служения трансформировалась в практику профессиональной мобильности вследствие того, что респонденты были официально трудоустроены на этой должности.

Ещё одной культовой практикой обращения в православие молодых россиян оказалась практика певческого служения. Она представляет собой участие в храмовом богослужении в структуре церковного хора. В нашей выборке эта практика оказалась присуща только двум респонденткам, несмотря на то, что, в отличие от алтарничества, данная практика не имеет гендерных ограничений. Респондентка 1990 г.р. стала петь в церковном хоре в пятнадцать лет, после того, как подружилась с девочками в православном летнем лагере, пригласившими её петь в церковном хоре: И я попала в православный лагерь вместе с сестрой. Мне там, конечно, не очень понравилось, но я там нашла подружек. И они мне сказали, что ходят в хор детский, при церкви. И позвали меня, ну потому что я занималась музыкой. И я пошла туда, там была очень классная преподавательница, очень харизматичная. И мне там понравилось, и я там осталась, потому что тоже были дети моего возраста, подростки. Нам было интересно. Из её высказывания следует, что обратиться к практике церковного пения её мотивировал исключительно коммуникативно-интерактивный интерес. Более того, на протяжении пяти лет это была единственная религиозная практика, в которой участвовала респондентка: она не посещала богослужения вне церковного пения, не молилась дома, не участвовала в таинствах исповеди и причащения: В подростковом возрасте я просто стеснялась ходить и не понимала ничего. Для неё, по её словам, церковный хор стал своеобразным православным молодёжным обществом, поскольку на тот момент никаких православных молодёжных объединений в её храме и других храмах города не было: Сейчас создаются всякие молодежные объединения, а вот в мое время вообще ничего такого не было. Это было очень сложно прийти в храм. Даже вот в храм, в который ходила моя мама. Там была община, но они там были все уже взрослые. Они там вместе ездили на огород и так далее. Подросткам это вообще никак не интересно. Поэтому только вот в хор ходили, а кто-то в воскресной школе учился.

Благодаря личной увлечённости регентши церковного хора своим делом и личному вниманию к подросткам, к молодёжи респондентка нашла для себя в церковном хоре то сообщество, которое отвечало её подростковым интересам. Личный пример яркого авторитета и лидера – церковной регентши, её эмоциональная вовле-

чённость в жизненные трудности респондентки, возможность общения со сверстниками, участие в различных мероприятиях, поездках – всё это мотивировало девушку сохранять своё участие в церковном хоре, несмотря на отсутствие какого-либо религиозного интереса к этой деятельности. Беседы регентши с хористкой об исповеди, причастии не прошли даром, и когда у респондентки в двадцатилетнем возрасте возникли значительные трудности в жизни, с которыми она не могла справиться, она уже самостоятельно пошла на первую свою исповедь, с которой, по её признанию, началось воцерковление: *Я встречалась с молодым человеком. У нас были очень сложные отношения. Я как-то, можно сказать, заблудилась, и решила сходить на первую исповедь, на первое причастие. И все, я сходила. Для меня это прям было... Мне стало так хорошо (смеётся), как будто я заново родилась вообще! Ну, я, наверное, считаю вот этот момент точкой своего воцерковления, началом, по крайней мере.*

Помимо указанных функциональных значений практики участия в церковном хоре, респондентка также узнала ход богослужения: *Потому что я участвовала в богослужениях, то есть я знала службу. Я знала уже последовательность, что и когда происходит... Уже было какое-то понятие.* Через богослужебные тексты она постепенно знакоилась с основными понятиями церковной жизни, с историей Православной церкви в целом и РПЦ в частности. К моменту её первой исповеди она обладала достаточными познавательными ресурсами в церковной сфере. Участие в практике певческого служения респондентка сохранила до настоящего момента, несмотря на то, что основное её место работы – военный оркестр – также связано с музыкальным поприщем. На момент интервьюирования стаж участия респондентки в церковном певческом служении составил шестнадцать лет.

Итак, анализ случаев обращения в православие современной российской молодёжи позволяет сделать определённые выводы.

Обращение в православие современной российской молодёжи – это процесс, включающий различные траектории, в том числе «обращение-углубление», «обращение-возвращение», «самостоятельное обращение», «обращение-переход». Данные траектории обращения в православие имеют общие и различные структурные компоненты. Общими структурными компонентами

для всех траекторий обращения являются: 1) практика вступления в Русскую православную церковь; 2) православная социализация (православное обучение/самообразование, воспитание/самовоспитание); 3) интеграция в систему связей и отношений церковной общности (прихода, образовательного коллектива, богослужебного/певческого/молодёжного/социального сообщества); 4) периоды духовно-нравственного охлаждения (кризиса) и неопитства; 5) наличие личного опыта религиозной веры; 6) самостоятельный и осознанный выбор православной идентичности.

Различными структурными компонентами выявленных траекторий обращения являются: первичная православная социализация в родительской семье; вторичное православное образование/воспитание в церковных образовательных структурах; периоды отхода от Церкви, возвращения в Церковь, перехода в Церковь; православная ресоциализация и духовно-нравственная трансформация. Все рассмотренные нами конверсионные траектории включают неосознанный и сознательный периоды обращения.

Обращение современной молодёжи в православие осуществляется посредством освоения индивидуальных и групповых культовых, познавательных, солидаризирующих практик, а также их смыслов и значений.

Общей для всех обращённых молодых православных христиан является культовая практика обретения членства в РПЦ посредством участия в церковных таинствах. Данная практика реализуется преимущественно посредством участия в таинстве крещения в сочетании с таинством миропомазания. В случаях «обращения-перехода» из других христианских конфессий (баптизма, пятидесятничества) вступление в РПЦ проходит через таинства покаяния (исповеди) и миропомазания или посредством участия только в таинстве покаяния (исповеди).

Обращённые молодые православные христиане получают членство в Русской православной церкви преимущественно в детском возрасте, неосознанно и несамостоятельно, по инициативе родителей или близких родственников. Однако при наличии православного воспитания в семье в процессе обращения формальное членство обретает для молодых людей личный смысл и становится действительным. Вступление в РПЦ молодых людей

в осознанном возрасте, тем не менее, не означает осознанности и самостоятельности этого решения. Оно также может иметь формальный характер и только в процессе обращения обрести личный религиозный смысл. Вступление в РПЦ может осуществляться при наличии атеистического и другого конфессионального бэкграунда, который в процессе обращения трансформируется с учётом нового православного мировоззренческого вектора, тем не менее, сохраняя своё влияние в тех или иных особенностях отношения к культовым идеям или практикам.

Для обращённых православных молодых людей обязательной практикой обращения является участие в таинстве покаяния (исповеди). Для большинства из них освоение этой практики проходит в детстве и связано с глубокими духовно-нравственными переживаниями, способствующими обретению чувства религиозной веры. Самостоятельное и осознанное участие в исповеди в подростковом и юношеском возрасте для некоторых молодых обращённых является кульминационным моментом их процесса обращения, способствующим самостоятельному выбору православной духовно-нравственной ориентации.

Основным функциональным значением культовых практик обращённых православных россиян является обретение личного религиозного опыта, опыта личного взаимоотношения с Богом, с духовным миром, как в индивидуальной, так и в коллективной формах. Культовые практики имеют также дополнительные функциональные значения. Так, практика алтарнического служения, во-первых, имеет конверсионную функциональность: помогает преодолеть состояние духовного охлаждения, мотивирует на возобновление участия в богослужении, обеспечивает регулярность и систематичность участия в богослужении. Во-вторых, данная практика имеет познавательную функциональность, поскольку позволяет молодому человеку познакомиться с ходом православного богослужения, его смыслами, обрести навыки и умения, необходимые для возможного обучения в духовной семинарии. В-третьих, практика алтарнического служения имеет солидаризирующую функциональность, так как позволяет обращающемуся юноше сформировать связи в церковной среде как со своими ровесниками, так и с православными священниками, обрести опыт совместной,

коллективной богослужебной деятельности, обрести чувство солидарности с церковной общностью, сопричастность богослужебной деятельности, почувствовать эмоциональную поддержку и признание. В-четвёртых, эта практика имеет нравственную функциональность. За счёт обретения доступа к личным контактам со священниками данная практика позволяет обращающемуся молодому человеку увидеть пример православного миропонимания, мироощущения, поведения и общения, а также получить ответы на возникающие духовно-нравственные вопросы или совет в духовной жизни.

Более подробный анализ культовых, познавательных и солидаризирующих практик – предмет нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Berger P.* The many altars of modernity: Towards a paradigm for religion in a pluralist age. Boston : Walter de Gruyter, 2014. 147 p. <https://doi.org/10.1515/9781614516477>
2. *Casanova J.* The Karel Dobbelaere lecture: Divergent global roads to secularization and religious pluralism // *Social Compass*. Louvain, 2018. Vol. 65, № 2. P. 187–198. <https://doi.org/10.1177/0037768618767961>
3. *Makhani-Belkin T., Mirshahvalad M., Papenfuss M., Rimstad S.* Religious Conversion in a Religiously Plural World. Religious Conversion as a Form of Religious Contact // *Entangled Religions*. 2024. Vol. 15, iss. 2. <https://doi.org/10.46586/er.15.2024.11595>
4. *Karagiannis E.* European Converts to Islam: Mechanisms of Radicalization // *Politics, Religion & Ideology*. 2012. Vol. 13, iss. 1. P. 99–113. <https://doi.org/10.1080/21567689.2012.659495>
5. *Синяков О. В.* Религиозная конверсия как реалия социального универсума современности // *Koinon*. 2024. Т. 4, № 3. С. 74–85. <https://doi.org/10.15826/koinon.2024.04.3.015>
6. *Fodeman A. D., Snook D. W., Horgan J. G.* Picking Up and Defending the Faith: Activism and Radicalism Among Muslim Converts in the United States // *Political Psychology*. 2020. Vol. 41, iss. 4. P. 679–698. <https://doi.org/10.1111/pops.12645>
7. *Johnson T. M., Zurlo G. A., Hickman A. W., Crossing P. F.* Christianity 2017: Five Hundred Years of Protestant Christianity // *International Bulletin of Mission Research*. 2016. Vol. 41, iss. 1. P. 41–52. <https://doi.org/10.1177/2396939316669492>
8. *Благоевич М.* Ревитализация религии (православия) в Сербии: действительность или миф? // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2012. № 2 (121), вып. 19. С. 71–80.

9. Лебедев С., Благоевич М., Шаповалова Л. В. Ревитализация религии: к пониманию прогресса современной религиозной ситуации // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 60–75. <https://doi.org/10.31857/S013216250027367-6>
10. Фроленкова И. Ю. Религиозное обращение как религиозно-ведический феномен (в контексте мировоззрения Уильяма Джеймса) : дис. ... канд. филос. наук. М., 2024. 138 с.
11. Романова А. П., Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Рогов А. В. Причины и механизмы религиозной трансгрессии в среде студенческой молодёжи Северного Прикаспия // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 104–120.
12. Рязанова С. В. Выбор православия в условиях мировоззренческого плюрализма (Пермский край) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 76. С. 130–144. <http://dx.doi.org/10.15382/sturI201876.130-144>
13. Уфимцева Е. И. Практики обращения в православие возрастной когорты 70+: модель «отложенного обращения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–285. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-274-285>, EDN: DJYNLC
14. Елютина М. Э., Уфимцева Е. И. Практики религиозного участия пожилых в контексте проекта позитивного старения // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 103–112. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050084>
15. Rambo L. R., Farhadian Ch. E. Conversion // Encyclopedia of Religion / ed. in chief Lindsay Jones. 2nd ed. : in 15 vols. Vol. 3. Macmillan Reference USA, 2005. P. 1969–1974.
16. Исаева В. Б. Современные тренды и перспективы развития социологии религиозной конверсии // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 7–25. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-4/7-25>
17. Hervieu-Leger D. Le pelerin et le converti. La religion en mouvement. Paris : Flammarion, 1999. 290 p.
18. Уфимцева Е. И. Воцерковленность современной православной молодёжи: социологический анализ факторов и тенденций развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 427–431. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-427-431>
19. Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 304 с.

Поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025;
accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 156–165

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 156–165

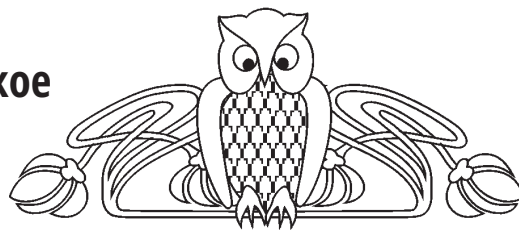
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-156-165>, EDN: HXIFYT

Научная статья

УДК 316.334

Внедрение онлайн-курсов в российское образовательное пространство: преимущества и риски

Л. В. Темнова , А. Н. Хрипунова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Темнова Лариса Витальевна, доктор психологических наук, профессор кафедры современной социологии, temnova.larisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5197-816X>

Хрипунова Анна Николаевна, магистр социологии, annaslovobook@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7979-1188>

Аннотация. Социологическое исследование с использованием методов глубинного онлайн-интервью и экспертного интервью позволило определить основные преимущества и негативные стороны современного онлайн-обучения на базе онлайн-школ и авторских курсов. Наряду с демократизацией образовательного пространства, доступностью для широкого круга пользователей, неограниченностью географическими и временными рамками, возможностью совмещения обучения с профессиональной и другими видами деятельности онлайн-курсы обладают большим потенциалом персонализации: свободы выбора темпа и времени обучения, интенсивности, медиаформата прохождения материала, содержания. Интерактивные элементы онлайн-обучения стимулируют активность слушателей. Ведущими факторами продвижения авторских онлайн-курсов выступают личность блогера, его достижения, компетентность и квалификация, убедительность как эксперта, медийность персоны, практикоориентированность предлагаемого контента. Показана дуальность статуса онлайн-курсов. В силу отсутствия законодательной базы, регламентирующей их работу и качество, возникает ряд социальных рисков, связанных с распространением «псевдонаучных» знаний через различные курсы в новых медиа. Выявлены две группы рисков дальнейшего развития онлайн-обучения: для общества (цифровое неравенство; угрозы кибербезопасности; распространение недобросовестных организаций, реализующих онлайн-курсы; отсутствие системы социального контроля и законодательной базы регулирования онлайн-курсов) и для системы образования (недостаточная подготовка преподавателей; трудности идентификации обучающегося и контроля самостоятельности выполнения заданий).

Ключевые слова: онлайн-обучение, онлайн-курсы, онлайн-платформы, риски онлайн-обучения

Для цитирования: Темнова Л. В., Хрипунова А. Н. Внедрение онлайн-курсов в российское образовательное пространство: преимущества и риски // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 156–165. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-156-165>, EDN: HXIFYT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Online learning in the Russian educational space: Advantages and risks

L. V. Temnova , A. N. Khripunova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian

Larisa V. Temnova, temnova.larisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5197-816X>

Anna N. Khripunova, annaslovobook@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7979-1188>

Abstract. A sociological study using in-depth online interviews and expert interviews allowed us to identify the main advantages and disadvantages of modern online learning based on online schools and original courses. Along with the democratization of the educational space, accessibility for a wide range of users, unlimited geographical and time frames, the possibility of combining training with professional and other activities, online courses have great potential for personalization: freedom to choose the pace and time of training, intensity and media format for passing the material, content. Interactive elements of online learning stimulate the activity of listeners. The leading factors in the promotion of author's online courses are the personality of the blogger, his/her achievements, competence and qualifications, persuasiveness as an expert, media coverage of the person, and the practical orientation of the proposed content. The duality of the status of online courses is shown. Due to the lack of a legislative framework regulating their work and quality, a number of social risks arise associated with the dissemination of "pseudoscientific" knowledge through various courses in new media. Two groups of risks for the further development

of online learning were also identified: for society (digital inequality; cybersecurity threats; the spread of unscrupulous organizations implementing online courses; the lack of the social control system and a legislative framework for regulating online courses) and for the education system (insufficient training of teachers; difficulties in identifying students and monitoring the independence of completing assignments).

Keywords: online learning, online courses, online platforms, risks of online learning

For citation: Temnova L. V., Khripunova A. N. Online learning in the Russian educational space: Advantages and risks. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 156–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-156-165>, EDN: HXIFYT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня в мировое и отечественное образовательное пространство активно внедряются процессы цифровизации. Развитие онлайн-образования видоизменяет «привычный ландшафт университетского образовательного пространства, серьезно переструктурируя его» [1, с. 17]. По определению Р. Е. Пономарева, «образовательное пространство представляет собой вид пространства, место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры» [2, с. 45]. Мощным триггером трансформации системы образования и образовательного пространства стала пандемия COVID-19. Введенные в 2020 г. ограничения и закрытие учебных заведений различного уровня во многих странах инициировали прорывное развитие дистанционного обучения, а вместе с ним – онлайн-платформ, технологий, инструментов и образовательных продуктов [3, с. 181]. По данным крупнейшей образовательной онлайн-школы «Нетология», в 2021 г. дополнительное онлайн-обучение в России прошли 18 млн человек, потратив на это 226 млрд руб. Впервые суммарные траты населения на дополнительное онлайн-образование превысили траты на традиционное офлайн-образование (214 млрд руб.). В 2022 г. онлайн-обучение также прошли 18 млн человек. Самыми востребованными направлениями дополнительного онлайн-обучения были и остаются IT¹.

В настоящее время в России понятие «онлайн-обучение» на законодательном уровне не закреплено. В Законе «Об образовании в Российской Федерации» раскрываются понятия «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии»². Онлайн-обучение стало предметом научного анализа срав-

нительно недавно. Согласно технологическому подходу, под ним понимается использование современных информационно-коммуникационных технологий для обучения и обмена знаниями [4]. Этот подход предполагает сочетание всесторонней поддержки и сопровождения обучающихся, преподавателей и администрации с использованием современных технологий, для чего необходимо разрабатывать специальные платформы и приложения, а также применять различные инструменты для организации образовательного процесса [5]. В соответствии с компетентностным подходом акцент делается на разработке и реализации образовательных онлайн-программ, которые способствуют личностному и профессиональному развитию обучающихся [6]. А. С. Готлиб выделила специфические возможности онлайн-образования: моментальный обмен информацией любого объема на расстоянии, интерактивные функции и быстрая обратная связь, доступ к любым информационным источникам вне зависимости от времени, успешная организация телекоммуникационных проектов, организация видеоконференций с неограниченным числом участников [1].

Функциональный подход к онлайн-образованию реализуется в работах С. Ю. Полянкиной. Он основан на анализе социальных функций, которые выполняются данным видом образования: доступность, гибкость, интерактивность, оценка и обратная связь [7].

Таким образом, онлайн обучение – это форма обучения, которая реализуется посредством интернета с применением цифровых технологий [8, с. 76] без необходимости физического присутствия в классе, предполагающая активное и постоянное взаимодействие обучающихся и преподавателей в реальном времени или с небольшой временной задержкой.

В настоящее время онлайн-обучение реализуется различными акторами на российском образовательном пространстве: высшими учебными заведениями, онлайн-школами, физическими лицами. Наше исследование представляет собой анализ деятельности онлайн-школ и авторских онлайн-курсов.

¹ Исследование российского рынка онлайн-образования: построение EdTech-экосистем, усиление роли государства, выход на международный рынок. URL: <https://netology.ru/blog/06-2022-edtech-research> (дата обращения: 21.09.2023).

² Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Онлайн школы – это образовательные структуры, которые предоставляет возможность осваивать учебные программы и материалы посредством новых медиа. Сегодня они становятся все более популярными, так как предлагают удобные и гибкие способы получения знаний без необходимости посещения традиционных учебных заведений [9]. Примерами наиболее известных российских онлайн-школ являются «Нетология», «Level-one», «Синхронизация», «GeekBrains» и др.

Авторские новые медиа – это понятие, которое относится к контенту, созданному персонально и распространяемому через медийные платформы: блоги, видеохостинги, социальные сети, подкасты и др. Данный контент может иметь формат статьи, видео, аудиозаписи, графических изображений и др. [10].

Онлайн-обучение становится в настоящее время не только образовательным продуктом, но и массовым воспроизводимым медиапродуктом, порождающим такое явление, как «смерть экспертизы»: дистанционные курсы зачастую превращаются в «волшебную таблетку» для аудитории, которая надеется за сравнительно небольшую плату быстро получить новые знания и навыки. На рынке онлайн-образования представлено большое число программ по овладению новой профессией и увеличению дохода. В результате их активного распространения и роста популярности среди молодежи формируется тенденция отказа от высшего образования. Отмечается³, что онлайн-курсы позволяют студентам имитировать техническую грамотность, креативность, мотивированность, вовлечённость в учебный процесс. Ученые называют онлайн-курсы псевдособытиями. Государства, университеты, политики, заинтересованные в продвижении Массовых открытых онлайн-курсов (МООС), пытаются превратить онлайн-образование в «чудодейственный эликсир» высшего образования XXI в. [11, р. 466]. П. А. Амбарова и Г. Е. Зборовский делают вывод, что эта технология, как и большинство паразитов, может ослабить и убить своих хозяев, а значит, способствовать упадку эффективного высшего образования посредством продажи и потребления образования как псевдособытия [12, с. 96].

Таким образом, онлайн-обучение становится новым элементом образовательного

пространства, который имеет как положительные, так и отрицательные эффекты. С одной стороны – мобильность, удобство, доступность освоения новых знаний и навыков при помощи дистанционных технологий и т.д. Обучающиеся осваивают онлайн-программы и повышают свою квалификацию в любой точке мира, в любое удобное время, сочетая с различными видами деятельности, что способствует их профессиональному и личностному развитию. С другой стороны, обостряется проблема качества, научной обоснованности учебного контента, практической пользы для потребителя. Общество столкнулось с явлением «инфоцыганства»: различные медийные персоны, блогеры под видом онлайн-курсов продают «воздух», т.е. информацию, не представляющую никакой ценности и практической пользы. Так «инфоцыганство» становится новой формой мошенничества в сфере онлайн-обучения.

Сегодня онлайн-курсы выполняют различные социальные функции: социализирующую функцию, образовательную (способствуют профессиональному и личностному развитию обучающихся), инклюзивную (онлайн-курсы делают обучение более доступным для различных категорий обучающихся), индивидуализирующую (онлайн-платформы адаптированы к образовательным потребностям и возможностям пользователя), функцию формирования социального капитала и др. В силу этого онлайн-курсы стали актуальным востребованным элементом современного образовательного пространства. Несмотря на наличие публикаций по вопросам цифровизации образования как одного из базовых институтов общества, социологический анализ онлайн-курсов и онлайн-обучения в целом, выявление их возможностей, преимуществ, а также рисков распространения выступают актуальной научной проблемой. Таким образом, целью нашего исследования стал анализ мотивации и целей обучающихся, степени удовлетворенности онлайн-курсами, преимуществ, недостатков и рисков современного онлайн-обучения.

Материалы и методы

Для реализации поставленной цели были использованы методы глубинного онлайн-интервью и экспертного интервью. Выборочную совокупность метода глубинного онлайн-интервью составили 25 респондентов в возрасте

³ Исследование НИУ ВШЭ: как онлайн-образование помогает достичь карьерных целей. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/747799006.html> (дата обращения: 21.09.2024).

от 18 до 64 лет (15 женщин (60%) и 10 мужчин (40%)), которые проходили программы дополнительного онлайн-образования в последние три года. Респонденты проживают в Москве, Санкт-Петербурге, республиках Башкортостан и Татарстан, Ямало-Ненецком автономном округе, Краснодарском крае, Московской, Ленинградской, Оренбургской, Калужской и Ростовской областях. Высшее образование имеют 48% респондентов, среднее специальное образование – 14%, незаконченное высшее – 33%, среднее – 5%.

С помощью метода экспертного интервью было опрошено 15 экспертов – HR-специалистов, занимающихся наймом персонала в сфере информационных технологий (13 женщин и 2 мужчин в возрасте от 22 до 48 лет) и имеющих опыт работы от года до восьми лет. Целью экспертного интервью было определение востребованности образовательных онлайн-программ при отборе IT-специалистов на вакантные места.

Для анализа данных глубинных онлайн-интервью и экспертных интервью был использован метод ручного транскрибирования с последующим анализом полученного текста.

Результаты

В ходе анализа данных, полученных с помощью метода глубинного онлайн-интервью, были выделены три группы респондентов, имеющих схожий опыт в онлайн-образовании: обучающиеся только в онлайн-школах (10 чел., группа № 1); обучающиеся только у блогеров и экспертов (6 чел., группа № 2); обучающиеся и в онлайн-школах, и на курсах блогеров/экспертов (9 чел., группа № 3). Поэтому рассмотрение различных аспектов онлайн-обучения, выявленных в глубинном онлайн-интервью, мы будем проводить, сопоставляя ответы респондентов, вошедших в данные три группы.

1. Оценка опыта онлайн-обучения

Группа № 1. Респонденты, обучавшиеся только в онлайн-школах, в целом положительно оценивают свой опыт, отмечая при этом такие недостатки онлайн-обучения, как повышенная степень ответственности и самодисциплины, недостаток живого общения и обратной связи.

Нет прямого контакта с преподавателем. Даже если это вебинары, и ты можешь что-то писать в чат, но это очень медленное взаимодействие (В. Г., муж., 28 лет).

Некоторые респонденты отмечали, что онлайн-обучение негативно сказывается на их здоровье.

Устаёшь от компьютера всё-таки, да, то есть зрение портится, это однозначно, вот, у тебя и спина болит, и глаза болят (М. А., жен., 18 лет).

Среди преимуществ онлайн-образования респонденты выделяют: доступность, широкий выбор тем и направлений, удобный формат обучения, возможность учиться в своем темпе. Также некоторые рассматривают онлайн-обучение как фактор дополнительной мотивации обучения.

Ты можешь быть где угодно, и твое обучение не прервется. Я вот так люблю куда-то уезжать на две недели, допустим, и обучение продолжается (А. В., жен. 23 года).

Группа № 2. Для обучающихся у блогеров и экспертов характерен интерес к саморазвитию и новым знаниям; они, в отличие от первой группы, больше доверяют мнению экспертов, им важно знать преподавателя, его образ жизни, мышления. Респонденты отмечают, что ценят практическую пользу информации и предпочитают учиться у тех, кто имеет реальный опыт в интересующей их области. Направления обучения пересекаются с первой группой: как правило, это сферы предпринимательства, продаж, маркетинга и дизайна. Для респондентов этой группы ведущим фактором выбора онлайн-курса выступает личность обучающего, его медийность.

Медийность человека. Поле эксперта. В чем он эксперт, если он медийный на слуху, ...то уже как-то доверие вызывает. Результаты. Если я вижу, что человек достиг тех результатов, которых хотела бы я достичь. И я понимаю, что у меня есть, чему у него получится ...чтобы я была давно, так скажем, взаимодействовала с этим человеком (М. Ю., жен., 24 года).

Таким образом, ведущим фактором продвижения и продажи онлайн-курсов блогеров и экспертов для группы является персона, личность автора.

Респонденты группы № 2 указывают на схожие с группой № 1 преимущества онлайн-обучения: доступность, возможность обучаться в своем темпе, удобство формата обучения и его недостатки: не всегда ожидание соотносится с реальностью, информация может быть не структурирована, часто на курсах преподает не сам эксперт, а другие преподаватели, кото-

рые не вызывают интереса. Также некоторые респонденты отмечают сложности в получении качественной обратной связи.

Ожидание не совпадает с реальностью, потому что расписывают всё супер-пупер-красиво, ...а по факту получается, что очень много подводных камней... ты пришёл на одно, а по факту там немножечко другое, и намного сложнее всё, и оказывается, ещё и дополнительные какие-то вложения нужны, не только на обучение (Н. Г., жен., 23 года).

Часть респондентов (двое из шести) разделили онлайн-курсы блогеров и экспертов на «массовые» и «персонализированные продукты».

Сейчас я уже не покупаю массовые продукты... потому, что я поняла, что результат совершенно не тот... массовые такие достаточно продукты, они приносят 5–10% от общего результата. Например, если сравнить даже тот же онлайн-курс в мини-группе в формате наставничества, где вас, например, 5–10 человек, там ты уже получаешь на 80% результат, и остальные 20% это еще зависит от тебя (М. Ю., жен., 24 года).

Группа № 3. Респонденты, получившие опыт обучения и в онлайн-школах, и на курсах блогеров/экспертов, из преимуществ, как и две предыдущие группы, подчеркнули доступность, возможность быть частью комьюнити, взаимодействовать с людьми из профессиональной среды, быть частью команды профессионалов, учиться в собственном темпе из любой точки мира.

В онлайн можно взаимодействовать с аудиторией намного проще. Можно заранее записывать видео, пересматривать их... То есть удобство, мобильность, скорость подключения, соединения... У вас могут создаваться определенные комьюнити, группы, какие-то беседы создаваться, чисто профессиональные, где вы можете друг другу помогать. Потом взаимодействовать, контактировать, обмениваться информацией полезной. Или вообще совместные проекты создавать (А. С., муж., 24 года).

Таким образом, все три группы выделяют схожие преимущества онлайн-обучения. В третьей группе были конкретизированы негативные стороны.

Иногда ты можешь купить кота в мешке. То есть ты не знаешь, что тебе в итоге подсунут. Хотя это аналогично, то же самое с офлайн-курсом (А. С., муж., 24 года).

Не хватает глубины, но на самом деле, особенно на курсах блогеров (Е. С., жен., 23 года).

2. Сравнение онлайн-обучения с традиционным форматом

В этом вопросе мнения первой группы разделились: семеро из десяти отметили, что лучшим вариантом будет совмещение онлайн- и офлайн-форматов, остальные полностью отдали предпочтение онлайн-формату.

С традиционным конкурировать, мне кажется, невозможно... основное образование это что-то фундаментальное, тёпленькое, которое сидишь в жаркой аудитории и грустно смотришь на преподавателя. Тогда больше набираете знания... Если говорить про дополнительные разные квалификации, то тут скорее дистанционное образование мне кажется более подходящим (А. Н., жен., 21 года).

Проявилась следующая тенденция: чем позитивнее опыт прохождения курсов, тем выше респонденты оценивают конкурентоспособность онлайн-обучения. Так, мы можем сравнить мнения двух респондентов из данной группы. Е. К. (муж., 23 года) прошел четыре курса по различным направлениям в онлайн-школах, при этом некоторые из них не окончил и в настоящий момент продолжает выплачивать кредит на обучение, что негативно сказывается на его текущем восприятии онлайн-обучения. В то же время у М. В. (жен., 23 года) опыт был исключительно положительным, все курсы она прошла до конца и была полностью удовлетворена полученным результатом.

Традиционное образование – это социальный институт, который человеку нужно пройти (Е. К., муж., 23 года).

При сравнении онлайн-обучения с традиционным форматом четверо из шести респондентов группы № 2 отметили, что курсы блогеров и экспертов вполне могут конкурировать с традиционным образованием, особенно в вопросе практикоориентированности.

Тут вопрос именно в потребности, если нужны навыки, то лучше отучиться за короткое время онлайн у человека, который потратил на эти знания большое количество времени. То есть онлайн упрощает получение знаний, ускоряет процесс (А. О., муж., 30 лет).

Как и в первой группе, были высказаны мнения о предпочтительности гибридного формата обучения.

Идеально все равно какой-то гибридный формат. То есть, допустим, уроки, уроки, уроки, онлайн, онлайн... И, допустим, раз в семестр или в триместр какой-то выезд. Вот

эти все знания, обсудить, систематизировать, пообщаться, зарядиться (А. Н., жен., 24 года).

Респонденты из группы № 3 также отметили, что онлайн-обучение может конкурировать с традиционным, но не по всем направлениям обучения.

3. Мотивация и цели прохождения онлайн-курсов

У респондентов группы № 1 были выявлены следующие мотивы прохождения онлайн-курсов: получить новые знания и навыки; повысить квалификацию; сменить профессию; развиваться в личностном плане. Кроме того, некоторые из них рассматривали обучение на онлайн-курсах как расширение возможностей получения работы. Однако этот мотив встречается реже, чем у респондентов второй группы. Большинство из обучающихся только в онлайн-школах ориентированы на развитие и повышение квалификации.

Я хотела попробовать себя в программировании, так как не уверена, что дальше хочу работать по специальности и плюс – это сейчас актуально (А. Н., жен., 21 года).

Мотивы прохождения онлайн-курсов респондентами группы № 2 были выделены следующие: получить новые знания; повысить свою квалификацию; сменить профессию; развиваться в личностном плане; зарабатывать больше денег; найти новое интересное окружение.

Улучшить свой заработок... Есть конкретный запрос, да, актуальная проблема, и ты обращаешься к онлайн-обучению для того, чтобы ее решить (Н. Г., жен., 23 года).

Мотивы прохождения курсов у представителей группы № 3 были схожи с двумя другими. Главным отличием выступает более выраженный прагматический аспект респондентов группы № 2: на заработок, формирование окружения, «проработку» денежного мышления.

4. Планы на дальнейшее обучение онлайн

Большинство респондентов группы № 1 (9 из 10) делились планами на прохождение онлайн-обучения в будущем, в том числе по направлениям, на которых они уже обучались. Большую роль в их ориентирах играет опыт, который у них был: те, кто столкнулись в обучении с проблемами, рассматривают будущие перспективы с осторожностью, однако категоричного «нет» среди ответов респондентов не было выявлено, что характеризует онлайн-курсы как прочно устоявшийся элемент современного

образовательного пространства. Респонденты группы № 2 также планируют в дальнейшем продолжать обучаться онлайн по тем же направлениям, по которым уже проходили курсы.

Я планирую вот в ближайшее время обучение онлайн, это именно по выстраиванию бизнес-модели, то есть уже по внутренке салонов. У меня стоит в целях на этот год, это приобрести курс по работе с голосом, постановка речи (М. Ю., жен., 24 года).

Двое проявили интерес к курсам в сфере ораторского мастерства, указав, что это направление сейчас активно развивается и популяризируется в новых медиа, особенно в блогерской среде. Можно сделать вывод, что на выбор респондентов группы № 2 оказывает большое воздействие то медийное пространство, в котором они находятся.

Респонденты группы № 3 также планируют активно продолжать свое обучение на онлайн-курсах. Среди направлений обучения были выделены иностранные языки; хобби, творчество и саморазвитие; IT, маркетинг; красота, спорт, здоровье; предпринимательство, продажи.

Если при выборе онлайн-курса блогера/эксперта респонденты акцентируют внимание на самом преподавателе, его личных качествах, медийности и достижениях, то при выборе онлайн-школы немаловажную роль играет известность платформы, на которой проходит обучение, отзывы тех, кто уже прошел курс, реклама. Однако часть респондентов отмечали случайность выбора программ, курсы «находили их сами».

Изначально... я смотрела отзывы... кто преподает. Также говоря, если про Skyeng, у меня были пробные уроки, которые, соответственно, знакомили меня с преподавателем... А что касается того же самого портала Открытое образование, то там изначально пишут, кто преподаватель (М. В., жен., 23 года).

Таким образом, были выявлены следующие критерии, по которым потребители оценивают качество онлайн-курсов.

1. Содержание. Для респондентов важно, чтобы информация и материалы онлайн-курса были актуальными и достоверными, соответствовали современному уровню развития науки и практики, были основаны на надежных источниках.

2. Уровень профессионализма преподавателей. Большую роль в формировании впечатления от курса играют его преподаватели. Наши

респонденты описывали разные ситуации взаимодействия с преподавателями, особый акцент был сделан на умении преподавателя доносить, объяснять материал, вовлекать в процесс обучения. Также респонденты отмечали, что важно не только профильное образование преподавателя, но и наличие у него практического опыта.

3. Техническая сторона обучения. Респонденты отмечали, что очень важной частью онлайн-обучения является техническая реализация, интерфейс, визуальная составляющая. Также большое значение имеют инструменты, обеспечивающие коммуникацию с преподавателем на платформе, получение обратной связи.

4. Методическое сопровождение. Качество такой поддержки не всегда удовлетворяло респондентов. Это отмечали представители первой и второй групп.

Обратная связь была хорошей, я получал ответы на все свои вопросы. Но все же иногда не так быстро, как мне хотелось бы (А. Л., муж., 38 лет).

Не было четкого объяснения, что именно я сделала неправильно, и как это исправить (М. В., жен., 23 года).

5. Отзывы об обучении. Большинство респондентов перед покупкой курсов просматривают отзывы, но есть и те, кто считает их бесполезными и не доверяет им.

Да, отзывы изучаю... Смотрю различные школы, конкурентов и т.д. Если есть бесплатный урок, естественно, я его стараюсь проходить. Даже просто посмотреть, как со мной общается администратор, как устроена система, что на первом уроке (Д. А., жен., 29 лет).

6. Достижение целей. Большинство респондентов выразили удовлетворение онлайн-курсами, подчеркнули пользу их прохождения.

Цель была этого курса (курс по SMM) – понять, как работает таргетированная реклама в ВКонтakte. Я разобрался и это главное, дальше уже нужно было самому изучать, вникать, как и везде (В. Г., муж, 28 л.).

7. Стоимость обучения. При оценке соотношения «цена – качество» пройденных онлайн-курсов большинство респондентов отметили, что стоимость курсов была оправданной. Некоторые отвечали, что им было удобно оплачивать обучение в рассрочку.

Несмотря на расширяющиеся возможности и возрастающую востребованность онлайн-обучения, анализ экспертных интервью с HR-специалистами выявил, что при приеме на

работу в IT-сфере наличие высшего образования выступает ключевым фактором: большинство работодателей не готовы нанять сотрудника без высшего образования, прошедшего только онлайн-курсы, даже если он владеет достаточными навыками и успешно выполнил тестовое задание. На вопрос «Как часто Вы нанимаете сотрудников на IT-позиции, не имеющих профильного технического образования, прошедших только дополнительные онлайн-курсы?» большая часть экспертов заявили, что в соответствии с политикой компании они не нанимают соискателей, прошедших только курсы, не имеющих высшего образования. Однако двое экспертов высказали противоположное мнение: они часто нанимают сотрудников только с дополнительным образованием, не имеющих высшего.

Все эксперты выразили мнение, что дополнительное онлайн-образование в сфере IT не является обязательным критерием при найме. Однако наличие такового может свидетельствовать об активности и заинтересованности соискателя (что весьма значимо для работодателя), а при прочих равных выступить конкурентным преимуществом.

Все HR-специалисты подчеркнули, что при оценке пройденных соискателем онлайн-курсов прежде всего внимание обращается на содержание его портфолио, наличие реализованных учебных проектов, разработанных, практических кейсов, демонстрирующих знания и практические навыки соискателей. Несомненно, онлайн-обучение расширяет возможности претендента в трудоустройстве за счет сформированных компетенций и опыта решения профессиональных задач. Особенно будет цениться кандидат, и обладающий профильным высшим образованием, и прошедший дополнительные курсы по IT-направлению.

Эксперты подчеркнули, что в настоящее время уже сформировался определенный список онлайн-школ и курсов, признаваемых в профессиональном сообществе, и есть определенный перечень онлайн-курсов, к которым специалисты в сфере IT испытывают недоверие.

Респондентами подчеркивалось, что требования к кандидату часто зависят от ситуации на рынке труда. Так, в настоящее время отмечается переизбыток начинающих специалистов и нехватка более квалифицированных, в силу чего устроиться только после окончания дополнительного онлайн-обучения в настоящее время является затруднительным.

Осуществленный анализ работ ученых, а также данные нашего собственного эмпирического исследования позволили выделить ряд актуальных рисков, сопряженных с распространением онлайн-обучения.

1. *Ограничение и снижение взаимодействия субъектов образовательного пространства.* Внедрение дистанционных технологий, прежде всего, меняет традиционное взаимодействие между преподавателями и обучающимися, трансформируются роли преподавателя: акценты смещаются в сторону ролей тьютора, координатора, организатора. При этом минимизируются роли воспитателя, наставника, транслятора культуры, на второй план уходит личностно-субъектная позиция преподавателя. На занятии в аудитории происходит живое общение при непосредственном контакте. При онлайн-обучении этот процесс перемещается в мессенджеры, чаты, комментарии и прочее, где теряется более половины экспрессии говорящего. Онлайн-курсы могут ограничить возможности опыта командной работы и развития социальных навыков, что является важной частью современного высшего образования.

2. *Недостаточная подготовка преподавателей.* В онлайн-среде преподаватели сталкиваются с рядом дополнительных задач. Первая связана с подготовкой учебного материала для цифровой среды, его адаптацией к формату и технологиям интерактивности онлайн-материалов, что требует овладения дополнительными методическими и техническими компетенциями, освоения различных инструментов и платформ для проведения виртуальных занятий, коммуникации с учащимися и оценки их работы. Вторая задача связана с организацией и управлением: отправка приглашений для подключения к онлайн-платформам, помощь студентам при возникновении проблем доступа к материалам и платформе, консультации по использованию онлайн-инструментов, модерирование обсуждений, ответы на вопросы учащихся, обеспечение форума для обмена мнениями и т.д. Следующая задача связана с обеспечением обратной связи. Онлайн-обучение подразумевает разработку системы оценки и быстрой обратной связи, необходимых для коррекции и направления дальнейшего обучения студентов.

3. *Трудности идентификации обучающегося, контроля самостоятельности выполнения заданий.* При осуществлении онлайн-обучения всегда существует риск подмены личности

обучающегося. Одним из вариантов решения может стать использование двухфакторной аутентификации (с использованием пароля и одноразового кода, отправленного на их мобильный телефон или электронную почту). Также может быть применена система биометрической идентификации, прокторинга. Важно подчеркнуть, что каждая из этих мер может иметь свои ограничения и требовать дополнительные ресурсы для их реализации.

4. *Отсутствие социальной системы контроля качества онлайн-курсов.* Студенты могут столкнуться с покупкой некачественного образовательного продукта, программы, не соответствующей современному уровню науки, непрофессиональной организацией учебного процесса. В результате у студента снижается мотивация, теряется интерес, происходит осознание покупки-«пустышки», потери денег и времени.

5. *Экономические риски.* Широкое распространение получают образовательные кредиты. Большинство онлайн-курсов в новых медиа дают возможность оформить рассрочку оплаты обучения. По данным «Тинькофф Кредит Брокера», 61% оплат онлайн-курсов в январе–октябре 2023 г. был осуществлен в рассрочку⁴. Для студентов существует риск не выполнить финансовые обязательства перед банком и не выплатить в срок кредит.

6. *Снижение мотивации и самоконтроля.* Онлайн-обучение предполагает большой объем самостоятельной работы студентов: просмотр видеолекций, выполнение домашних заданий, проектов, тестирование, поиск и анализ дополнительных материалов и др. В отличие от традиционного учебного процесса, при онлайн-обучении у обучающегося контроль со стороны преподавателей значительно снижен, что может привести к потере мотивации, нарушению логики и структуры образовательного процесса, снижению его качества и эффективности.

7. *Ограниченные возможности для практического обучения.* Некоторые учебные программы, например, по психологии, медицине, искусству, требуют практического опыта и непосредственного взаимодействия с объектами профессиональной деятельности. При

⁴ Исследование Тинькофф Кредит Брокера: в 2023 году россияне в два раза чаще стали покупать онлайн-курсы в рассрочку. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/29112023-research-by-tinkoff-credit-broker-in-2023-russians-buy-online-courses-in-installments-twice-as-often/> (дата обращения: 21.09.2024).

онлайн-обучении возможности для такого практического опыта весьма ограничены. По мнению владельца онлайн-школы «Zernov-Lab» Ильи Зернова, онлайн- и офлайн-формат принципиально отличаются: «...вебинарная система ближе к преподаванию в офлайне – она хорошо работает для обсуждения. А учить практическим навыкам лучше в записанных уроках. На мой взгляд, будущее образования – за комбинированием способов»⁵.

8. *Цифровое неравенство.* В связи с наличием неравного доступа к интернету и цифровым технологиям актуализируется проблема неравенства при онлайн-образовании. У людей из малообеспеченных семей, отдаленных районов или стран с низким уровнем доступа к интернету может быть ограниченный доступ к образовательным ресурсам. Такая ситуация выступает риском формирования цифрового неравенства.

9. *Угрозы кибербезопасности.* Реализация онлайн-образования непосредственно связана с проблемами цифровой безопасности и защиты личных данных обучающихся. Риски включают хакерские атаки, утечку персональной информации и злоупотребление данными. Образовательные учреждения и платформы должны обеспечивать надежную защиту и соблюдение принципов конфиденциальности данных.

10. *Недобросовестность организаций и(или) лиц, реализующих онлайн-курсы.* Например, явление «инфоцыганства» (или инфомошенничества), когда медийные личности, блогеры, продают информационные образовательные продукты посредством социальных сетей под видом онлайн-курсов, онлайн-тренингов, онлайн-вебинаров. Такие онлайн-продукты не имеют четко сформулированной направленности, их содержание не базируется на современных научных данных, что, несомненно, дискредитирует социальный институт образования. Одним из примеров такого мошенничества стала онлайн- и офлайн-школа «Like центр» Аяза Шабутдинова, которому предъявили обвинение в особо крупном мошенничестве⁶. Таким

образом, недобросовестные организации или отдельные личности используют медийное пространство и доверие аудитории исключительно с коммерческой целью, не привлекая к разработке и ведению курсов квалифицированных специалистов, выдавая непроверенную и некачественную информацию за «уникальное знание».

11. *Отсутствие законодательной базы.* В силу открытости онлайн-образовательного пространства и его бесконтрольности нередки случаи отсутствия у акторов лицензии и профессионального образования, а реализуемое ими содержание может не иметь признания профессионального сообщества. Слушатели, получив не подтвержденный институционально сертификат, рискуют иметь проблемы при поиске работы. Это связано с тем, что сфера онлайн-образования не имеет соответствующей законодательной базы: отсутствует правовое определение онлайн-курсов, не установлен статус образовательных организаций, реализующих онлайн-курсы, отсутствует система контроля качества онлайн-курсов, не разработана система сертификации курсов, не определены права обучающихся. Важно, чтобы при разработке новых норм учитывались интересы всех участников образовательного процесса – обучающихся, образовательных организаций, государства и бизнеса.

Выявленные социальные риски онлайн-образования подчеркивают значимость выработки системного подхода к этому виду образования, разработки механизмов его контроля и регулирования.

Выводы

Опираясь на теоретический анализ и эмпирическое исследование, нами была сформирована система критериев и показателей для анализа онлайн-курсов: содержание курса (его актуальность, достоверность, соответствие современному уровню развития науки, структурированность); уровень профессионализма преподавателей (опыт, квалификация); техническая сторона обучения (доступность, интерактивность, дружелюбие интерфейса); методическое сопровождение (оперативная обратная связь, наличие рекомендаций по последовательности и логике прохождения курса); стоимость обучения и ее соответствие качеству материала курса; отзывы об обучении

⁵ Плюсы и минусы онлайн-обучения, мнение экспертов // ZenClass. URL: <https://zenclass.ru/ponyatno/advantages-disadvantages-online-learning#experts> (дата обращения: 21.09.2024).

⁶ Блогеру Аязу Шабутдинову предъявили обвинение в особо крупном мошенничестве. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/499865-bloggeru-aazu-sabutdinovu-predavili-obvinenie-v-osobo-kрупnom-mosennicestve> (дата обращения: 21.09.2024).

(положительные и негативные); достижение целей (получение желаемых знаний и возможность их практического применения).

Уточнены актуальные преимущества онлайн-образования: наряду с демократизацией образовательного пространства, доступностью для широкого круга пользователей, неограниченностью географическими и временными рамками, возможностью совмещения обучения с профессиональной и другими видами деятельности, онлайн-курсы обладают большим потенциалом персонализации: свободы выбора темпа обучения, интенсивности, медиаформата прохождения материала, содержания. Интерактивные элементы онлайн-обучения стимулируют активность слушателей. У обучающихся есть возможность повторно просматривать материалы курса в необходимый момент времени. Ведущим фактором продвижения авторских онлайн-курсов является личность блогера, его достижения, убедительность как эксперта, медийность персоны, практикоориентированность предлагаемого контента. Компетентность и квалификация автора онлайн-курса выступают ведущим фактором мотивации и результата обучения.

Основными целями онлайн-обучения выступают личностное развитие, профессиональное самосовершенствование и расширение кругозора.

Исследование выявило дуальность статуса онлайн-курсов. На данный момент в нашей стране отсутствует законодательная база, регламентирующая их работу и качество. Из чего возникает ряд социальных рисков, связанных с распространением «псевдонаучных» знаний через различные курсы в новых медиа. Кроме того, в ряду таких рисков выступают цифровое неравенство, угрозы кибербезопасности, недостаточный уровень подготовки преподавателей, недобросовестность организаций и лиц, реализующих онлайн-программы, отсутствие системы контроля качества онлайн-курсов, ограниченные возможности идентификации обучающегося, экономические риски.

Список литературы

1. Готлиб А. С. Сможет ли онлайн-образование стать альтернативой традиционному университету? // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 1 (123). С. 15–22.
2. Пономарев Р. Е. Образовательное пространство. М. : МАКС Пресс, 2014. 100 с.
3. Радина Н. К., Балакина Ю. В. Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 178–194. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-178-194>
4. Байдикова Н. Л. Циклическая модель смешанного обучения: технологический подход // Концепт. 2020. № 1. С. 39–50. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11004>, EDN: TQ TJNV
5. Радыгина Е. Г. Построение эффективной модели организации дистанционного обучения // Концепт. 2022. № 2. С. 10–23. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11007>, EDN: HDRRBE
6. Абакумова Н. Н. Реализация компетентностного подхода в практике дистанционного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 158–161. EDN: KCLEXJ
7. Полянкина С. Ю. Онлайн-образование: реонтологизация или деонтологизация? // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3428–3437. <https://doi.org/10.15372/PEMW20200105>
8. Стриженко А. А. Онлайн-образование: теория и практика // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. Спецвып. 1. С. 75–79. EDN: WBGEUL
9. Шевчук П. А. Продвижение онлайн-школ в сети интернет // Collegium Linguisticum-2022 : сб. науч. ст. Ежегодной Междунар. конф. Студенческого научного общества МГЛУ (Москва, 16–19 марта 2022 г.) / отв. ред. И. А. Гусейнова. М. : Изд-во МГЛУ, 2022. С. 833–836. EDN: WBMOTG
10. Коломийцева Е. Ю. Новые медиа в пандемию: пути трансформации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1 (34). С. 144–152. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_1_144, EDN: RYYGYX
11. Sementelli A. J., Garrett T. M. MOOCs: Meaningful learning tools for public administration education or academic simulacra? // Education and Training. 2015. Vol. 57, iss. 4. P. 461–470. <https://doi.org/10.1108/ET-03-2014-0031>
12. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 88–106. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106>

Поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 29.11.2024; approved after reviewing 19.02.2025;
accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 166–175

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 166–175

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-166-175>, EDN: KPXIMQ

Научная статья

УДК 316.334.52

Основные драйверы развития малых территорий: на примере г. Городца Нижегородской области

Н. Н. Патокина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Патокина Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования, natpatok@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1742-7732>

Аннотация. В статье анализируются ключевые акторы развития малых территорий: власть, представители бизнеса, некоммерческие организации и население. При этом власть, бизнес и третий сектор экономики рассматриваются как основные драйверы, не только активно участвующие в развитии городской среды, но способные создавать условия для повышения включенности населения в жизнь города. Представлены результаты части социологического исследования, целью которого было оценить позиции ключевых акторов развития малой территории, выявить факторы и основания, влияющие на повышение гражданской активности и тормозящие включенность населения в ее жизнь. В качестве объекта исследования был выбран г. Городец Нижегородской области как типичный представитель малого города, обладающий в то же время и своей социально-экономической и культурной спецификой. На протяжении длительного времени с использованием метода case-study автором исследуются социально-экономические факторы и основания развития указанной малой территории, трансформация которой продолжается по сегодняшний день. Настоящая статья является одной из серии публикаций автора, основанных на авторских исследованиях малой территории с применением методов экспертных интервью и анкетирования с выборкой более 1500 человек.

Ключевые слова: малые города, территориальное развитие, бизнес-сообщество, предпринимательство, социально-экономическая активность, местное самоуправление, власть, некоммерческая организация, партисипаторное участие

Для цитирования: Патокина Н. Н. Основные драйверы развития малых территорий: на примере г. Городца Нижегородской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 166–175. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-166-175>, EDN: KPXIMQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main drivers of development of small territories: The example of Gorodets, Nizhny Novgorod region

N. N. Patokina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia
Natalia N. Patokina, natpatok@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1742-7732>

Abstract. The article is devoted to the analysis of key actors in the development of small territories: the authorities, business representatives, non-profit organizations and population. In this case, the authorities, business and the third sector of the economy are considered as the main drivers, not only actively participating in the development of the urban environment, but also able to create conditions for increasing the inclusion of the population in the life of the city. The paper presents the results of a part of the sociological research, the purpose of which was to assess the positions of the key actors in the development of small territories, to identify the factors and grounds that influence the increase of civic activity and inhibit the inclusion of the population in its life. The town of Gorodets, Nizhny Novgorod region, was chosen as the object of the study as a typical representative of a small town, which at the same time has its own socio-economic and cultural specifics. For a long time, using the case-study method, the author has been studying the socio-economic factors and grounds for the development of this small territory, the transformation of which continues up to this day. The present article is one of a series of publications by the author, based on the author's research of the small territory, using the methods of expert interviews and questionnaires with a sample of more than 1500 people.

Keywords: small towns, territorial development, business community, entrepreneurship, socio-economic activity, local self-government, authorities, non-profit organization, participatory engagement

For citation: Patokina N. N. Main drivers of development of small territories: The example of Gorodets, Nizhny Novgorod region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 166–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-166-175>, EDN: KPXIMQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Малые города являются наиболее распространенными поселениями в России. Социально-экономические замеры последних нескольких лет показывают, что состояние большинства малых городов характеризуется как критическое [1–5], основной причиной которого считается низкая адаптивность к рыночным отношениям. Помимо этого, выделяются такие проблемы, как миграция молодого населения в крупные региональные центры, что приводит к снижению численности трудоспособного населения; инфраструктурные ограничения, обусловленные спецификой архитектурного наследия и географическими особенностями территории, и недостаточная эффективность государственного и муниципального управления [3]. Вследствие этого актуальным является поиск и анализ оснований и драйверов развития малых городов, способных значимо противодействовать их демографическому сжатию, опережающей потере молодого населения и иным негативным изменениям и процессам в социально-экономической сфере, способствующих закреплению и укоренению позитивных тенденций и практик.

В большинстве исследований последних лет под основными драйверами понимаются акторы, способные повлиять на развитие городских систем [6, 7]. К ним, прежде всего, относят городские власти и бизнес. Рекомендации, направленные на выход из кризисной ситуации, связывают с деятельностью именно этих участников процесса развития. Среди рекомендаций исследователей отмечается улучшение экономического климата, формирование благоприятной социальной среды и создание качественного городского пространства [3–5, 8–10]. Описанные меры носят общий характер и не детализируются в степени, достаточной для учета индивидуальности малых городов. Помимо этого, в исследованиях, посвященных рассматриваемому вопросу, отсутствует описание роли населения и некоммерческих организаций в развитии малых городов, социальное пространство воспринимается как некая среда, формируемая извне, без участия людей, не включающая сложную структуру их текущих взаимодействий, образующих деятельностный ландшафт, специфичный для конкретной территории [11].

Мы же исходим из того, что в развитии малых территорий принимают участие и органы

власти, и бизнес, и некоммерческие организации (далее – НКО), и жители [12]. Первые три группы акторов рассматриваются нами как основные, институциональные драйверы, способные к активному участию в жизни города и, главное, в рамках воплощения собственной миссии формирующие открытое предложение по участию людей, создающие условия для повышения гражданской активности и включенности населения в жизнь города. Наличие сложившейся, выстроенной, хотя и по-своему в условиях конкретных малых территорий, модели коммуникации власти, бизнеса, НКО, выражаемой в готовности способности к взаимодействию, позволяет в контексте этой данности определять и перспективы развития, и проблемы, тормозящие развитие локальных территорий.

Цель настоящей работы – рассмотреть позиции ключевых акторов, выявить факторы, способствующие принятию населением институционального предложения о взаимодействии и таким образом влияющие на повышение гражданской активности либо, напротив, тормозящие или препятствующие включенности населения в жизнь города. Выбор акторов обусловлен их заинтересованностью в развитии малой территории, особенностями, в сравнении с мегаполисами и крупными городами, ее экономических характеристик, ресурсного обеспечения, способностью восприятия жителями деятельности институциональных участников процесса развития значимо влиять на результаты усилий последних. Наблюдаемая тенденция демографического сжатия малых городов, опережающей потери молодого населения свидетельствует о несовершенстве действующей модели развития. Именно синергия интересов и практик заинтересованных групп, которыми являются бизнес, НКО и власть, является драйвером развития низкоресурсной территории. В силу этого исследование представлений о развитии малого города основных акторов, вовлеченных в этот процесс и являющихся его основными движущими силами, – ключевая составляющая изучения механизма территориального развития. Совмещение представлений о целях развития, вовлечение акторов (в их числе жителей) в совместные практики позволяет формировать и ценностное, и деятельностное, и социально-экономическое пространство, комфортное и для текущей деятельности, и для реализации собственных деловых и жизненных стратегий.

В статье представлен анализ системы взаимодействия основных акторов развития Городца. Город был выбран в качестве объекта исследования как типичный пример малых территорий с численностью чуть около 29 тыс. человек¹ и плотностью населения, достаточной для устойчивого функционирования социальной структуры местного сообщества [6]. Использованы результаты экспертного опроса, проведенного нами в декабре 2023 г. – январе 2024 г. Всего было опрошено 15 экспертов: представителей органов власти, бизнеса и НКО Городца, по 5 человек в каждой подгруппе. Продолжительность одного интервью в среднем составила около 70 мин. Экспертность информантов проверена автором до начала проведения опросов на основании анализа данных, представляемых в том числе официальными структурами и находящимися в открытом доступе. Экспертный опрос включал в себя блоки вопросов, такие как: «Общая оценка социально-экономической ситуации в районе», «Якоря закрепления на территории», «Взаимодействие всех участников, заинтересованных в развитии территории» и др. Результаты анкетных опросов населения, проведенные на исследуемой малой территории, частично опубликованы [12] автором настоящей статьи.

Основные результаты исследования

Позиции власти и бизнеса

Сегодня власти Городца воспринимаются экспертным сообществом как основной драйвер развития территории. При этом речь идет не только о персонификации нового главы муниципального округа, с работой которого чаще всего связывают улучшения последних нескольких лет как социально-экономической сферы, так и городского пространства. Власть в целом характеризуется как открытая к диалогу с бизнесом, населением и поиску новых финансовых инструментов. Вместе с тем в силу традиции персонификации власти и восприятия ее как института в зеркале отношения к первому лицу структуры власти на территории отражает и восприятие ее в целом. В силу этого именно единоличный орган управления территорией в лице главы ад-

министрации представляется необходимым и достаточным условием развития, в то время как подчиненные ему и руководимые им властные структуры остаются вне фокуса восприятия, хотя их лояльность, способность и готовность действовать в унисон с первым лицом, несомненно, важны в отношении эффективности власти как драйвера процессов позитивных изменений.

Я думаю, что власть [основной драйвер развития], учитывая сейчас приход главы. Основное развитие Городца и округа происходит благодаря ему и представителю Земского собрания. Ранее он был руководителем налоговой службы Нижегородской области. Эти два человека выступают сейчас основным потенциалом, которые делают всю составляющую политику и экономическую составляющую в городе и в районе (представитель НКО).

Я думаю, что все-равно у нас сейчас власть на первом месте, конечно, подключается бизнес, потому что без финансовой поддержки это ничего не осуществимо, но я знаю, что сейчас у нас очень много грантовых вложений, то есть наш город выигрывает гранты на облагораживание той или иной территории, строительства (представитель НКО).

В оценке взаимодействия бизнеса и власти наблюдается положительная динамика. Представители бизнеса отметили, что ранее существовало пренебрежительное отношение к их деятельности со стороны власти. После смены руководства муниципального района ситуация изменилась. Взаимодействие с администрацией бизнес оценивает позитивно. Основные практики коммуникации – это встречи с предпринимателями, где проходит и информирование бизнеса об изменениях в постановлениях, нормативно-правовых актах и озвучивается проблематика, выносимая на рассмотрение бизнесом.

Диалог с бизнесом начинается со стороны администрации. Администрация выстраивала позицию: бизнес – это не очень хорошо, бизнес у нас уводит рабочие места. Сейчас они поняли, что бизнес – это дополнительное вливание в бюджет, это налоги, это новые сферы для Городца открываются, которые не может себе позволить государственный аппарат, поэтому, думаю, все впереди у нас (представитель бизнеса).

Власть и бизнес здесь вообще в таком тесном содружестве находятся. Я, конечно,

¹ Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/175502/document/183361> (дата обращения: 20.07.2024).

не знаю, у кого какие интересы, у крупных игроков, может быть, каких-то, но я знаю, что периодически администрация собирает собрание, собирает рабочие группы, слушает проблемы, и совместно выводится общая концепция развития, озвучиваются проблемы от и до, приглашается население тоже на встречу с администрацией, и вот здесь, в этой связке начинают решаться проблемы, и действительно они решаются (представитель бизнеса).

Результатом успешной коммуникации власти и бизнеса является практика заключения договоров «Содружество», которая существует уже 38 лет. Договоры представляют собой соглашения между представителями власти и бизнеса, направленные на совместное решение социально-экономических задач. В 2024 г. было заключено 145 таких договоров². В рамках соглашений распределяются полномочия между представителями власти и бизнеса в проектах. Примечательно, что власть и бизнес заинтересованы в данной программе. Объем благотворительной помощи бизнеса, оказанной в 2023 г., составил около 87,5 млн руб.³ Основные направления софинансирования: развитие и укрепление материально-технической базы учреждений социальной сферы, благоустройство территорий поселений, помощь участникам СВО, улучшение положения ветеранов и инвалидов, поддержка одаренных детей и молодежи, проведение спортивных, творческих и образовательных мероприятий.

Я думаю, что есть [заинтересованность власти во взаимодействии с бизнесом], поскольку многие сферы в городе как раз от вложений, от отчислений от бизнеса наших предпринимателей идут. Они с ними и договоры заключают. И мы вот, например, тоже собираемся в будущем с предпринимателями договор, то же подписание договора содружества, который у нас в январе проходит ежегодно. У нас с каждым годом, насколько я знаю, вот этот договор содружества подписывается в большей степени, я думаю, что бизнес все-таки заинтересован между собой, власть с бизнесом (представитель НКО).

Например, у нас ежегодно проводятся договора содружества, которые подписывают определенные соглашения по взаимодействию.

² Информация пресс-центра администрации Городецкого муниципального округа Нижегородской области. URL: <https://gorodets.nobl.ru/presscenter/news/62030/> (дата обращения: 08.08.2024).

³ Там же.

Это что касается, например, нас как социальной сферы, это предоставление спонсорской помощи для оказания мер поддержки. Такое не только с администрацией, но и с общественностью (представитель администрации).

При этом именно в последние несколько лет предприниматели стали чаще обращать внимание на договоры «Содружество» как на инструмент организации взаимодействия с органами власти для развития территорий. И сегодня из разового явления договоры стали инструментом включения бизнеса в дела местного сообщества на взаимовыгодной основе, регулируемой органами власти. Вместе с этим сами представители бизнеса свидетельствуют, что модель такого социального включения и ответственности бизнеса не так распространена, хотя в целом эксперты отмечают рост включенности предпринимателей в развитие Городца, расширяются партисипаторные практики. Бизнесмены отмечают, что объемы участия, конечно, не могут быть сопоставимы с временами СССР, когда предприятия могли финансировать детские сады, лагеря, тем не менее, формы соучастия есть на новых основаниях социального договора.

Социальная ответственность бизнеса сейчас сведена к достаточно минимальным процентам. Потому что, если мы раньше понимали, Заволжский моторный завод строит детские сады сам, потому что у сотрудников, которые у них работают, дети должны ходить в детский сад, школу. Школы нет, а детских садов очень много было. Профилактории, детские лагеря. Вот сейчас этого нет... Бизнес достаточно принимает участие в совместной работе с администрацией, оказывает благотворительную поддержку, спонсорскую помощь. У нас уже традиционно функционирует такая программа, как договор содружества между муниципалитетом и бизнесом. Это и предприниматели, и предприятия (представитель бизнеса).

Сегодня можно констатировать, что бизнес стал в Городце активным участником жизни города и включен в функционирование местного сообщества. При этом важно отметить, что до сих пор концепция социально ответственного бизнеса, заинтересованного в развитии среды для привлечения клиентов и увеличения человеческого капитала территорий, чаще применялась к средним и крупным предприятиям [13]. По официальной информации о со-

циально-экономическом развитии⁴, в Городце по большей части представлен малый бизнес, что накладывает определенные ограничения на участие предпринимателей в развитии городского пространства, инвестирования в развитие городской среды. Бизнес, прежде всего, заинтересован в собственном развитии, что, в свою очередь, зависит от социально-экономического состояния Городца. Однако возникающая взаимозависимость все же побуждает, хотя отчасти и понуждает, предпринимателей принимать участие в благоустройстве города, формируются механизмы партисипаторного участия. Сегодня у предпринимателей существует новый взгляд на благоустройство города, непосредственно влияющего на прибыльность бизнеса через привлечение покупателей, клиентов на более благоустроенные территории.

Отметим, что экономическая природа договоров изменилась. Если во времена СССР предприятия делились с территорией финансированием, получаемым ими централизованно из внешних источников, не зависящих от территории, либо заработанным на активах, принадлежащих тому или иному ведомству, то сегодня их вклад осуществляется из собственных средств, зарабатываемых на территории, и потому устойчивость такого рода модели представляется не вполне очевидной. Однако возможное присутствие в данной практике некоторой вынужденности участия бизнеса не отменяет ее осознанности и не умаляет ее значения и перспективности в отношении сдвига восприятия власти жителями территории – ее конечными благополучателями – в направлении большего доверия и сокращения внутренней дистанции между «ними» и «людьми». Важно и смещение понимания бизнесом своей роли от позиции «благотелья», дающего людям работу и уже поэтому заслуживающего едва ли памятника при жизни (как это имело место на заре становления современной России), к восприятию себя как субъекта ответственности, связанной с фактом присутствия на территории и использования ее материального и социального пространства. Открытым остается вопрос об устойчивости складывающейся системы отношений между основными акторами. Рентному характеру от-

ношений в рамках договоров «Содружество», по-видимому, еще только предстоит окончательно трансформироваться в осознанную реализацию бизнесом социальной ответственности. Источником перемен здесь выступает в том числе способность социума седиментировать эти отношения как элемент локальной субкультуры, которая для очередных когорт представителей и власти, и бизнеса будет становиться данностью, предполагающей и требующей принятия в качестве неотъемлемого условия присутствия на территории.

Мало того, они открывают, не просто арендуют, они еще и украшают свое помещение, ремонтируют. Все кварталы настолько обновились, где сидят вот эти малые предприниматели, где они открыли свои магазинчики и какие-то кафешечки, благодаря этому даже город преображается. Видимо, у людей есть деньги, значит, они могут инвестировать в благоустройство (представитель бизнеса).

И мы видим рост такой активности. Бизнес Городца воспроизводит традиции купечества, занимаясь меценатством. Наиболее распространенными формами участия являются благоустройство территорий, благотворительные акции, спонсорство НКО.

Конечно, они участвуют в благоустройствах территорий района или помогают нам, как учреждению, пластиковое окно, например, вставить, что это не помощь? Это помощь. Опять же вам говорю, это морально-этические ценности, меценатство, которое было в купечестве, оно осталось. Из рода в род передается, там не знаю, если у него есть возможность, асфальтное какое-то предприятие небольшое, то в этом районе он прокладывает нам дорожки, тротуары, чтобы улучшить жизнедеятельность граждан, которые его выбрали (представитель НКО).

Бизнес, естественно, будет за улучшение города, но конкретных вливаний в это он вряд ли будет делать, потому что у нас в основном малый бизнес и у них оборот очень маленький, и все ждут, как манны небесной всего этого от администрации (представитель бизнеса).

Позиции третьего сектора экономики

Деятельность некоммерческих организаций и их место в Городце оцениваются противоречиво. С одной стороны, эксперты, в том числе и сами представители третьего сектора, в интервью не называли НКО неким драйвером развития города, иницирующим и поддер-

⁴ Информация о социально-экономическом развитии Городецкого муниципального округа Нижегородской области. URL: <https://gorodets.nobl.ru/documents/other/244989/> (дата обращения: 18.12.2024).

живающим изменения. С другой стороны, НКО в Городце, как показывают результаты исследования, принимают активное участие в городской жизни. Их деятельность сфокусирована не только на предоставлении социальных услуг населению, они также выступают активными участниками различных городских мероприятий, иницируют, например, экологические акции, побуждая участвовать в них простых горожан. Согласно экспертным оценкам спектр деятельности НКО достаточно широкий, совпадает с основными направлениями развития территории. Многие из них, в особенности ветеранские и экологически ориентированные, активно вовлечены в различные городские мероприятия, выступают в качестве их инициаторов. Сегодня налажены коммуникации власти и представителей третьего сектора экономики Городца. Само присутствие на территории людей и организаций, чья мотивация зримо представлена не только интересами (бизнес) или внешними требованиями и ограничениями (власть), но и ценностями, – несомненно, новый и значимый фактор трансформации и расширения представлений о доступных на территории траекториях восходящей мобильности. Это дает основания полагать, что НКО стало активным участником развития и преобразования городской среды.

Очень активные. Они у нас являются участниками мероприятий, в координационный совет они у нас входят. Сами они присутствуют на каких-то больших мероприятиях (представитель администрации).

НКО есть. Активны очень. Участвуют в жизни города и в написании грантов, и в получении президентских и потанинских грантов, которые, естественно, выходят на развитие своей НКО, предоставление каких-то услуг населению. Не могу сказать, что их много. Порядка 10, наверное, есть (представитель НКО).

В городе очень хорошо наладилось межведомственное взаимодействие, как частного сектора бизнеса, так и НКО в плане партнерства при поддержке семьи, находящейся в какой-либо жизненной ситуации трудной. Если семья к нам обращается, то у нас в районе вот это межведомственное взаимодействие очень развито, что мы можем обратиться и в администрацию за помощью, и в управление образования для этой семьи, это прям радует. Последние 5 лет у нас такое взаимодействие (представитель НКО).

Факторы, повышающие гражданскую активность населения

Взаимодействие власти с населением, по мнению экспертного сообщества, сегодня налажено эффективно. Жители Городца обращаются в органы власти с предложением о преобразовании городского пространства. В свою очередь, власть оказывает поддержку для реализации предложения. Сложившееся взаимодействие позволяет властям выявлять социально-экономические проблемы в городе, оперативно реагировать на жалобы и предложения.

Да, заинтересована, это положительный момент в работе администрации. Она должна опираться на мнение населения, а как, идти в разрез? Не совсем правильно, поэтому проводятся встречи и прием, чтобы могли услышать проблему социальную. Обратная связь, когда можно написать куда-то, пара замечаний или предложений. Стараются все рассмотреть (представитель администрации).

Администрация города информационно открыта, и система информирования достаточно развита в городе, используются буквально все каналы массовой коммуникации. Жители получают информацию через печатные СМИ и социальные сети, где у официальных представителей власти есть публичные группы. Печатные СМИ, представленные газетой «Городецкий вестник», пользуются популярностью, прежде всего у пожилого населения.

Молодежь в основном все узнает из соцсетей. Там также ведется, так называемые, госпаблики. И на сайтах размещается информация: и на сайте администрации, и в Телеграм-каналах ведется также общение. Глава наш информацию размещает. СМИ, которые не печатаются, тоже размещают. Люди имеют хороший доступ ко всей информации, ко всем мероприятиям. На стендах информационных размещается информация (представитель администрации).

Полная доступность. Тем более, сейчас чаты и группы у каждого учреждения, управления. Любой доступ на страничке или в ВК, в любой сфере все доступно. Активность граждан очень высокая. Я просто сужу по своей работе: когда люди пишут и пишут, обращения, жалобы. Доступ к информации свободный по любому направлению (представитель НКО).

Таким образом, можно говорить о том, что информационная открытость органов власти стала важным фактором, влияющим на актив-

ность населения и включение его в жизнь города на принципах партисипаторного участия. При этом жители стали обращаться к администрации не только за решением бытовых проблем, но и с предложениями по благоустройству городского пространства. Подобная форма взаимодействия формирует значимость мнения населения и стимулирует его к принятию участия в городской жизни. Положение дел здесь может рассматриваться и в тактическом, и в стратегическом плане. Сложившиеся практики взаимодействия власти и населения прагматичны: население с удовлетворением пользуется вниманием власти к своим пусть еще не интересам, но уже текущим проблемам; власть демонстрирует соответствие требованиям по открытости и состоянию коммуникаций с населением. Стратегически ситуация здесь может развиваться аналогично тому, как и в отношениях власти и бизнеса: постепенно утрачивая вынужденность, внимание «сильной» стороны к обращениям и жалобам людей со временем может трансформироваться в принятие его как стандарта поведения административных органов, а для «слабой» стороны, жителей, все более осознанная заинтересованность власти в их обстоятельствах будет становиться фактором роста доверия и сопричастности инициативам по развитию территории.

Еще одним фактором повышения активности и вовлечения жителей стал проект инициативного бюджетирования губернатора Нижегородской области «Вам решать!»⁵. В рамках проекта осуществляется поддержка на конкурсной основе инициативных проектов, подготовленных и реализуемых при участии самих жителей населенного пункта. Поддержка происходит в виде областных субсидий бюджетам муниципальных образований Нижегородской области на реализацию инициативных проектов, выдвинутых и поддержанных непосредственно гражданами.

Программа губернатора, программа «Вам решать». В этом году уже второй раз она объявлена. Жители очень активно выбирают те

проблемные моменты, которые существуют в городе и в районе. И своим активным голосованием по тем или иным проектам участвуют в благоустройстве города, района. Строя потом дороги, строя спортивные площадки, детские площадки, горки для детей зимние (представитель НКО).

Наряду с проектами, трансформирующими городскую среду, возрастающей включенности населения в жизнь своего города способствуют различные городские мероприятия. Вначале большая роль в этом процессе принадлежала администрации и НКО, сегодня расширяется практика инициатив жителей, как правило, поддерживаемых администрацией.

Инициативы в плане каких-то спортивных соревнований или праздников, например, «Папа, мама, я». Нам не отказывает ФОК общественникам, кто организует на базе ФОКа. Или сплав по реке для детей инвалидов, такие вот мероприятия проходят на общественных началах. Собирается активная группа, которая все готовит, собирает этих ребятшек в какой-то день, это прям уже традиционно стало (представитель администрации).

Инициативы решаются. Если видим, если где-то несанкционированная свалка, часто бывают такие инициативы этих общественников. Они клич бросили: «Давайте придем и уберемся!» Все это идет тоже на ура. Смотрю, народ подтягивается (представитель администрации).

Поскольку Городец отличается достаточно самобытной и древней историей, город основан в 1152 г., то более всего привлекают горожан историко-культурные мероприятия. Закономерно, что жителей малого города отличает высокий уровень патриотизма, идентификации со своим городом. В Городце, как и многих других малых городах, не случайно, хотя и каждый по-своему, обретших значение ядра определенной территории, наибольшую гордость вызывают историческое наследие города и достижения местных жителей в трудовой деятельности.

Городчане очень патриотичны. Гордость вызывает многое, начиная от истории города, заканчивая жителями, которые преуспели в тех или иных делах. Когда происходит чествование жителей, когда плоды их труда доносятся до общественности. Люди с гордостью принимают и с удовольствием посещают торжественные мероприятия, митинги (представитель администрации).

⁵ Об инициативном бюджетировании в Нижегородской области : закон Нижегородской области от 30.12.2020 № 173-З. URL: <https://nobl.ru/dokumenty-zakon-nizhegorodskoy-oblasti-ot-30122020-173z/> (дата обращения: 08.08.2024) ; О реализации на территории Нижегородской области проекта инициативного бюджетирования «Вам решать!» : постановление Правительства Нижегородской области от 22.12.2017 № 945. URL: <https://base.garant.ru/45732020/> (дата обращения: 08.08.2024).

Я думаю, что это участие в каких-то мероприятиях больших, у нас часто просто по культурному направлению, поскольку я уже в этой сфере, вообще люди привлекаются к празднованию, например, или участие в каких-то событиях крупных, исторические события у нас были буквально в сентябре, ко дню памяти Александра Невского (представитель НКО).

Постепенно, усилиями администрации и при все большей включенности жителей, меняется культурный ландшафт, и это в значительной степени связано с развитием туристической сферы в городе, в наибольшей степени способной гибко реагировать на рекреационные запросы представителей разных социальных когорт и групп. Появляются мероприятия, ориентированные не только на местных жителей, но и на приезжих, что находит дружелюбный отклик у горожан.

Потом у нас есть такие традиционные праздники в нашем городе, это день города Городца, народное братство разное, там Зеленые святки, которые в июне, День пряника у нас теперь есть в городе. Вообще люди активно отзываются, и всегда на этих предприятиях у нас есть люди, которые участвуют, не просто поглазеть приходят, но и активно участвуют в любом каком-то деле и в том же мастер классе (представитель НКО).

В целом, эксперты говорят о повышении активности жителей в последние несколько лет, о появлении разных инициативных групп, отзывчивости граждан в кризисных ситуациях, происходящих у соседей, в том числе и связанных с СВО.

Сейчас очень много инициативных групп. Я забыла помощь СВО, если мы бросаем клич, что необходима какая-то помощь какой-нибудь семье, то тоже очень активно все включаются. Сгорел дом у семьи, надо помочь, и ИП тоже никогда не отказывают в помощи какой-либо, или денежной, или кто-то кирпичами, кто-то автомобилем (представитель НКО).

Наибольшую активность сегодня демонстрируют пенсионеры и молодые мамы. Молодежь оценивается менее однозначно, поскольку есть та ее часть, которая принимает участие в организации мероприятий и посещает их, а также те, кто не проявляют интереса к ним.

Мне кажется все активно участвующие у нас уже как-то на учете. Молодежь активная, которая входит в какие-то объединения. Они везде участвуют, там что-то интересное

происходит в их жизни. Также активисты предприятий, какие-то советы молодежи, золотой возраст пенсионеров, но их тоже там человек 20–30, которые входят в группу. Они тоже везде участвуют в политических мероприятиях и личных развивающих. А так, кто везде участвует, они уже на слуху люди, на виду, остальные пассивно наблюдают (представитель администрации).

Активнее пенсионеры и молодежь. Молодежь просто очень дружит со всеми гаджетами. А, пенсионерам просто от скуки, скучно людям. А, еще люди советской закалки. Привыкли, что было движение. Вот движуха у них есть, они так и двигаются, двигаются. Свою активность проявляют. У нас есть совет ветеранов, общественная палата, в которую входят старейшие жители, заслуженные жители. Которые и в 80, и в 85 проявляют активность. Поэтому молодежь и пенсионеры (представитель НКО).

Факторы, влияющие на снижение гражданской активности

Наиболее пассивные, не включенные в жизнь города, эта большая часть трудоспособного населения, особенно в возрасте от 30 до 40 лет. Основной причиной этого, по мнению экспертов, является трудовая занятость, озабоченность закрытием базовых потребностей, сфокусированность на проблемах своей семьи. Другой причиной низкой активности может быть и все еще не преодоленное полностью недоверие к органам власти. Недоверие к деятельности власти, скорее, обусловлено сложившимся негативным стереотипом. Сохранение дистанции по отношению к властям и их инициативам, в частности со стороны части населения и бизнеса, сдерживает развитие города. Властным структурам необходимо продолжать диалог с населением в форме совместных вовлекающих практик, развивая естественный деятельностный ландшафт, свойственный территории, и встраивая в него инновации, органичные восприятию людей и способные отвечать на те или иные их запросы [11].

Среднее звено [средний возраст] озабочено заработком денег, решением своих каких-то проблем внутри своей семьи, то, что творится в городе их не интересует сильно (представитель НКО).

Есть очень неактивная прослойка от 30 до 40 лет (представитель администрации).

Может быть, недоверие какое-то к власти. Не для всех, но для некоторых есть недоверие. А, может, просто средние вот слои населения, которым все равно, что происходит. Они просто обеспечивают жизнь своей семье, большая занятость в работе, в семейной жизни. А, может, просто и безразличие, безразличие граждан ко всему происходящему. Есть и такое полное безразличие ко всему, что происходит. СВО вот показало, что общество может объединиться, и не ко всему безразличны люди (представитель НКО).

Однозначно вести больше диалога с бизнесом. Однозначно, информировать население о проделанной работе, потому что всегда негатив распространяется очень быстро. Негатив – это здорово, а все, что хорошо – это за кадром. Ведь хорошего-то тоже много делается (представитель бизнеса).

Доверие, качество и предметность диалога, по-видимому, являются ключевым индикатором качества отношения жителей к власти и эффективности механизмов социального управления, создаваемых ею в интересах развития территории.

Выводы

Городец сегодня демонстрирует вполне успешную модель выстраивания не просто коммуникаций, но наполненного практическим значением для всех сторон взаимодействия власти, бизнеса, НКО и уже не просто населения, а жителей, людей, проживающих в городе. Лидерская, активная позиция здесь закономерно, в соответствии с традицией еще советского времени, принадлежит именно администрации, которая за последние несколько лет смогла создать качественно новые условия для развития города и муниципального округа в целом. Имеющиеся ограничения в виде ресурсов компенсируются взаимодействием власти с бизнесом, населением и НКО на обновленных основаниях, отличающемся возрастающей открытостью, доверием и вовлеченностью жителей. В рамках сложившейся и развивающейся модели осуществляется не только обмен информацией и привлечение ресурсов, но и создание условий, способствующих включению бизнеса и жителей в процесс управления развитием городской среды, развиваются партисипативные практики участия в нем влиятельных групп, представляющих локальный социум.

В пространстве малого города сформировались и значимо способствуют его развитию соответствующие драйверы. Ведущим из них является новое поведение городской власти, отличающееся открытостью, способностью быть конструктивной, вести и развивать содержательный диалог с бизнесом и жителями, основанный на понимании интересов партнеров и готовности в пределах располагаемых возможностей участвовать в их реализации. В значительной степени обусловленное этим возрастающее взаимное доверие основных акторов, находящее воплощение в совместных результативных практиках, осознание бизнесом и жителями их полезности, новой и более значимой роли в них способствует закреплению и этих групп в роли все более значимых драйверов развития. Последовательность и настойчивость власти в поддержании на обозримую перспективу избранных ею типа и форм взаимодействия с заинтересованными сторонами представляет собой ключевой фактор устойчивости формирующегося партисипативного механизма развития малой территории. Расширение собственной ресурсной базы органов местного самоуправления и полномочий в финансово-бюджетной сфере могут способствовать более эффективной реализации территориальных драйверов развития.

Список литературы

1. Алешникова В. И. Модели поддержки устойчивого развития малых городов // Вестник Университета. 2023. № 7. С. 90–98. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-90-98>, EDN: SWOOJO
2. Бояркина А. Г., Малахова О. Е., Фоломейкина Л. Н. Малые города Приволжского федерального округа: современные тенденции развития и проблемы // Огарев-Online. 2023. № 4 (189). EDN: FLKFRX
3. Котило С. Г. Проблемы развития социально-экономического потенциала территорий малых городов и сельских поселений Российской Федерации // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2022. № 1 (17). С. 34–40. EDN: AEBJPG
4. Овчинников О. Г. Развитие малых городов России: проблемы и пути решения // Развитие территорий. 2023. № 4 (34). С. 85–97. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-4-85-97>, EDN: SNHZHR
5. Овчинников О. Г. Перспективы развития малых городов России в условиях современной политики Правительства России // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65, № 2. С. 534–559. https://doi.org/10.55186/25876740_2022_6_2_5, EDN: SKRKOG

6. Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М. : Common Place ; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. EDN: EJVYHA
7. Плюснин Ю. М. Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения / под науч. ред. С. Г. Кордонского. М. : Изд. дом ВШЭ, 2024. 264 с. EDN: FGQWQZ
8. Курдюмов А. В. Развитие малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 38 (6). С. 224–228. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-224-228>, EDN: ASAHNV
9. Лынова Е. В., Султанова Т. А. Разработка проекта развития малого предпринимательства на территории муниципального образования // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6 (75). С. 229–337. EDN: NMISLO
10. Сазонов А. В. Обеспечение устойчивого экономического развития малых городов // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 6 (63). С. 731–736. EDN: HCZFMV
11. Патокина Н. Н. Социальные факторы территориального развития в российском нормативно-правовом регулировании // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 55–66. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.3.5>, EDN: THHTVU
12. Ивашиненко Н. Н., Теодорович М. Л., Патокина Н. Н. Локальные сообщества как драйверы развития малых городов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).
13. Никифорова О. А., Митрофанова Д. О. Концепции социальной ответственности бизнеса: исходные понятия и классификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, вып. 2. С. 214–228. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.206>, EDN: ZDDDUZ

Поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 176–181

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 176–181

<https://soziopolit.sgu.ru>

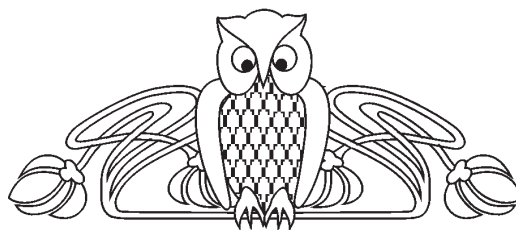
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-176-181>, EDN: LOJRIK

Научная статья

УДК 316

Развитие шеринговой культуры в условиях общества потребления

М. В. Прохорова , Е. И. Скобелева

Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24

Прохорова Марина Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью, маркетинг и коммуникации», prokhorova.mv@nntu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0503-6494>

Скобелева Екатерина Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью, маркетинг и коммуникации», ekskobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6476-5553>

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена шеринговой культуры как нового тренда общества потребления. Авторы анализируют эволюцию потребительских ценностей, отмечая значительный сдвиг от традиционной модели накопления материальных благ к приоритету нематериальных ценностей, таких как опыт, впечатления и доступ к разнообразным услугам. Этот переход отражает изменения общественного сознания, где важность владения уступает место ценности использования и совместного потребления. Рассматриваются ключевые факторы, способствующие развитию шеринговой культуры, включая технологический прогресс, экологические вызовы и трансформацию общественных установок в сторону устойчивого развития. Представлена комплексная модель шеринговой культуры, которая включает четыре основных компонента: ценности (устойчивость, доверие, коллективизм, осознанность), практики (совместное использование, обмен, коллективные инициативы), участников (физические лица, сообщества, бизнес, государство) и инфраструктуру (цифровые платформы, технологии, правовые нормы). Подчеркивается, что шеринговая культура не только меняет экономические модели потребления, но и влияет на социальное взаимодействие, формируя новые формы доверия и сотрудничества между людьми. Описывается портрет типичных пользователей шеринговых услуг, которыми преимущественно являются представители Z-поколения и миллениалы, проживающие в мегаполисах. Для них характерны цифровая грамотность, прагматизм, открытость к новым форматам взаимодействия и предприимчивость. Сделан вывод о значительном потенциале шеринговой культуры для устойчивого развития общества, однако для ее дальнейшего распространения необходимы формирование инфраструктуры, популяризация шеринговых практик и поддержка со стороны государства и бизнеса.

Ключевые слова: шеринговая культура, шеринговая экономика, потребление, общество потребления, ценности, совместное потребление

Для цитирования: Прохорова М. В., Скобелева Е. И. Развитие шеринговой культуры в условиях общества потребления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 176–181. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-176-181>, EDN: LOJRIK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of sharing culture in the conditions of consumer society

M. V. Prokhorova , E. I. Skobeleva

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R. E. Alekseev, 24 Minin St., Nizhny Novgorod 603950, Russia

Marina V. Prokhorova, prokhorova.mv@nntu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0503-6494>

Ekaterina I. Skobeleva, ekskobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6476-5553>

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of sharing culture as a new trend in consumer society. The evolution of consumer values, noting a significant shift from the traditional model of accumulating material wealth to prioritizing intangible values such as experiences, impressions, and access to various services are analyzed. This transition reflects the changes in public consciousness, where the importance of ownership is giving way to the value of use and shared consumption. The key factors contributing to the development of sharing culture are examined, including technological progress, environmental challenges, and the transformation of societal attitudes toward sustainable development. A comprehensive model of sharing culture is presented, consisting of four main components: values (sustainability, trust, collectivism, mindfulness), practices (shared use, exchange, collective initiatives), participants (individuals, communities, businesses, government), and infrastructure (digital platforms, technologies, legal norms). It is emphasized that sharing culture not only transforms economic consumption models but also influences social interaction, fostering new forms of trust and cooperation among people. The portrait of typical users of sharing

services is described, predominantly represented by Generation Z and millennials residing in metropolitan areas. They are characterized by digital literacy, pragmatism, openness to new forms of interaction, and entrepreneurial spirit. In conclusion, the significant potential of sharing culture for sustainable societal development is highlighted. It is noted that further expansion requires infrastructure development, the promotion of sharing practices, and support from both the state and businesses.

Keywords: sharing culture, sharing economy, consumption, consumer society, values, collaborative consumption

For citation: Prokhorova M. V., Skobeleva E. I. Development of sharing culture in the conditions of consumer society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 176–181 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-176-181>, EDN: LOJRIK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В XX в. потребители стремились к накоплению материальных благ. Владение вещами считалось символами успеха и статуса. В настоящее время акцент смещается на нематериальные ценности, такие как опыт, впечатления и доступ к услугам. Молодое поколение ориентируется на философию минимализма, все чаще предпочитая тратить деньги на путешествия, обучение, развлечение и другие формы опыта, а не на приобретение вещей. Изменения в ценностных ориентациях потребителей стали ключевым фактором перехода к шеринговой культуре потребления. Эти изменения отражают эволюцию общественного сознания под влиянием технологических, экономических, экологических и культурных факторов. Происходящие социально-экономические и социально-культурные изменения не только влияют на потребительское поведение людей, но и создают новые возможности для бизнеса и общества в целом.

Сама идея совместного использования ресурсов не нова. Исторически люди всегда делились вещами, услугами, пространством проживания. Сегодня феномен совместного использования ресурсов приобретает новые формы, например, каршеринг, совместная аренда жилья, совместные поездки, обмен вещами, коворкинги. Во многом это стало возможным благодаря развитию цифровых платформ, таких как Яндекс.Драйв, Делимобиль, BlaBlaCar, Avito и т.п. Шеринговая культура, опираясь на современные технологии, придает новый масштаб традициям коллективного использования ресурсов в условиях глобальных вызовов, таких как урбанизация, экологические проблемы и экономическая нестабильность.

Феномен шеринговой культуры достаточно подробно рассматривался зарубежными исследователями. Рейчел Ботсман и Ру Роджерс [1] одними из первых описали модель шеринговой экономики и совместного потребления. Анализируя проблемы традиционного общества потребления, которое характеризуется избыточным производством и расточительством

со стороны потребителей, они указывают, что модель «купи-используй-выбрось» становится неустойчивой. Потребители начинают искать альтернативы, которые позволяют им получать доступ к товарам и услугам без необходимости владения ими. Такие стратегии потребления основываются на обмене, аренде и совместном использовании ресурсов. Совместное потребление становится не просто экономической моделью, а культурным сдвигом, который меняет отношение людей к владению и использованию ресурсов. Важная роль здесь отводится цифровым технологиям, которые становятся ключевым фактором роста шеринговой экономики, упрощают взаимодействие между людьми, делая совместное потребление удобным и доступным, способствуют созданию доверия между незнакомыми людьми.

Дункен Макларен и Джулиан Агъеман в книге «Города обмена: аргумент в пользу настоящего умных и устойчивых городов» [2] размышляют об организации городского пространства, ориентированного на парадигму «совместного использования ресурсов». Основным инструментом создания таких городов должно стать развитие городских цифровых технологий, повсеместное применение которых будет способствовать справедливости, солидарности и устойчивому развитию, а также обеспечивать участие граждан в повседневной жизни города и инициировать политическую активность.

Арун Сундарараджан исследует, как шеринговая экономика меняет рынок труда и экономические отношения, воздействуя на занятость, доходы населения и социальные гарантии [3]. Упор делается на то, что новые экономические реалии не только формируют новую культуру потребления, но и трансформируют формы социального взаимодействия людей: помощь другим людям становится инструментом заработка.

Некоторые зарубежные исследователи [4, 5] обращают внимание на возможные негативные последствия культуры совместного использо-

вания ресурсов, например, таких как потеря приватности и усиление контроля со стороны корпораций, организующих совместное потребление.

Исследование шеринговой культуры в России – это относительно новая, но активно развивающаяся область. Большинство исследований посвящено развитию экономики совместного пользования как формы потребительской кооперации [6, 7].

Понятия «шеринговая экономика» и «шеринговая культура» связаны между собой, но они описывают разные аспекты одного явления. Шеринговая экономика – это экономическая модель, основанная на совместном использовании ресурсов, товаров и услуг. Она предполагает временный доступ к активам, а не владение ими, что способствует более эффективному использованию ресурсов и снижению издержек.

Шеринговая культура – это система ценностей и практик, основанная на идее коллективного использования товаров, услуг и ресурсов вместо индивидуального владения. Она возникает как ответ на избыточное потребление и понимание принципов устойчивого развития и представляет собой важный сдвиг в ценностях и поведении людей, связанный с переходом от владения к совместному использованию ресурсов. Этот феномен отражает изменения в общественном сознании, вызванные

технологическим прогрессом, экологическими вызовами и трансформацией потребительских предпочтений.

Шеринговая культура, меняя парадигму потребления, предлагает новые модели взаимодействия между людьми и ресурсами, что проявляется в следующих позициях:

От владения к доступу. В традиционном обществе потребления владение товарами является символом статусности и успешности человека. Шеринговая культура акцентирует внимание на временном доступе к материальным ресурсам, осознанном потреблении.

Экономия и рациональность. Совместное использование материальных активов позволяет снизить затраты, связанные с владением и обслуживанием.

Социальное взаимодействие. Шеринговая культура укрепляет связи между людьми, создавая новые формы социального взаимодействия.

Гибкость и персонализация. Шеринговая культура предлагает потребителям больше свободы выбора.

Экологичность. Шеринговая культура, являясь составляющей циркулярной экономики, где товары используются повторно, а не выбрасываются после однократного использования, формирует новое экологическое сознание.

Модель шеринговой культуры может быть представлена следующими элементами (рис. 1).

Рис. 1. Модель шеринговой культуры

Ценности – это основа шеринговой культуры. Они формируют отношение людей к потреблению, владению ресурсами и взаимодействию с другими людьми. Основными ценностями шеринговой культуры являются:

- устойчивость (стремление к рациональному использованию ресурсов);

- доверие (готовность делиться ресурсами и взаимодействовать, в том числе с незнакомыми людьми);

- коллективизм (ориентация на сотрудничество и взаимопомощь);

- осознанность (ответственное отношение к потреблению и его последствиям).

Практики – это конкретные действия, которые реализуют ценности шеринговой культуры. Они включают:

- совместное использование (аренда, обмен или коллективное использование ресурсов, например, каршеринг, кикшеринг, аренда жилья);
- обмен (бесплатный или условный обмен товарами, услугами, например, на платформах для обмена вещами);
- коллективные инициативы (создание сообществ для совместного использования ресурсов, например, коворкинги).

Участники – субъекты, которые вовлечены в совместное пользование ресурсами. Они могут быть как индивидуальными, так и групповыми:

- физические лица (люди, которые делятся ресурсами);
- сообщества (локальные группы, комьюнити-сообщества, которые организуют совместные инициативы);
- бизнес (компании, которые создают платформы для совместного использования ресурсов, например, «Делимобиль»);
- государство (органы власти, которые регулируют и поддерживают шеринговую культуру).

Инфраструктура – это инструменты, которые делают возможным функционирование шеринговой культуры:

- платформы (цифровые и физические платформы, которые способствуют взаимодействию участников совместного пользования ресурсов, например, мобильные приложения);
- технологии (инструменты, которые делают взаимодействие участников безопасным, прозрачным, законным, например, технологии блокчейн);
- правовые нормы (регулируют безопасность и справедливость с точки зрения законодательных актов).

Проанализируем на примере каршеринга предложенную модель шеринговой культуры.

1. Ценности: устойчивость (сокращение количества автомобилей, экономия парковочных мест); доверие (системы рейтингов и отзывов укрепляют доверие между людьми); экономическая эффективность (экономия собственных ресурсов); удобство (широкий выбор автомобилей в зависимости от потребностей); минимализм (сокращение личных вещей). Ценности формируют основу для практик.

2. Практики, т.е. совместное использование автомобилей через платформы, например

«Делимобиль», «Яндекс.Драйв», «Belka.car». Практики реализуются через участников.

3. Участники: водители и пассажиры; коммерческие компании, реализующие свой бизнес; государство в лице компетентных органов. Участники взаимодействуют через созданную инфраструктуру.

4. Инфраструктура: мобильные приложения, системы оплаты, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О безопасности дорожного движения».

Согласно результатам всероссийского телефонного опроса 2022 г. (1604 опрошенных возрастом старше 18 лет)¹, каждый седьмой россиянин (15%) хорошо осведомлен о шеринговых практиках (причем реальный опыт совместного потребления есть у половины из них (54%)), более половины респондентов (56%) знают о возможностях совместного потребления товаров и услуг, 41% – что-то слышали, но не ориентируются в подробностях, почти столько же, 42%, совершенно ничего не знают и не слышали о практиках совместного потребления.

Лишь 15% респондентов когда-либо практиковали совместное использование товаров и услуг. Типичные пользователи услуг совместного потребления – это молодые экономически активные люди в возрасте 25–44 лет (57%), имеющие высшее образование (48%), чаще мужчины (71%), ежедневно пользующиеся интернетом (91%), работающие по найму (50%), оценивающие свое материальное положение как среднее (55%), проживающие в городах-миллионниках (50%).

Таким образом, типичными пользователями шеринговых услуг являются миллениалы и представители поколения Z. Они характеризуются цифровой грамотностью, прагматизмом, открытостью к новым формам взаимодействия, предприимчивостью. Шеринговая культура получает большое распространение в городах-мегаполисах благодаря высокой плотности населения, развитой инфраструктуре и активному использованию цифровых технологий. В условиях высокой стоимости жизни шеринг предлагает экономически выгодные альтернативы традиционному владению. Развитая цифровая структура городов и высокая интернет-активность населения способствуют быстрому внедрению

¹ Всероссийский телефонный опрос «Совместное потребление: арендовать или покупать?» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovместnoe-potreblenie-arendovat-ili-pokupat> (дата обращения: 20.02.2025).

и популяризации шеринговых практик. Однако в менее крупных городах и сельской местности распространение шеринговой культуры пока ограничено из-за недостатка инфраструктуры и низкой осведомленности населения.

Наиболее востребованными услугами совместного потребления являются услуги, связанные с арендой транспорта (рис. 2). Наибольшую распространенность совместного использования имеет каршеринг (41%), вторую позицию занимает кикшеринг (19%), третью – велошеринг (12%). Стоит предположить, что

распространенность использования аренды транспорта обусловлена как развитием соответствующей инфраструктуры, так и технологической доступностью. Развитие мобильных приложений и цифровых технологий сделало аренду транспорта простой и удобной. Пользователи могут быстро найти, забронировать и оплатить транспорт через смартфон. Кроме того, каршеринг, кикшеринг и велошеринг часто интегрированы с навигационными системами, что повышает удобство их использования.

Рис. 2. Наиболее часто используемые товары и услуги в шеринговых практиках, % (респондентам предлагался выбор более одного варианта ответов)

Бытовой прокат фактически не распространен у респондентов (см. рис. 2). Скорее всего, причина в низком развитии технологической инфраструктуры, связанной с использованием бытовых вещей.

Наиболее распространенными ценностями, которые лежат в основе шеринговых практик россиян, являются материальные: экономия денежных средств (35%), удобство использования (27%), разовое использование / возможность не покупать данный товар (15%).

Результаты исследования демонстрируют, что шеринговая культура в России находится на стадии формирования. Совместное использование ресурсов пока не стало массовым явлением, многие просто не информированы о соответствующих практиках. Среди мотивов совместного использования товаров и услуг

преобладает материальная выгода. Об экологических и социальных ценностях пользователь шеринговых практик задумывается в меньшей степени. Чаще шеринговые практики использует городская, технологически подкованная молодежь. Это связано с развитием соответствующей инфраструктуры и ее технологической доступностью.

Однако шеринговая культура имеет значительный потенциал для роста, для ее дальнейшего распространения необходимы: популяризация шеринговых практик через образовательные и информационные кампании, развитие соответствующей технологической инфраструктуры для удобства аренды, проката, обмена, поддержка со стороны государства и бизнеса в части создания удобных платформ и регулирования.

Список литературы

1. *Botsman R., Rogers R.* What's mine is yours: The rise of collaborative consumption. New York : Harper Business, 2010. 304 p.
2. *McLaren D., Agyeman Ju.* Sharing Cities: A Case for Truly Smart and Sustainable Cities. Cambridge, MA : MIT Press, 2015. 445 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262029728.001.0001>
3. *Sundararajan A.* The sharing economy: The end of employment and the rise of crowd-based capitalism. Cambridge, MA : MIT Press, 2016. 256 p.
4. *Rifkin J.* The age of access: The new culture of hypercapitalism, where all of life is a paid-for experience. New York : J. P. Tarcher/Putnam, 2000. 312 p.
5. *Schor J.* After the Gig: How the Sharing Economy Got Hijacked and How to Win It Back. Berkeley : University of California Press, 2021. 272 p. <https://doi.org/10.1525/9780520974227>
6. *Кирияк С. Ю.* Шеринговая экономика – новая модель потребления // Бенефициар. 2019. № 58. С. 29–31. EDN: IRSPVG
7. *Стрижакова Е. Н., Стрижаков Д. В.* Шеринговая экономика: новая экономическая модель // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18, № 2 (407). С. 300–320. <https://doi.org/10.24891/ni.18.2.300>, EDN: BQIWRK

Поступила в редакцию 22.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025;

принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 22.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025;

accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 182–186

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 182–186

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-182-186>, EDN: PACYTS

Научная статья

УДК 316.342.6

Особенности пенсионного обеспечения как аспект социально-экономической дифференциации силовых структур Российской Федерации

А. В. Тимофеева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тимофеева Анна Вячеславовна, аспирант кафедры социологии регионов, timofeevaa5544@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8779-0943>

Аннотация. Особенности пенсионного обеспечения военнослужащих различных структур являются основанием для споров исследователей и экспертов в данной области. Улучшение системы пенсионирования военнослужащих является важнейшим аспектом для повышения эффективности обороноспособности государства, стимулирования молодого поколения для прохождения военной службы в той или иной силовой структуре, повышения престижа статуса военнослужащего. Однако особенности пенсионного начисления и расчета вызывают устойчивое недовольство военнослужащих различных структур. В данной статье рассматривается структура денежного довольствия военнослужащих. Охарактеризованы специфические отличия, обусловленные различными факторами, военного пенсионирования разных силовых структур. Акцентируется внимание на существовании структур, дифференцированных по их ведомственной принадлежности, отвечающих за назначение, исчисление, перерасчет и выплаты пенсионного довольствия различных видов. Отмечена особенность выслуги лет для назначения, исчисления и начисления военной пенсии. Проанализированы различия в механизмах и уровне формирования денежного довольствия военнослужащих различных структур. Проведен анализ размеров окладов по тарифному разряду по замещаемой должности в Министерстве обороны РФ и Федеральной службе войск национальной гвардии РФ (по состоянию на 2024 г.) при идентичных условиях. Рассмотрены отличия пенсионного обеспечения военнослужащих органов военных следственных комитетов СК России, военной прокуратуры и военных судов по отношению к военнослужащим других силовых структур. Исследованы причины понижающего коэффициента, применяемого к денежному довольствию некоторых силовых структур.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, силовые структуры, военнослужащий, понижающий коэффициент

Для цитирования: Тимофеева А. В. Особенности пенсионного обеспечения как аспект социально-экономической дифференциации силовых структур Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 182–186. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-182-186>, EDN: PACYTS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of pension provision as an aspect of socio-economic differentiation of the power structures of the Russian Federation

A. V. Timofeeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Timofeeva, timofeevaa5544@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8779-0943>

Abstract. The specifics of pension provision for military personnel of various structures are the basis for disputes between scientists and experts in this field. Improving the pension system for military personnel is an essential aspect for increasing the effectiveness of the state's defense capability, stimulating the younger generation to serve in a particular power structure, and increasing the prestige of the status of a serviceman. However, the specifics of pension accrual and calculation cause indignation among military personnel of various structures, which leads to negative trends. This article discusses the structure of military personnel's pay. The specific differences caused by various factors in military pensions of different law enforcement agencies are characterized. Attention is focused on the existence of groups of bodies, differentiated by their departmental affiliation, responsible for the appointment, calculation, recalculation and payment of pension allowances of various types. The peculiarity of the length of service for the appointment, calculation and accrual of a military pension is noted. The differences in the mechanisms and level of formation of monetary allowances for military personnel of various structures are analyzed. The analysis of salary levels by tariff category for positions held in the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Federal Service of the National Guard Troops of

the Russian Federation (in 2024) under identical conditions is carried out. The article considers the differences in pension provision for military personnel of the military investigative committees of the Investigative Committee of Russia, the military Prosecutor's office and military courts, which represent an increase in social status in relation to military personnel of other law enforcement agencies. The reasons for the reduction coefficient applied to some law enforcement agencies of the state are investigated. The shortcomings of the pension system have been identified, taking into account the diversity of state law enforcement agencies.

Keywords: pension provision, law enforcement agencies, military personnel, reducing coefficient

For citation: Timofeeva A. V. Features of pension provision as an aspect of socio-economic differentiation of the power structures of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 182–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-182-186>, EDN: PACYTS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рассмотрение вопроса о пенсионном обеспечении военнослужащих, его нормативно-правовых особенностях регулирования, анализ размера регионального коэффициента приводит к необходимости исследования структуры денежного довольствия силовых структур Российской Федерации.

В данную структуру включены такие элементы, как ежемесячные оклады в соответствии и с присвоенным званием, и занимаемой должностью, а также дополнительные выплаты (за выслугу лет, особые условия прохождения службы, работа с закрытыми (представляющими государственную тайну) сведениями, достижения в службе и др.). Несмотря на схожесть структуры, назначение, исчисление, перерасчет и выплата пенсионного довольствия в различных силовых структурах имеют некоторые специфические отличия, обусловленные рядом факторов. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, в Российской Федерации действует система силовых структур, реализующих различные цели, задачи и функции. Существуют группы органов, дифференцированных по их ведомственной принадлежности, отвечающие за назначение, исчисление, перерасчет и выплаты пенсионного довольствия различных видов. К примеру, Финансово-экономическое управление Службы обеспечения деятельности ФСБ России реализует выплаты военным пенсионерам спецслужб (ФСБ, ФСО, СВР, ГУСП), действуя на основании Приказа ФСБ России от 14 февраля 2017 г. № 87¹. Данный факт демонстрирует отсутствие единого специализированного органа для всех силовых структур (по аналогии с ПФР), что приводит к ряду проблем.

¹ Об утверждении Инструкции об организации работы в органах федеральной службы безопасности по пенсионному обеспечению лиц, уволенных с военной службы, и их семей : приказ ФСБ России от 14.02.2017 № 87 (с изм. и доп. от 13.03.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, выслуга лет имеет важное значение для расчета и перерасчета военной пенсии. При этом периоды прохождения службы в силовых структурах различны. Также, согласно Закону о военных пенсиях, пенсионное обеспечение военнослужащих определяется в зависимости от последнего места службы и не связано с тем, по какому ведомству срок службы составил большую часть². Так, например, военнослужащий имеет право на получение военной пенсии по линии Министерства обороны Российской Федерации. Однако после увольнения им было принято решение продолжить службу в МЧС России. В данном случае военнослужащий теряет право на получение военной пенсии по линии Министерства обороны РФ, так как пенсионное довольствие за выслугу лет будет рассчитываться и пересчитываться согласно последнему месту прохождения службы [1]. При реализации на практике подобных положений, разумеется, происходят судебные споры.

Во-вторых, существование различий в механизмах и уровне формирования денежного довольствия военнослужащих различных структур. Попытки унификации необходимого экономического основания пенсионного довольствия за выслугу лет так и не привели к желаемой цели по следующей причине. Должностные оклады сотрудников военных следственных органов СК России, органов военной прокуратуры и сотрудников военных судов устанавливаются исходя из процентного соотношения должностного оклада сотрудника соответствующего ведомства, в других силовых структурах – на основе тарифного разряда.

² О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей : закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1 (ред. от 26.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проведем сравнительный анализ размеров окладов по тарифному разряду по замещаемой должности в Министерстве обороны Российской Федерации и Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (таблица).

Размер окладов по тарифному разряду по замещаемой должности в Министерстве обороны РФ и Федеральной службе войск национальной гвардии РФ, руб. (по состоянию на 2024 г.)

Тарифный разряд по замещаемой должности	Размер оклада в Министерстве обороны РФ*	Размер оклада в Федеральной службе войск национальной гвардии РФ**
1	10 848	13 318
2	11 932	14 647
3	13 017	15 981
4	14 102	17 313
5	16 271	19 976
6	17 356	21 306
7	18 441	22 638
8	18 983	23 304
9	19 525	23 969
10	21 695	26 631
11	22 237	27 298
12	22 780	27 965
13	23 322	28 629
14	23 864	29 294
15	24 407	29 961
16	24 949	30 626
17	25 491	31 292
18	26 034	31 959
19	26 576	32 623
20	27 118	33 289
21	27 661	33 955
22	28 203	34 620
23	28 746	35 288
24	29 288	35 953
25	29 830	36 617
26	30 373	37 284
27	30 915	37 950
28	31 457	38 614
29	32 000	39 281
49	45 559	57 665

Примечание. * – Приложением № 2 к Приказу Министра обороны Российской Федерации от 06.12.2019 № 727 (ред. от 26.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». ** – Приложение № 3 «Размеры окладов по воинским званиям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту» к Постановлению Правительства Российской Федерации от 05.12.2011 № 992 (ред. от 16.05.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представленные данные за 2024 г. показывают, что оклады в Федеральной службе войск национальной гвардии РФ и аналогичные оклады в Министерстве обороны РФ разнятся от 2470 руб. (1-й тарифный разряд) до 12 106 руб. (49-й тарифный разряд).

К денежному довольствию военнослужащих также устанавливаются и дополнительные выплаты. Здесь тоже прослеживаются различия в данных выплатах в различных силовых структурах. К примеру, ежемесячная надбавка за выслугу лет начисляется и для военнослужащих

военно-следственных органов, военных прокуроров и для военнослужащих Министерства обороны РФ, но процент надбавки различается.

Так, анализ размеров ежемесячной надбавки за выслугу лет для военнослужащих Министерства обороны РФ показывает, что она ниже в 2,0–2,2 раза в сравнении с аналогичными надбавками военнослужащих военно-следственных органов³ и военных прокуроров⁴.

В-третьих, введение или невведение понижающего коэффициента. Несовершенство понижающего коэффициента было отмечено исследователями и экспертами еще в 2011–2012 гг. Согласно ч. 2 ст. 43 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1, понижающий коэффициент не распространяется на сотрудников военных судов, военной прокуратуры и военных следственных органов СК России⁵. В 2010-е гг. представители данных силовых структур активно лоббировали преференциальный режим пенсионного и денежного довольствия через введение в действие различных правовых норм, закрепленных положениями военного и пенсионного законодательства⁶. Это аргументировалось низким уровнем материального обеспечения представителей перечисленных структур (к примеру, по сравнению с военнослужащими Министерства обороны РФ), а также необходимостью усиления их социально-экономической

защиты и гарантирования особого статуса [2]. Именно по данной причине при расчете, перерасчете и начислении военных пенсий за выслугу лет понижающий коэффициент применяется не ко всем силовым структурам государства. Пенсия данной категории рассчитывается из полной суммы должностных окладов согласно воинскому званию, занимаемой должности и надбавки за выслугу лет.

Также к различиям можно отнести выплачиваемую ежемесячную надбавку к денежному довольствию (так называемая пенсионная надбавка) в размере 50% пенсии за выслугу лет военнослужащим военных следственных органов СК России⁷. Данная правовая норма также применяется по отношению к военным прокурорам⁸.

Помимо вышеуказанной надбавки, для военных прокуроров существует еще одна привилегия: в случае перехода на должность с меньшим окладом при уже наступившем праве на получение пенсионного довольствия размер пенсионной надбавки будет рассчитан с учетом той должности, на которой находился военнослужащий в момент наступления права на пенсионное довольствие по выслуге лет [3].

Свою особенность имеет и пенсионное обеспечение судей военных судов. В случае почетного ухода в отставку по выбору военного пенсионера может выплачиваться: пожизненная пенсия, не облагаемая налогом (ЕПСС – ежемесячное пожизненное содержание судьи), или пенсионное обеспечение для военнослужащих, или пенсия, предусмотренная для иных категорий лиц⁹.

Военнослужащему, пробывшему судьей не менее 25 лет, при уходе в почетную отставку будут представлены выплаты 85% с учетом его должности. К примеру, для федерального судьи

³ О Следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 14.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Положения о доплате за выслугу лет прокурорским работникам органов и организаций прокуратуры Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 21.05.2012 № 213. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей : закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1 (ред. от 26.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об определении должностных окладов для исчисления пенсий (вместе с «Порядком приравнивания должностных окладов по упраздненным должностям военных прокуроров и следователей органов военной прокуратуры и военных следственных органов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации к должностным окладам по имеющимся штатным должностям военных прокуроров органов военной прокуратуры в целях пересмотра размера пенсий») : приказ Генпрокуратуры России от 30.07.2021 № 158. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Порядка обеспечения военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации денежным довольствием и отдельными выплатами : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 21.12.2016 № 151 (ред. от 09.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих органов военной прокуратуры, проходящих военную службу по контракту, и предоставления им отдельных выплат : приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2018 № 547-10 (ред. от 20.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ О военных судах Российской Федерации : федер. конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024 № 6-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данная выплата будет составлять 90–150 тыс. руб. в месяц. Согласно законодательству, все льготы, выплаты и преференции сохраняются для пенсионеров-судей в полном объеме.

В экспертном сообществе на сегодняшний день сформировалось несколько направлений обсуждения и поиска решений рассматриваемого комплекса проблем. Остановимся на базовых.

Первое. Система силовых структур государства, реализующих различные функции, предопределяют существование целого ряда органов, ответственных за начисление, исчисление, перерасчет и выплату пенсионного довольствия военнослужащих. Ученые и эксперты рекомендуют как сокращение, так и увеличение органов, отвечающих за реализацию военного пенсионирования. Принимая во внимание ранее изложенные аргументы, сложно сделать конечный вывод о том, будет ли эффективнее унифицировать существующую систему, или оставить ее без изменений. Данный вопрос требует глубокого анализа всех рисков и последствий для реализации тех или иных рекомендаций.

Второе. Дифференциация размера пенсионного довольствия различных силовых структур также приводит экспертов и ученых к необходимости перемен. В данном случае предложения склоняются к общей идее – необходимо идентифицировать механизмы военного пенсионирования (применить идентичные условия назначения). Стоит отметить, что такая позиция авторов будет весьма затруднительной при реализации, так как характер решаемых задач силовых структур в различные периоды времени может видоизменяться, соответственно, изменится и финансирование той или иной силовой структуры (например, повышение или понижение бюджетного ассигнования для повышения или понижения денежного довольствия личного состава). Несмотря на это, разрыв между пенсионными выплатами уволенных по пенсионным основаниям военнослужащих идентичной категории должен быть менее значительным. Сегодня неприемлемой выглядит серьезная разница

денежного оклада военнослужащих Федеральной службы войск национальной гвардии и военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации. Качественная подготовка военнослужащих, привлечение молодых людей на военную службу или военные вузы диктуют необходимость применения различных видов стимулов. Одним из немаловажных выступает экономическая защищенность военнослужащих.

Третье. Многолетние дискуссии об отсутствии понижающего коэффициента у представителей военных следственных органов, прокуратуры и судов акцентируют их привилегированное положение по отношению к военным пенсионерам других силовых ведомств. Кроме того, такое положение не соответствует требованиям Конституции Российской Федерации, гарантирующим равенство прав граждан. В качестве выхода из создавшейся ситуации предлагается уравнивать повышающий коэффициент для всех категорий военных пенсионеров.

В сегодняшних условиях СВО и геополитического противостояния России со странами коллективного Запада значительно обостряется значимость повышения престижа прохождения военной службы в Министерстве обороны РФ, увеличения заинтересованности молодого поколения в прохождении военной службы, повышения престижа военнослужащих, а значит, особое значение имеет деятельность власти по развитию и совершенствованию системы функционирования Минобороны России.

Список литературы

1. Демидова И. Пенсии военнослужащим. Анализ споров // Трудовое право. 2020. № 4. С. 17–26.
2. Калинин В. М. Возмещение вреда, причиненного военнослужащему // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 1 (282). С. 39–50.
3. Корякин В. М. Некоторые проблемы индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2017. № 3 (236). С. 22–26.

Поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 187–194
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-187-194>
EDN: QWFXAZ

Научная статья
УДК 32+303

Политическая ответственность «цифрового поколения» как вызов будущему российской политики

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Настоящая публикация посвящена анализу одной из причин, по которым в сознании «цифрового поколения» молодых граждан Российской Федерации постепенно, на протяжении последнего десятилетия, теряет своё значение одна из главных ценностей демократической политической культуры – ответственность гражданина за состояние политики и своё место в ней. Причиной, по мнению автора, являются завышенные ожидания субъектов государственной политики цифровизации России, что массовое и повсеместное внедрение соответствующих технологий в государственные и общественные практики способно быстро и эффективно решить большинство организационных и коммуникативных проблем в политике, экономике и культуре, включая образование. Завышенные ожидания мешают субъектам политики цифровизации быть внимательными к предупреждениям специалистов по поводу рисков для политического будущего России, которые несёт ускоренная цифровизация. Последняя создаёт для молодого гражданина условия, когда он легитимно может подменить свою активность в реальной политике и ответственность за последствия своих действий активностью в использовании цифровых технологий, прямой ответственности за качество и последствия использования которых он не несёт. Вызовом для настоящего и будущего российской политики является высокий уровень готовности «цифрового поколения» молодых граждан транслировать своё неприятие политической ответственности из сферы цифровых коммуникаций в сферу реальной политики.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, будущее России, политика цифровизации

Для цитирования: Шестов Н. И. Политическая ответственность «цифрового поколения» как вызов будущему российской политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-187-194>, EDN: QWFXAZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

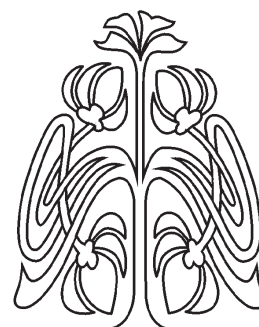
Article

Political responsibility of the “digital generation” as a challenge to the future of Russian politics

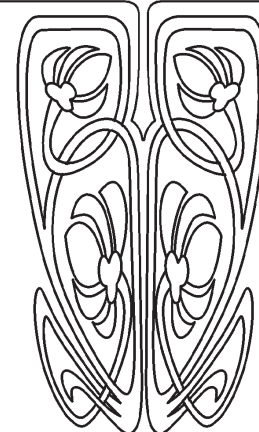
N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

© Шестов Н. И., 2025

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. This publication is devoted to the analysis of one of the reasons why one of the main values of democratic political culture, i.e. the responsibility of a citizen for the state of politics and their place in it, has gradually been losing its significance in the minds of the “digital generation” of young citizens of the Russian Federation over the past decade. The author believes, that the reason is inflated expectations of the subjects of the state policy of digitalization of Russia that mass and widespread introduction of relevant technologies into state and public practices can quickly and effectively solve most organizational and communicative problems in politics, economics and culture, including education. Inflated expectations prevent subjects of digitalization policy from paying attention to the warnings of experts about the risks for political future of Russia that accelerated digitalization creates. The latter creates conditions for a young citizen when (s)he can legitimately replace their activity in real politics and responsibility for the consequences of their actions with activity in the use of digital technologies, for the quality and consequences of which (s)he does not bear direct responsibility. A challenge for the present and future of Russian politics is the high level of readiness of the “digital generation” of young citizens to transmit their rejection of political responsibility from the sphere of digital communications to the sphere of real politics.

Keywords: state youth policy, the future of Russia, digitalization policy

For citation: Shestov N. I. Political responsibility of the “digital generation” as a challenge to the future of Russian politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 187–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-187-194>, EDN: QWFXAZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Российская политика сегодня сталкивается со многими проблемами. Можно даже сказать, вызовами, если принять во внимание их масштаб. Одни вызовы имеют внешний характер. Сегодня это экономические санкции, «отмена» достижений отечественной культуры, военные провокации со стороны ближайших соседей и заморских «партнёров». Эти вызовы опасны. Но опасность компенсируется в значительной мере их очевидностью для участников политических практик. А очевидность, в свою очередь, облегчает выбор способов противодействия им. Обычный ответ на угрозы применения военной силы – это наращивание собственной силы. Ответ на экономические санкции тоже, в принципе, давно найден. Это развитие производства необходимых товаров и услуг на собственной ресурсной и технологической базе. На «отмену» за рубежом достижений российской культуры наши государство и общество сегодня отвечают тоже вполне адекватно – «отменой» тех ценностей, которые принципиально дороги нынешним гонителям всего российского.

Более сложной является ситуация с теми вызовами российской политике, которые зарождаются внутри неё самой. Сегодня одним из таких вызовов (возможно, наиболее значимым, если исходить из его прогнозируемых последствий для настоящей и будущей российской политики) является изменение в представлениях молодых российских граждан о политической ответственности. Ответственности вообще, как ценности современной демократической политики, и личной ответственности в частности.

Далее понятие «политическая ответственность» будет использовано нами в специфическом значении. Это понятие характеризует такое состояние сознания субъекта политики,

которое настраивает его на внимательное отношение ко всему, что в ней происходит, и ещё более внимательное отношение к собственным реакциям на происходящее. То есть к тем своим мыслям, высказываниям и действиям, по которым другие участники политического процесса, включая институты государства и гражданского общества, будут опознавать в нём либо политического союзника, либо оппонента.

Недавнее исследование, проведённое в 43 регионах РФ, показало, например, что только чуть более 50% молодых граждан, активно участвующих в политике и проявляющих лидерские наклонности и карьерные намерения, «понимают свой гражданский долг и ощущают личную ответственность за будущее страны» [1, с. 14]. Другая половина опрошенных, согласно тому же исследованию, предпочитает руководствоваться в политическом участии соображениями личных интереса и выгоды.

Подобную же, не слишком оптимистичную картину рисуют авторы другого исследования, проведённого в том же 2024 г. Они отмечают, что «отзывчивость многих молодых людей ... на призывы антигосударственных сил “спасать демократию” и бороться “за всё хорошее против всего плохого” является ... прямым следствием того, что в глазах учащейся молодёжи ценности гуманитарного знания, наследия политического опыта своих предков теряют своё значение» [2, с. 177–178]. По их мнению, в распространении популярности радикальных политических идей и способов гражданского действия важнейшее значение имеют «эффект толпы», эйфория от соучастия в революционных событиях, «драйв» от собственной «смелости» в борьбе со всем, что вызывает недовольство и неприятие. О возможных реальных последствиях такой радикальной

борьбы, о её конкретных политических целях большинство представителей молодёжи, как показало исследование, всерьёз не задумывается [2, с. 178–179].

«Они, – утверждают авторы, – откликнулись на навязанную им извне информационную повестку, ядро которой составила агрессивная критика отечественного исторического опыта государственной и общественной жизни. В своём гражданском сознании они назначили государство виновным в неспособности и нежелании противопоставить такой критике собственную конструктивную и чёткую позицию и отказали ему в политической поддержке» [2, с. 181–182].

Не менее критичны оценки исследователя А. В. Селезнёвой: «Представления молодежи о долге дифференцированы: она признает за собой долг человека, но отвергает долг гражданина. Молодые люди не готовы брать на себя ответственность за других, а порой, и за себя тоже. Ответственность за обеспечение общественных благ и удовлетворение своих потребностей они возлагают на государство» [3, с. 47].

За этими оценками стоит большая проблема для настоящего и, особенно, будущего российской политики. Суть её в том, что представители поколения, которое исследователи и публицисты нередко именуют «цифровым», не демонстрируют ясного и устойчивого понимания того, за что и почему в жизни общества и государства они обязаны нести персональную и коллективную ответственность по факту обладания статусом, а также правами и обязанностями гражданина Российской Федерации. В нынешней непростой для России внешнеполитической ситуации такое отношение представителей «цифрового поколения» к своему ответственному участию в ней представляет собой реальный вызов российской политике.

Какова природа этого вызова? Прежде, во времена СССР, тоже далеко не всегда и не все молодые люди проявляли политическую ответственность. Большие проблемы с политической ответственностью были в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие века нынешнего у многих представителей «поколения реформ». Исследователи политического участия советской и постсоветской молодёжи обычно объясняли эти отклонения от политико-культурной нормы недостатками в воспитательной работе с молодёжью государственных и общественных институтов, а также естественными трудностями

адаптации молодых людей к последствиям радикальных либеральных политических и экономических реформ.

Такого рода объяснения можно было бы принять и сегодня. Недостатки, если хорошенько поискать, можно обнаружить в самой что ни на есть хорошо поставленной политико-воспитательной работе и на них списать специфическое отношение «цифрового поколения» к участию в российской политике. На кризисные явления в нынешних российских политике и экономике сослаться будет труднее, чем в прежнее время, но при желании тоже можно. Вопрос в том, насколько такие традиционные аргументы будут работающими и достаточными при объяснении нынешней ситуации с недостаточно ответственным отношением молодых российских граждан к политике и своему участию в ней. Потому как, судя по категоричным высказываниям исследователей, цитированных выше, в неответственном отношении молодых людей к политике они склонны видеть уже не частную девиацию их политической культуры, а одну из доминант этой культуры, т. е. некую качественную характеристику мировоззрения «цифрового поколения».

Возможно, у вызова, каким является не слишком сознательное отношение к нынешней и будущей российской политике значительного числа молодых людей, есть ещё одна причина. На неё намекает сама метафора «цифровое поколение»: сообщество людей, изменения в образе жизни и мыслей которых, в сравнении с предшествующими поколениями, явились следствием развития и распространения всевозможных цифровых технологий, вплоть до «искусственного интеллекта».

Нужно, правда, уточнить, что не сами по себе цифровые технологии и их распространение спровоцировали «цифровое поколение» на демонстрацию нежелания отвечать за происходящее в жизни государства и общества. Эти технологии принесли человечеству много пользы, несомненно, принесут ещё при здоровом отношении людей к их употреблению. Они на сегодняшний день уже позволили существенно оптимизировать решение отдельными людьми и целыми государствами многих сложных проблем, включая организацию политических коммуникаций и управления политическими процессами. Условия для этого нежелания долгие годы создавала сама государственная внутренняя политика минувших лет. Государ-

ство доступными ему правовыми, пропагандистскими и административными средствами, при активной поддержке либерально настроенных отечественных исследователей многие годы внедряло в сознание своих граждан представление о себе как источнике всевозможных «услуг», политических в том числе. Гражданин же этими предоставленными государством «услугами» волен воспользоваться либо не воспользоваться, в зависимости от своих интересов к комфортному быту, карьерному росту и налаживанию социальных связей. В такой ситуации естественно, что ответственность за качество «услуги» (в нашем случае – российской политики) гражданин-потребитель не спешит возложить на себя. Ответственность его сознание перекладывает на того, кто «услугу» предоставил, т. е. государство.

Кроме того, не сами по себе вездесущие, но содержательно малопонятные большинству пользователей цифровые технологии стали в последнее десятилетие катализатором особенно активного распространения в «цифровом поколении» нежелания нести ответственность за что-либо в политике. Катализатором стали завышенные ожидания государственных управленцев и значительной части рядовых граждан нашей страны того, что политика ускоренной цифровизации совершит переворот в качестве политики, экономики, культуры, механизмов государственного управления и повседневной жизни рядового гражданина, выведет их на принципиально новый уровень.

Эти завышенные ожидания заявили о себе в публичных дискурсах государственных управленцев самого высокого уровня¹, в стремлении граждан, преимущественно молодых, как можно более расширить свои возможности общения в социальных сетях и особенно в актуализации в коммуникациях между властью и обществом нового идеологического импера-

тива, кратко сформулировать который можно так: «Без цифры нет будущего!» Императива, в сопоставлении с которым традиционные социально-политические ценности теряют свою прежнюю значимость регулятора политического, шире – культурного выбора молодого человека, конкуренцию которому проигрывают и классические политические идеологии. Последние ориентировали гражданина на то, что его политическая субъектность прямо зависит от его сознательности и активности. Новая «цифровая идеология» ориентирует представителя «цифрового поколения» на то, что его политическая субъектность зависит больше от прогресса цифровых технологий и его способности воспользоваться ими в самых разных жизненных ситуациях, включая политическое участие. Легитимации нынешней государственной политики ускоренной цифровизации России такая идеология содействует. В какой мере последствия её укоренения в российской политике содействуют ответственному отношению молодых людей к своему политическому участию – это вопрос.

Отечественная наука своими аргументами тоже, заметим, помогает распространению таких завышенных ожиданий [4–7]. Специалисты, опираясь на зарубежные теории «информационного общества» и отечественную статистику использования молодыми людьми новых технологий коммуникации, усматривают прямую зависимость политической активности молодых граждан и успешного будущего всей российской политики от технологического обеспечения и меры вовлечённости этих граждан в разного рода цифровые коммуникации друг с другом и с государственными учреждениями, от их возможностей использования передовых цифровых технологий.

Внимание нынешних исследователей и организаторов молодёжной политики, сосредоточившихся на популяризации плюсов процесса цифровизации России и на доказательстве выгод активного участия молодых людей в этом процессе, как-то мало привлекают предостережения. Например, со стороны политологов и социологов, анализирующих социально-политические, социально-экономические и правовые риски ускоренного распространения «цифры» на самые разные области частной и общественной жизни молодого российского гражданина. Итогом такого анализа являются рекомендации соизмерять выгоды от распространения техно-

¹ Мишустин назвал цифровизацию приоритетом председательства России в СНГ. URL: <https://ria.ru/20241212/mishustin-1988795775.html> (дата обращения: 05.02.2025); Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о реализации инициатив социально-экономического развития: цифровая трансформация и строительство. 6 февраля 2024. URL: <http://government.ru/news/50789/> (дата обращения: 05.02.2025); Шадаев назвал главные тренды цифровизации в России до 2030 года. 26.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231026/shadaev-1905333357.html> (дата обращения: 05.02.2025); Фальков: трансформация образования позволит развить IT-инженерию и инженерию живых систем. 19 октября 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16095141> (дата обращения: 05.02.2025).

логических новаций с социальными рисками, смотреть на ситуацию в этой сфере российской внутренней политики прагматичней и критичней [8–12]. Тем более, мало кого из апологетов «цифры» трогает озабоченность педагогического сообщества страны, отмечающего такой риск управленческих государственных решений в образовательной сфере, как «переоценивание роли цифровизации жизни (в частности, цифровизации сферы образования), вызывающее ложные завышенные ожидания от данного процесса»².

Видятся две, как минимум, причины, по которым сегодня в российских власти и обществе охотнее прислушиваются к мнению специалистов, призывающих думать, в первую очередь, о благах цифровизации, а не к тем, кто призывает проявить в данном вопросе разумную осторожность.

Во-первых, это глобальных масштабов ажиотаж, который в последний десяток лет заметно нарастает на рынке цифровых продуктов и услуг. Особенно в том сегменте этого рынка, который сегодня захватывают создатели технологий искусственного интеллекта. Последние начинают существенным образом влиять на другие сегменты этого рынка [13]. Ажиотаж подогревает у агентов рынка, а за ними и политиков, и рядовых граждан, болеющих душой за Отечество, опасения не успеть, образно выражаясь, вскочить на подножку уходящего вагона. Ажиотаж никогда не был благоприятным условием для критической оценки плюсов и минусов сложившейся ситуации.

Во-вторых, цифровизация представляет собой ресурсозатратный процесс. Это в том числе значительная нагрузка на государственный бюджет, особенно когда речь идёт о сферах образования, медицины, а также о разных направлениях молодёжной политики. Эти затраты нуждаются в оправдании. Популяризация достижений политики цифровизации оправдывает в глазах её субъектов всевозможные ресурсозатраты, особенно, когда этому не сопутствует критический анализ вероятных социально-политических и управленческих издержек и рисков.

Рассуждать о достоинствах политики цифровизации и игнорировать при этом проблему её неоднозначных последствий организаторам и исследователям этой политики помогает ещё одно обстоятельство. В России успешно работают и наверняка ещё долго будут работать традиционные социальные механизмы конструирования представлений молодого гражданина о своей политической ответственности. Российские семья, школа, вуз, трудовой коллектив и т.д. воспроизводят в сознании молодых граждан традиционную для мира демократий мифологию политической ответственности гражданина. Согласно ей реальные политические события первичны, тогда как информация о них вторична, представляет собой лишь бесконечный ряд субъективных, а потому *a priori* мало достоверных интерпретаций. Чтобы составить для себя верное представление о политике, гражданин должен непосредственно и активно поучаствовать в политических событиях и составить собственное представление о том, что «на самом деле» произошло и каковы для него и его страны будут последствия произошедшего. Его конечный политический выбор должен основываться на осмысленном отношении к фактам, т. е. к тому, объяснение чему человек смог найти, исходя из собственных наблюдений за политической жизнью.

На этой традиционной мифологии политической ответственности гражданина основывались и его личный политический выбор, и оценка состоятельности этого выбора другими участниками политического процесса. От советской эпохи до нашего времени главным признаком политически ответственного поведения гражданина остаётся (в этом пункте совпадают идеологические позиции коммунистов и либералов) его активное участие в реально происходящих политических событиях. Политическое неучастие есть проявление гражданином «политического абсентеизма», есть вредное для его политической субъектности отклонение от общепринятой в демократической политике нормы политической ответственности. В постсоветское время эта традиционная мифология политической ответственности стала отправным пунктом для продолжительной дискуссии отечественных обществоведов и государствоведов по поводу наличия либо отсутствия в постсоветской России настоящего (в либерально-демократическом смысле) гражданского общества, по поводу возможности

² Переговорная площадка по обсуждению Стратегии развития образования на период до 2036 года с перспективой до 2040 года. Подвызовы, предложенные экспертным сообществом Саратовской области. Вызов 5. Цифровой скачок и масштабная цифровизация жизни. URL: <https://soiro64.ru/wp-content/uploads/2025/01/materialy-obsuzhdenija-proekta-strategii.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).

такое создать усилиями самих граждан либо их усилиями совместно с государством [14, 15].

Тем не менее политический опыт других стран показывает, что надежды на компенсирующую роль традиционных механизмов формирования у молодого поколения сознания своей политической ответственности могут себя не оправдать. Перемены в представлениях субъектов российской политики о политической ответственности являются лишь частным случаем глобального тренда. Та же перемена в императивах политической культуры «цифрового поколения» обнаружила себя в многочисленных «цветных» революциях и других массовых протестных движениях против легитимных структур государственного управления. Она заявила о себе приходом к власти в Старом и Новом Свете и при активной поддержке со стороны гражданских обществ элит, для которых «интересы природы» абсолютны, а интересы человека относительны, для которых некие «правила», в качестве основы внутренней и внешней политики, превыше национально-государственных интересов, традиций и правовых норм. Резкая, но вполне справедливая оценка их новой стратегии политического участия звучит так: «Перед нами элита статуса, а не персонального достоинства. Она формальна и далека от идеала самой идеи ЭЛИТЫ. Поэтому к ней допустимы такие приставки, как “псевдо”, “анти” и “квази”. Сами по себе такие прибавления автоматически заносят этих объектов высокой политики в разряд карнавальная культуры, низводя их профессиональный авторитет до самого примитивного уровня. Именно с этим примитивным уровнем мы и имеем дело, когда произносим словосочетания “современная политическая элита”» [16, с. 88].

Российские наблюдатели часто с удивлением констатируют факт политической безответственности властных элит на Западе. Предаются ностальгическим воспоминаниям о временах Генри Киссинджера, Ричарда Никсона, Гельмута Коля, которые Россию тоже не сильно любили, но слово, данное политическому оппоненту, держали. А потому с ними можно было вести политические дискуссии любой сложности и надеяться на конструктивный результат. Вдруг, сокрушаются отечественные политические аналитики, вся эта ответственность западных элит, личная и корпоративная, испарилась буквально в течение пары десятков лет. Хуже того, к власти эта новая генерация элит пришла

вполне демократическим путём. Это означает, что значительному числу рядовых граждан из того же «цифрового» поколения свойственен тот же способ мышления и такое же пренебрежение политической ответственностью.

Можно и дальше смягчать оценки рисков для будущего российской политики, происхождением своим обязанные тому, что уже сегодня определяющую роль в ответственном политическом выборе многих молодых людей играют цифровые «кальки» политических событий, гуляющие по просторам Интернета. Те, которые лавинообразно рождаются и живут в информационном пространстве относительно самостоятельной жизнью как раз благодаря широкому применению и массовой востребованности цифровых технологий, а теперь ещё и технологий, выходящих на уровень искусственного интеллекта. Сам политический процесс стал играть в формировании гражданской позиции молодого человека роль меньшую, чем его отражение в коммуникациях, обеспечиваемых цифровыми технологиями.

Но нельзя не замечать, что процесс изменений в основах политической культуры уже выходит за границы активности «цифрового поколения». Свойственное этому поколению отношение к политической ответственности универсализируется, становится свойством российской политической культуры вообще. Упомянутый процесс распространяется на сферу государственного управления, на политический процесс. Информационные кальки управленческих решений (приказы и отчёты) стали более достоверным свидетельством реальности проделанной работы, чем сама реально проделанная работа. Политические фейки тоже, заметим, не случайно получили широкое распространение и приобрели такое влияние на умы нового поколения участников политики во всём мире и в нашей стране. Их создатели и распространители паразитируют на потребности этого поколения постоянно сверять понимание происходящего в политике с его цифровым следом и на этой сверке больше, чем на собственном опыте и рациональных доводах, основывать политический выбор. Обратная сторона такого «следопытства» – это озабоченность участников политики не столько её реальным состоянием, сколько состоянием её цифровой «кальки». Формула «Не запостил – значит, не было!» для сознания «цифрового поколения» это уже не парадокс. Это, скорее, аксиома, маркер специфического

способа мышления, для которого свойственно сомнение в реальности того, что скупое или совсем не отражается в «зеркале» массовых коммуникаций с применением цифровых технологий. А это уже такой вызов нынешней и будущей российской политике, игнорировать который и не думать о способах ответить на который неразумно и в нынешних геополитических условиях просто опасно.

Всякие исторические аналогии условны, но в нынешнем увлечении возможностями цифровых технологий есть нечто от веры наших предков в магическую силу «философского камня». В существование, иначе говоря, универсального средства разом сделать мир людей и человеческих отношений таким, каким он нам видится в идеале. С искателями «философского камня» нынешних апологетов ускоренной цифровизации роднит уверенность, что в их руках находятся технологии, позволяющие одни проблемы личности, общества и государства успешно решить, а появление на их месте новых проблем, возможно, не менее сложных, исключить.

Такое представление игнорирует логику движения политического процесса и вообще развития социальных структур и социальных практик. Развитие имеет место как раз потому, что люди, успешно решив одни свои проблемы, в итоге сталкиваются с последствиями таких решений. А последствием, как правило, является спектр новых проблем и необходимость искать и находить для них новые решения. Иной раз новые проблемы возникают там, где их никто не ждал. Казалось бы, замечательной технологической находкой стало в своё время европейское книгопечатание. Современники увидели в нём способ раз и навсегда решить проблему сбоев в коммуникациях между человеком и церковью, раз и навсегда избавиться от разночтений в Священном Писании, а значит, от естественных предпосылок для ересей и церковных расколов. От разночтений избавились, но создали благоприятные условия для того, чтобы значительно расширился круг читающих и по-своему толкующих прочитанное, уверенных в правильности своего понимания прочитанного. Новой проблемой стали Реформация и полуторавековые религиозные войны в Старом Свете. Сходным образом нынешние попытки оптимизировать при помощи новейших технологий массовые коммуникации и доступ для людей к разнообразной информации тоже породили инфор-

мационные войны уже в глобальном масштабе. И, судя по успехам технологий искусственного интеллекта, в ближайшей перспективе угасания такого рода конфликтов не предвидится.

Список литературы

1. *Коряковцева О. А.* Общероссийская ценностная система и воспитание гражданина // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). С. 5–18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5>, EDN: VJEXTB
2. *Вилков А. А., Шестов Н. И., Казаков А. А., Труханов В. А., Семенова В. Г., Богданов А. В.* Идеиноценностные основы политической культуры провинциальной молодежи / под ред. А. А. Казакова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2024. 184 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04859-6>, EDN: HDAHFT
3. *Селезнева А. В.* Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47–60. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>, EDN: NQWIWW
4. *Гришаева С. А., Шамаев П. А.* Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022 Т. 5, № 1 С. 25–35. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
5. *Насырова Р. А. Родионова М. Е.* Формирование политической культуры российской молодежи в цифровом пространстве // Научные исследования и инновации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 22 мая 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Емельянов. М. : КДУ ; Добросвет, 2021. С. 239–256. EDN: DDVWRI
6. *Хорошавина О. Н.* Влияние цифрового медиапространства на политическую активность молодежи // Молодой ученый. 2024. № 52 (551). С. 184–187. URL: <https://moluch.ru/archive/551/121284/> (дата обращения: 03.02.2025).
7. *Баранов Н. А.* Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>, EDN: CTZZVT
8. *Алексеева Н.* «Нужен аудит систем ИИ»: IT-специалист – о проблемах и выгодах внедрения технологий искусственного интеллекта. 30 декабря 2021. URL: <https://ru.rt.com/k8jd> (дата обращения: 03.01.2025).
9. *Халин В. Г., Чернова Г. В., Калайда С. А.* Риски цифровизации и управление ими // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). С. 67–85. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-3-67-85>, EDN: HDEGQB
10. *Криштаносов В. Б., Бровко Н. А.* Концептуально-аналитические подходы к возникновению потенциальных угроз в цифровой экономике //

- AlterEconomics. 2023. Т. 20, № 1. 216–245. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.11>
11. *Зубарев С. М.* Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–32. <https://doi.org/10.17803/19941471.2020.115.6.023-032>
 12. *Кунервар Е. А., Мамай Е. В., Мизя М. С., Кунервар Е. А.* Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 10. С. 2223–2242. <https://doi.org/10.18334/ce.14.10.110882>, EDN: LVVVVH
 13. *Селезнёва А.* Рынок криптовалют обрушился на 240 млрд долларов за сутки. URL: <https://finance.mail.ru/2025-02-03/rynok-kriptoalyuty-obrushilsya-na-240-mlrd-dollarov-za-sutki-64708865/> (дата обращения: 03.02.2025).
 14. *Орлова В. А.* Особенности становления гражданского общества в России // PolitBook. 2012. № 2. С. 62–76. EDN: PWKLDN
 15. *Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А.* Институционализация правовых признаков гражданского общества в современной России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2, № 8. С. 353–363. EDN: QLVQLQ
 16. *Карабущенко П. Л.* Карнавальная политическая культура современных элит: хроники новейшего политического цирка (проблема когнитивной безопасности) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 83–90. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_83, EDN: ТКАОСХ

Поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–201

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 195–201

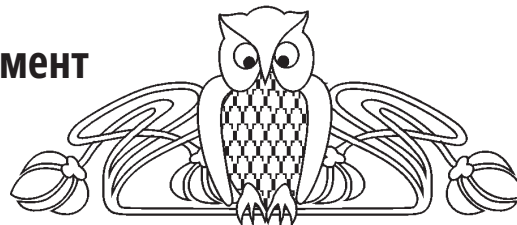
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-195-201>, EDN: TTKKLN

Научная статья

УДК 32.019.51

Дипфейк как инновационный инструмент политического манипулирования в начале XXI века

К. В. Старостенко, А. С. Коновалов

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Россия, 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной политологии, pilotskv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1850-8606>, AuthorID: 647263

Коновалов Андрей Сергеевич, аспирант кафедры общей и прикладной политологии, andrei070199@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5219-7982>, AuthorID: 1264608

Аннотация. Статья посвящена анализу такого феномена, как дипфейк, в контексте его применения в политической сфере с точки зрения манипуляции обществом. В первую очередь, авторы раскрывают сущность явления дезинформации, проводя краткую историческую ретроспективу, затем дают определение понятию «дипфейк» и объясняют принцип работы данной технологии как с технической, так и с когнитивной точек зрения. В ходе анализа некоторых наглядных кейсов, предлагаются наиболее доступные на сегодняшний день для среднестатистического пользователя способы обнаружения дипфейков. В конечном итоге делается вывод о том, что из-за стремительного технического прогресса и, как следствие, увеличения сгенерированного контента перспектива информационного пространства видится весьма удручающей. Это связано с тем, что искусственно созданный материал с каждым днём становится всё неотличимее от подлинного, и в обозримом будущем человек неизбежно столкнётся с невозможностью обнаружения подделки без специальных технических средств, что может в корне подорвать доверие граждан даже к официальным новостным источникам.

Ключевые слова: политика, дипфейк, искусственный интеллект, нейросеть, информация, дезинформация, пропаганда

Для цитирования: Старостенко К. В., Коновалов А. С. Дипфейк как инновационный инструмент политического манипулирования в начале XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–201. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-195-201>, EDN: TTKKLN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Deepfake as an innovative tool of political manipulation in the early XXI century

К. В. Starostenko, A. S. Konovalov

Orel State University named after I. S. Turgenev, 95 Komsomolskaya St., Orel 302026, Russia

Konstantin V. Starostenko, pilotskv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1850-8606>, AuthorID: 647263

Andrey S. Konovalov, andrei070199@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5219-7982>, AuthorID: 1264608

Abstract. The article is devoted to the analysis of such phenomenon as deepfake in the context of its application in the political sphere from the point of view of manipulation of society. First of all, the authors reveal the essence of the phenomenon of disinformation by conducting a brief historical retrospective. Then they define the concept of “deepfake” and explain how this technology works from both technical and cognitive points of view. In the course of analyzing some illustrative cases, they propose the most affordable ways for the average user to detect deepfakes today. In the end, they conclude that due to the rapid technical progress and the resulting increase in generated content, the outlook for the information space is quite bleak. This is due to the fact that every day artificially created material becomes more and more indistinguishable from the genuine, and in the foreseeable future, a person will inevitably face the impossibility of detecting the fake without special technical means, which can fundamentally undermine the trust of citizens even to official news sources.

Keywords: politics, deepfake, artificial intelligence, neural network, information, disinformation, propaganda

For citation: Starostenko K. V., Konovalov A. S. Deepfake as an innovative tool of political manipulation in the early XXI century. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 195–201 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-195-201>, EDN: TTKKLN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Информация всегда была важнейшим фактором, оказывающим непосредственное влияние на социальные, экономические и, что самое главное, политические процессы. Однако в нынешнюю цифровую эпоху, когда одним из приоритетнейших научных направлений является исследование искусственного интеллекта и, как следствие, технологий глубокого обучения, появились новые способы создания и распространения ложных сообщений. Особое место среди них занимают дипфейки. Но прежде чем перейти к исследованию этого феномена, необходимо обратиться к истории, дабы прояснить сущность такого явления, как дезинформация.

Дезинформация представляет собой сознательное и преднамеренное распространение фальшивой или искажённой информации с целью ввести аудиторию в заблуждение и манипулировать её восприятием. В отличие от случайных ошибок или недостоверных данных, дезинформация всегда предполагает определённую цель – будь то политическое влияние, социальная дестабилизация или извлечение экономической выгоды. История этого явления уходит корнями в глубь веков, и самым известным по сей день произведением, посвящённым военной стратегии, безусловно, остаётся трактат «Искусство войны» (V в. до н.э.), где обман рассматривается как один из ключевых инструментов достижения победы. Тем не менее приёмы дезинформации использовались ещё задолго до этого; в своей работе Сунь-цзы лишь систематизировал и углубил уже существующие военные практики, такие как, например, фальшивые отступления или искажение данных о численности войск и их местоположении [1].

Продолжая историческую ретроспективу, стоит отметить, что Средневековье и Ренессанс также ознаменовались активным использованием и усовершенствованием методов дезинформации, в значительной степени благодаря религиозным институтам. В то время церковь обладала монополией на знания, что позволяло ей контролировать распространение различного рода сведений и ограничивать доступ к альтернативным взглядам. В политической же сфере широко применялись слухи и интриги, направленные на дискредитацию оппонентов и укрепление власти. В эпоху Просвещения, с развитием печатных изданий, методы стали ещё более разнообразными; так, сатирические памфлеты и панегирики служили в качестве усиления манипуляции общественным мнением.

Эпоха мировых войн наглядно продемонстрировала, какую важную роль может играть информация в руках крупных политических акторов. В этот период как отдельные государства, так и целые блоки государств активно использовали дезинформацию в контексте пропаганды для поддержания морального духа населения, деморализации врага, а также для создания ложных представлений о событиях, направляя общественное мнение в нужное русло. Так, например, в годы Второй мировой войны плакаты, радиопередачи и кинофильмы стали ключевыми средствами донесения официальной позиции правительства до народа. Холодная война, с её глобальным противостоянием Востока и Запада, охарактеризовалась ещё более мощной информационной конфронтацией, в ходе которой операции по дезинформации стали неотъемлемой частью политической стратегии великих держав. В свою очередь, радио и телевидение, ставшие массово доступными, позволили этим операциям выйти на качественно новый уровень взаимодействия с аудиторией и достичь невиданного ранее эффекта.

Анализируя в этом направлении специфику начала нового тысячелетия, можно отметить, что современные методы манипуляции благодаря наличию глобальной сети Интернет характеризуются широкомасштабным и скоростным распространением различного контента, а также трудностями его контроля из-за высокой степени анонимности источников в условиях децентрализованных информационных потоков. В этой связи одним из наиболее значимых инструментов современной дезинформации являются дипфейки. Этот термин происходит от английского «deepfake», что представляет собой сочетание слов «deep» (глубокий) и «fake» (подделка). Сама этимология слова указывает на его происхождение вследствие широкого распространения технологий глубокого обучения, которые используются для создания поддельного, но чрезвычайно реалистичного контента.

Таким образом, дипфейки можно определить как синтетические медиапродукты, создаваемые с использованием технологий искусственного интеллекта, в частности глубокого обучения, которые позволяют генерировать объекты в формате текста, изображения, аудио и видео. Этот феномен приобрел широкую популярность именно благодаря своей высокой степени правдоподобности, настолько высокой, что даже самые опытные специалисты порой не

способны верифицировать его должным образом. Это связано с тем, что основой для создания дипфейков служат нейронные сети¹, которые, в свою очередь, обеспечивают возможность детального анализа поведенческих особенностей реальных людей, что позволяет создавать материал, вполне достоверный с точки зрения восприятия целевой аудиторией. Стоит обратить внимание, что данный процесс осуществляется благодаря генеративно-состязательным сетям (GAN), представляющим собой инновационную архитектуру, организованную вокруг взаимодействия двух основных компонентов: генератора и дискриминатора. Генератор отвечает за создание поддельных объектов, максимально приближенных к действительным, тогда как дискриминатор оценивает их подлинность [2]. Процесс такого конкурентного обучения напоминает механизм эволюции, где посредством многочисленных итераций генерируемый контент приобретает всё большую степень совершенства.

В этой связи довольно существенным аспектом повышения реалистичности дипфейков являются так называемые автоэнкодеры [3] и технологии синтеза речи [4], которые помогают в процессе производства мультимедийных объектов высокой степени визуальной и аудиальной детализации. Автоэнкодер – это вид нейронной сети, используемый для обучения эффективному кодированию и декодированию данных; основная его цель заключается в представлении данных в наиболее компактной форме без существенной потери информации. Это достигается путём обучения сети на задаче восстановления входных данных из их сжатого представления, минимизируя разницу между оригиналом и реконструкцией. Синтез речи, в свою очередь, позволяет моделям воспроизводить голосовые данные, передавая такие тонкие нюансы, как интонация, ритм и тембр голоса. В комбинации с GAN синтез речи ещё больше усиливает эффект реалистичности, позволяя использовать конечный продукт в медиапространстве для имитации публичных выступлений, интервью и даже личных сообщений, что в результате приводит к возможности конструирования полноценных сцен и контекстов, которых в действительности не существовало.

¹ Нейронная сеть – это модель, основанная на принципах работы человеческого мозга. В отличие от более широкого понятия искусственного интеллекта (ИИ), включающего различные методы и подходы, нейронная сеть представляет собой структуру взаимосвязанных искусственных нейронов, способных обучаться на основе входных данных.

Как того и следовало ожидать, неизбежно на определённом этапе научно-технического прогресса технология создания дипфейков стала доступна практически любому человеку, имеющему в своём распоряжении Интернет. Безусловно, это стало осуществимо благодаря открытым библиотекам, таким как TensorFlow и PyTorch, а также специализированным приложениям и платформам, которые упростили создание сложных моделей даже для пользователей без профессиональных навыков программирования. Массовое распространение приложений для смартфонов также в значительной мере способствовало повышению внимания к синтетическому контенту, серьёзно расширив круг потенциальных интересантов данной технологии. Этот процесс привёл к тому, что феномен, прежде считавшийся сугубо научным достижением, стал явным фактором риска для информационной безопасности, обостряя социокультурные и политические угрозы за счёт манипуляций общественным мнением и дестабилизации устоявшихся структур.

Здесь важно отметить, это связано ещё и с тем, что дипфейки эксплуатируют когнитивные слабости человека и играют на особенностях его восприятия, именно поэтому одним из центральных механизмов воздействия на индивида является эмоциональная суггестия (дипфейк зачастую содержит шокирующий или провокационный контент, вызывающий сильные эмоции, такие как страх, гнев или ненависть). Такой приём усиливает эффект погружения и повышает вероятность того, что зритель примет сфальсифицированный материал за подлинный. Это происходит потому, что у людей, находящихся под воздействием сильных переживаний, способность критически анализировать полученную информацию резко снижается, что делает их более восприимчивыми к манипуляциям [5]. В политическом контексте это может привести к кардинальному изменению общественного мнения по отношению к определённым личностям, институтам или событиям, открывая возможности для целенаправленного влияния, к примеру, на электоральные процессы, законодательные инициативы или даже на внешнеполитический курс.

В этом контексте нельзя обойти стороной ещё один важнейший фактор воздействия на аудиторию, коим выступают социальные сети с их масштабом и скоростью распространения контента. Современные международные платформы предоставляют практически идеальные

условия для оперативного обмена информацией, позволяя дипфейкам мгновенно охватывать миллионы пользователей. Вирусный эффект, характерный для соцсетей, способствует достаточно стремительному распространению поддельного контента, особенно если он вызывает сильную эмоциональную реакцию. В свою очередь, использование автоматизированных ботов и псевдоаккаунтов² для его массового тиражирования в комментариях также помогает увеличить зону охвата, создавая при этом иллюзию популярности, а вместе с тем достоверности. В результате фальшивые материалы, которые в иных условиях могли бы быть легко нейтрализованы, получают доступ к широким массам до того, как появится авторитетное опровержение. Это создаёт серьёзные препятствия для своевременного противодействия политической дезинформации и приводит к тому, что ложные факты продолжают оказывать влияние на общественное мнение даже после их разоблачения.

Пожалуй, основная сложность раскрытия дипфейков возникает по большей части из-за эффекта первичного восприятия, согласно которому первая полученная информация запоминается лучше и оказывает большее воздействие на реципиента, затрудняя последующее исправление убеждений, сформированных в ходе манипуляции [6]. Даже после предоставления доказательств подделки многие люди продолжают верить в увиденное – это связано с когнитивной предвзятостью и нежеланием пересматривать уже сложившееся мнение. Кроме того, опровержения, как правило, получают меньше внимания и реже вызывают эмоциональный отклик, чем сам дипфейк. Этот фактор особенно важен в контексте политической дезинформации, где даже кратковременное влияние фальшивой информации может иметь долгосрочные последствия. Так, должно быть, самым ярким примером, вызвавшим широкий резонанс, является скандальное видео с Б. Обамой, опубликованное в 2018 г., в котором экс-президент США якобы произносит речь, содержащую оскорбительные высказывания в адрес Д. Трампа; однако на самом деле материал был создан с применением искусственного интеллекта режиссёром Дж. Пилом совместно с изданием BuzzFeed [7]. Этот прецедент наглядно показал, насколько правдоподобным может быть синтетический

контент и какие репутационные угрозы он несёт для политических лидеров, особенно в условиях, когда общество в значительной мере полагается на визуальные источники.

К слову, вмешательство в политические выборы стало, пожалуй, одной из основных сфер применения дипфейков в политике. Так, в 2020 г. в Индии во время выборов в Дели лидер оппозиционной партии М. Тивари использовал эту технологию для создания видеообращений на диалекте харьяни, которым он не владеет, с целью привлечения голосов рабочих-мигрантов. Этот случай вызвал широкий общественный и экспертный резонанс, вследствие чего возникли опасения, что такие технологии могут значительно подорвать доверие граждан к самой процедуре выборов³. Однако любая медаль имеет две стороны, и реверсивная ситуация произошла в Габоне, где в 2019 г. распространилось видео с президентом Али Бонго Ондимбой, который долгое время не появлялся на публике из-за лечения. Многие заподозрили, что это видео является дипфейком, что вызвало массовые протесты и попытку государственного переворота. Хотя позже было подтверждено, что видео подлинное, таким образом, первоначальное недоверие и распространение ложной информации привели к серьёзной политической нестабильности в стране⁴.

Не менее значимым является использование дипфейков в контексте международного мошенничества. Показательный случай произошёл в 2020 г., когда злоумышленники с помощью аудио-дипфейка, имитирующего голос генерального директора немецкой компании, обманом по телефону заставили руководителя британского филиала перевести 220 000 евро на поддельный счет [8]. Этот инцидент наглядно продемонстрировал весь потенциал таких искусственных, но достаточно реалистичных, голосовых записей, которые, выходя за рамки финансовых махинаций, в полной мере могут быть использованы не просто в корыстных, но уже в геополитических целях.

³ Индийский политик записал предвыборное видео сразу на трех языках. Нет, он не полиглот, просто ему помог искусственный интеллект // RTVI. 2020. URL: <https://rtvi.com/news/neural-elections-india/> (дата обращения: 24.11.2024) ; Дипфейки: дезинформация или шаг в будущее? // РБК Тренды. 2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/605dd6979a7947afba6587a7> (дата обращения: 24.11.2024).

⁴ Историк рассказал о возможности дипфейков спровоцировать госпереворот // Известия. URL: <https://iz.ru/1684196/2024-04-18/istorik-rasskazal-o-vozmozhnosti-dipfeikov-sprovotirovat-gosperevorot> (дата обращения: 24.11.2024).

² Псевдоаккаунт — это фальшивая учётная запись, созданная в социальной сети или на онлайн-платформе с целью выдачи себя за другого человека, организации либо для сокрытия реальной личности пользователя.

Стоит отметить, что специальная военная операция на Украине вывела технологии манипуляции с помощью дипфейков в совершенно новое русло. Так, в марте 2022 г. в интернете распространилось поддельное видео, на котором президент В. А. Зеленский якобы призывает украинских военных сложить оружие и сдаться⁵ [9]. Это видео было впоследствии разоблачено, однако в первые часы после распространения могло серьёзно подорвать моральный дух среди определённых слоёв украинской армии и населения. В свою очередь, украинские хакеры 5 июня 2023 г. распространили дипфейк от лица Президента России В. В. Путина, где он якобы сообщал по радио и некоторым соцсетям о введении военного положения и о всеобщей мобилизации [10].

В контексте международных провокаций дипфейки также были задействованы и против США. В мае 2023 г. в социальных сетях появилась поддельная фотография, изображающая взрыв на территории Пентагона. Это изображе-

ние, созданное с помощью искусственного интеллекта, было опубликовано в ряде популярных источников [11], вследствие чего новость привела к кратковременному снижению рыночных показателей: индекс S&P 500 упал на 30 пунктов, а Dow Jones Industrial Average – на 50 пунктов⁶.

Приведённые выше примеры подчёркивают существенную значимость дипфейков как инструмента информационного воздействия с широким спектром применения. Технологическая изощрённость инициаторов контента позволяет создавать материал, способный вызвать серьёзные политические, социальные и экономические последствия. Ввиду этого в условиях растущего числа инцидентов, связанных с дипфейками, становится очевидной необходимость разработки определённых мер по их выявлению и предотвращению. Ниже нами систематизированы и предложены наиболее доступные на сегодняшний день для среднестатистического пользователя способы обнаружения дипфейков (таблица).

Раскроем это наиболее подробно.

⁵ Неизвестные опубликовали дипфейк Зеленского с призывом «сложить оружие» // ForkLog. 2022. URL: <https://forklog.com/news/ai/neizvestnye-opublikovali-dipfejk-zelenskogo-s-prizyvom-slozhit-oruzhie> (дата обращения: 24.11.2024).

⁶ Сгенерированное ИИ фото атаки на Пентагон обрушило финансовые рынки // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-05-23_sgenerirovannoe_ii_izobrazhenie (дата обращения: 24.11.2024).

Методика анализа материалов на предмет наличия дипфейков

Раздел методики	Ключевые технические аспекты анализа	Техники маскировки дипфейков создателем
1. Анализ текстовых материалов	Лексический и синтаксический анализ Анализ частотности слов и фраз Оценка логической связанности и последовательности	Интеграция сгенерированных данных с реальными Парафразирование
2. Анализ визуальных материалов	Анализ теней и бликов Проверка движений и микроэкспрессий Выявление несоответствий между фоном и передним планом	Легкое размытие Намеренное снижение разрешения и/или качества
3. Анализ аудиоматериалов	Анализ интонации, модуляции и монотонности Проверка на наличие и естественность фоновых шумов	Сглаживание интонаций Добавление искусственного фона Намеренное снижение качества
4. Анализ метаданных и цифровых характеристик	Проверка цифровых водяных знаков Анализ временных меток для выявления аномалий и редактирования	Изменение или удаление метаданных
5. Анализ с применением специализированного программного обеспечения	Использование готового программного обеспечения Использование настраиваемого программного обеспечения	Использование настраиваемого программного обеспечения против детекторов Микроподделки для усложнения детекции
6. Верификация и тестирование материала на подлинность	Фактчекинг и кросс-проверка с независимыми источниками Проверка логики и последовательности	Размещение на платформах с минимальной модерацией Создание ложных отзывов и комментариев для подтверждения правдоподобия

1. Анализ текстовых материалов

Для обнаружения синтетически созданных текстовых материалов применяется лексический и синтаксический анализ на предмет особенностей, характерных для автоматической генерации, таких как повторяющиеся шаблоны или некорректное построение предложений; а также статистический анализ частотности слов и фраз на предмет отклонения от нормы в виде чрезмерного использования определённых конструкций. Важно также оценивать логическую связанность и последовательность аргументации, поскольку тексты, созданные ИИ, могут страдать от несогласованности.

Для маскировки данного вида дипфейков создатели прибегают к интеграции сгенерированных данных с реальными, что затрудняет их обнаружение. Наряду с этим зачастую применяется парафразирование, дабы изменить формулировки и скрыть признаки искусственного происхождения текста.

2. Анализ визуальных материалов

Для анализа визуальных материалов (изображения и видео) большое внимание стоит уделять теням и бликам, поскольку искусственные модели, как правило, испытывают трудности с их корректной реализацией (например, тень неправильно направлена или отсутствует вовсе; блики не соответствуют источнику освещения и явно выделяются). Проверка движений и микроэкспрессий лица также позволяет распознать подделку, так как дипфейки часто не способны точно воспроизводить рефлекторные движения (моргание, малейшие изменения в мимике). Несоответствие между фоном и передним планом является важным индикатором, выдающим истинное происхождение контента (движение на заднем плане может не совпадать с передним, особенно при изменении угла камеры).

Чтобы уменьшить вероятность обнаружения этих артефактов, создатели намеренно снижают разрешение и/или качество, а также пользуются дополнительными фильтрами, оставляя лёгкое размытие.

3. Анализ аудиоматериалов

Анализ аудиоматериалов включает исследование интонации, модуляции и монотонности речи. Синтетически созданные голоса звучат подчас более монотонно, и им сложнее передать эмоциональные оттенки, что позволяет человеческому уху выявить подделку. Проверка на наличие и естественность фоновых шумов также важна, поскольку в реальных записях шумы

часто присутствуют, а в дипфейках их либо нет, либо они добавлены искусственно, поэтому могут звучать не совсем естественно.

Однако здесь следует быть предельно аккуратными, ибо если речь идёт о видеозаписи, мы имеем право сопоставить два канала информации (аудиальный и визуальный), но в случае анализа только аудиосообщения ситуация значительно усложняется в силу того, что создатели могут использовать сглаживание для маскировки интонирования и добавлять шумы, что вкупе с намеренным снижением качества материала значительно усложняет процесс детекции, делая его практически неосуществимым без применения специальных средств (см. далее).

4. Анализ метаданных и цифровых характеристик

Углубленный анализ этой информации может способствовать выявлению различного рода несоответствий, например отсутствия или изменения цифровых водяных знаков; здесь также стоит обратить внимание на временные метки, анализ которых помогает выяснить, были ли изменения в файле.

Однако это может сработать только в том случае, если создатели, в целях сокрытия процесса редактирования, не прибегли к манипуляциям с метаданными или полностью не удалили нежелательные сведения.

5. Анализ с применением специализированного программного обеспечения

Упростить процесс детекции дипфейков помогают как готовые специализированные программы на основе искусственного интеллекта (Deepware Scanner, Sensity AI и т.д.), так и настраиваемые (ResNet, EfficientNet и т.д.). Готовые, очевидно, проще в использовании, но могут не обладать достаточной гибкостью для решения специфических задач, в то время как настраиваемые позволяют адаптировать модели для более точного анализа, однако требуют определённых технических навыков.

В ответ на это создатели дипфейков применяют уже свои специализированные программы, заточенные для обхода детекторов. Также в их арсенале широко задействованы так называемые микроподделки, затрудняющие обучение нейросетей.

6. Верификация и тестирование материала на подлинность

Финальным этапом любого процесса детекции является верификация и тестирование материала на подлинность. Этот пункт включает

в себя фактчекинг и кросс-проверку, иными словами, сопоставление предоставленного контента с независимыми источниками. Наряду с этим важно также обращать внимание на логическую связанность материала с текущей ситуацией.

В данном случае в качестве маскировки дипфейков могут выступать ложные отзывы и комментарии, которые подтверждают правдоподобие контента, создавая иллюзию достоверности. В свою очередь, сам контент может быть размещён на платформах с минимальной модерацией, что в какой-то степени способен ввести человека в заблуждение.

Подводя итог, отметим, что информация всегда являлась ценнейшим и по праву ключевым ресурсом, определяющим ход политических процессов и явлений. Однако в нынешних реалиях, когда дипфейки диктуют совершенно новые обстоятельства, понимание принципов их работы становится неотъемлемым фактором противодействия политической дезинформации в условиях не только локальных, но и глобальных противостояний. Проводя аналогии с XX в., современная информационная борьба с применением искусственного интеллекта носит характер своеобразной «гонки вооружений», в которой побеждает обладатель не только самого передового оружия по обману противника, но и самой передовой защиты.

Вполне очевидно, что из-за постоянной эскалации в области применения дипфейков с течением времени методы их обнаружения будут склоняться всё больше к использованию специализированного программного обеспечения. На данный момент времени, пока технологии отнюдь не совершенны, мы всё ещё можем полагаться на свои органы чувств, однако нельзя забывать о том, что в перспективе информационная реальность, благодаря использованию «глубоких фейков», будет подвергаться искажению, а значит, сомнению. Это, безусловно, приведёт к коренному изменению восприятия политической информации, а также усложнению процесса её верификации. Такое развитие событий может не только подорвать доверие к традиционным медиа и официальным источникам, но и спровоцировать появление новых механизмов контроля и фильтрации контента. В условиях, когда дипфейки станут обычной частью информационного

политического пространства, ключевой задачей государства станет выработка коллективного иммунитета общества к дезинформации, основанного на медиаграмотности, технологической осведомлённости и критическом мышлении.

Список литературы

1. *Сунь-цзы*. Искусство войны : пер. с кит. М. : АСТ, 2022. 192 с.
2. Goodfellow I J., Pouget-Abadie J., Mirza M., Xu B., Warde-Farley D., Ozair S., Courville A., Bengio Y. Generative Adversarial Nets // *Proceedings of the 27th International Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS)*. Montreal, Canada. 2014. Vol. 2. P. 2672–2680. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1406.2661>
3. Сафронов Д. А., Кацер Ю. Д., Зайцев К. С. Поиск аномалий с помощью автоэнкодеров // *International Journal of Open Information Technologies*. 2022. Т. 10, № 8. С. 39–45. EDN: BPCTIS
4. Калиев А., Рыбин С. В. Синтез речи: прошлое и настоящее // *Компьютерные инструменты в образовании*. 2019. № 1. С. 5–28. <https://doi.org/10.32603/2071-2340-2019-1-5-28>, EDN: VSZNNH
5. Авдеенко Е. В. Социально-психологические основы манипулятивного процесса // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 1 (74). С. 117–121. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_117, EDN: XJRFAY
6. Jones E. E., Davis K. E. From Acts to Dispositions: The Attribution Process in Person Perception // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1965. Vol. 2. P. 219–266. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60107-0](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60107-0)
7. Каримов К. Эксперты рассказали, кто может стать жертвой дипфейков // *РИА Новости*. 2021. URL: <https://ria.ru/20210814/dipfeyk-1745306675.html> (дата обращения: 24.11.2024).
8. Аникин Д. Не верь ушам своим: голосовые дипфейки // *Блог Касперского*. 2023. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/audio-deepfake-technology/35694/> (дата обращения: 24.11.2024).
9. Simonite T. A Zelensky Deepfake Was Quickly Defeated. The Next One Might Not Be // *WIRED*. 2022. URL: <https://www.wired.com/story/zelensky-deepfake-face-book-twitter-playbook/> (дата обращения: 24.11.2024).
10. Лукина Ю. В. Использование дипфейков в общественно-политической жизни // *Русская политология*. 2023. № 2 (27). С. 41–48. EDN: CEXDQA
11. Котляр М. «У Пентагона произошел взрыв». Объясняем, почему это фейк // *Газета.Ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/05/22/16743344.shtml> (дата обращения: 24.11.2024).

Поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 202–209

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 202–209

<https://soziopolit.sgu.ru>

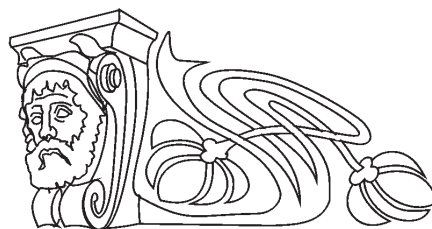
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-202-209>, EDN: WSNXMD

Научная статья

УДК 32.019.51

Физическое здоровье граждан как ресурс государственной политики

В. В. Суворов

¹Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины, Россия, 101990, г. Москва, Петров-ригский пер., д. 10, стр. 3

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Суворов Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, ¹научный сотрудник центра координации фундаментальной научной деятельности; ²доцент кафедры политических наук, valeriy_s@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9034>

Аннотация. Различное понимание здоровья в сфере медицины, политики и на бытовом уровне затрудняет коммуникацию между медицинским сообществом, властью и гражданами в вопросах, касающихся поддержания общественного здоровья. Между тем разные интерпретации здоровья пересекаются в его функциональном аспекте. И для государственной власти, и для самих граждан здоровье выступает важным ресурсом, обеспечивающим стабильное социально-экономическое и политическое развитие для государства и материальное, социальное и психологическое благополучие для граждан. Вместе с этим их пренебрежительное отношение к индивидуальному здоровью и способам его сохранения и улучшения заставляет власть искать различные способы решения данной проблемы, в том числе путем развития инфраструктуры для здорового образа жизни, правовой регламентации, просвещения, что находит отражение в соответствующих национальных и федеральных проектах. Однако повысить мотивированность граждан могло бы переосмысление стратегий в сфере здоровья и в сфере гражданского воспитания, включающего формирование патриотизма и традиционных ценностей. Наполнение содержания здоровья идейной составляющей, связанной с определением значимости каждого гражданина для его семьи, общества и государства, могло бы в совокупности с уже предпринимаемыми мерами изменить поведение граждан в отношении своего здоровья. В рамках идейной составляющей важно сделать акцент на значимости молодого поколения не только для защиты Родины и воспроизведения населения, но и для развития всех сфер жизни общества при соответствующей поддержке со стороны государства.

Ключевые слова: физическое здоровье, ресурс государственной политики, здоровый образ жизни

Для цитирования: Суворов В. В. Физическое здоровье граждан как ресурс государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 202–209. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-202-209>, EDN: WSNXMD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Physical health of citizens as a resource of state policy

V. V. Suvorov

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine, 10, bldg. 3 Petroverigsky per., Moscow 101990, Russia

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valeriy V. Suvorov, valeriy_s@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9034>

Abstract. Different understandings of health in the field of medicine, politics and at the everyday level complicate communication between the medical community, authorities and citizens on issues related to maintaining public health. Meanwhile, different interpretations of health intersect in its functional aspect. Both for the state authorities and for the citizens themselves, health is an important resource that ensures stable socio-economic and political development for the state and material, social and psychological well-being for citizens. At the same time, their disdainful attitude to individual health and ways to maintain and improve it forces the authorities to look for various ways to solve this problem, including through the development of infrastructure for a healthy lifestyle, legal regulation, education, which is reflected in the relevant national and federal projects. However, the intersection of strategies in the field of health and in the field of civic education, including the formation of patriotism and traditional values, could increase the motivation of citizens. Filling the content of health with an ideological component related to determining the significance of each citizen for his family, society and the state could, together with the

measures already taken, change the behavior of citizens in relation to their health. Within the framework of the ideological component, it is important to emphasize the significance of the younger generation not only for the defense of the Motherland and reproduction of the population, but also for the development of all spheres of society with appropriate support from the state.

Keywords: physical health, resource of state policy, healthy lifestyle

For citation: Suvorov V. V. Physical health of citizens as a resource of state policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 202–209 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-202-209>, EDN: WSNXMD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последнее время теме здоровья со стороны власти уделяется все больше внимания и предпринимается все больше действий в различных сферах, чтобы сохранить здоровье граждан. Если ранее политики и исследователи политики фокусировались преимущественно на изучении экономических и социальных основ устойчивого функционирования общества и государства, то в настоящее время ситуация заметно изменилась. В среде политиков и политологов тема здоровья и его связи с политической субъектностью граждан и целых социальных групп обсуждается все чаще [1, р. 4; 2–3]. Результатом таких дискуссий являются различные концепции и практические мероприятия, призванные обратить внимание государства и общества на важность и полезность их вложений в популяризацию здорового образа жизни, поддержание активного долголетия, создание условий оказания качественной и доступной медицинской помощи.

Хотя основные показатели соответствующих национальных и федеральных проектов были достигнуты¹, официальная статистика по заболеваемости и здоровому образу жизни² свидетельствует о необходимости проведения более результативных мероприятий. Возможно, причина того, что хотя и поставлены значимые цели, но не во всем достигнут желаемый результат, кроется в состоянии коммуникации между властью и гражданами на тему здоровья последних и усилий, предпринимаемых государством ради сохранения этого

здоровья. Состояние этой коммуникации можно определить как недостаточное понимание.

Взаимное недопонимание наблюдается уже в вопросе определения предмета коммуникации и заключается в разном понимании, чем является «здоровье», угрозы которому и способы сохранения которого необходимо обсуждать на государственном уровне.

Понятие здоровья в медицине, повседневности, политике

Обращаясь к вопросу определения понятия «здоровье», следует отметить различия в понимании данной категории работниками здравоохранения, исследовательским сообществом и рядовыми гражданами на бытовом уровне.

Медицинское сообщество ориентируется на определение здоровья, данное в преамбуле к Уставу Всемирной организацией здравоохранения (1946 г.) и предполагающее состояние полного физического, духовного (психологического) и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических дефектов³. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предлагает следующую формулировку: «здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»⁴. Данное определение в целом соответствует определению, принятому в медицинском сообществе, и обладает соответствующими недостатками. При этом право на наивысший достижимый уровень здоровья является правом человека, признанным в международном праве в области прав человека.

¹ Об основных результатах национального проекта «Здравоохранение» и о задачах нового национального проекта «Продолжительная и активная жизнь»: постановление Совета Федерации ФС РФ от 20.11.2024 № 493-СФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/162244/> (дата обращения: 10.01.2025).

² Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (P4) // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 20.10.2023); Здравоохранение // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>. (дата обращения: 10.01.2025).

³ Устав ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 2011. 23 нояб. № 263.

На бытовом уровне здоровье чаще всего понимается как отсутствие болезни или как отсутствие симптомов, т.е. отсутствие физического страдания от недомогания, боли. Нередко граждане, даже зная о своих хронических заболеваниях (например, повышенное давление, диабет и т.д.), но не имея на начальных стадиях выраженных симптомов, продолжают считать себя здоровыми и ведут образ жизни, усугубляющий эти заболевания (неправильное питание, вредные привычки и т.п.). Люди в разных культурах маркируют, описывают и переживают болезнь по-своему. При этом в каждой системе поддержания личного здоровья может быть заложено личное понимание того, что и как поддерживается [4]. Это позволяет говорить о здоровье и болезни как о социокультурном феномене [5, с. 40], для изучения которого используются соответствующие методики [6, 7].

Тема здоровья широко обсуждается в политическом сообществе [8]. Особенно политизировалась эта тема по следам эпидемии COVID-19. Президент РФ В. В. Путин 16 ноября 2018 г. на совещании по вопросам эффективности российской системы лекарственного обеспечения важной политической проблемой, решением которой должно заниматься государство, назвал сохранение и укрепление здоровья российской нации. Если этой проблемой не заниматься должным образом, то, по мнению президента, «не будет ничего другого, ничего не будет: ни экономики не будет, ни образования – ничего не будет»⁵.

Здоровье как ресурс государства и политический ресурс

Внимание субъектов политики к здоровью как ее ресурсу и готовность заниматься вопросами его охраны обусловлено их конкретным интересом. Во-первых, это интерес к ресурсу, обеспечивающему, как наглядно показала эпидемия COVID-19, либо стабильное, либо нестабильное функционирование механизмов государственного управления и общественно-го самоуправления. Во-вторых, это интерес к обеспечению легитимности власти отдельного политического лидера и всей политической элиты. Собственно, эти два взаимосвязанных интереса превращают здоровье в ресурс

политики. Причем ресурс, обладающий возможностью прирастать и открывать новые перспективы для политического участия человека и для решения управленческих задач государством. В этом смысле здоровье можно считать одним из состояний человеческого капитала политики [9, 10].

Для государства, таким образом, понимание здоровья граждан как предмета его заботы приобретает функциональный характер. Здоровый гражданин – это такой гражданин, который может выполнять свои социально-экономические функции, с минимальными издержками, связанными с возможной временной нетрудоспособностью. Государственный смысл здоровья гражданина – пригодность последнего для выполнения общественно и государственно значимых задач.

Для рядовых граждан понимание здоровья тоже связано со способностью быть активным. Только это понимание отталкивается от иной расстановки приоритетов в сознании гражданина. Для него здоровье – это, прежде всего, ресурс экономический, ресурс выполнения трудовой функции и повышения своего и своей семьи благосостояния. Связь с политикой выражена в представлениях рядового гражданина о своем здоровье значительно слабее.

Здоровье работающего населения является одним из основных направлений заботы государства, что находит отражение как в публичном обсуждении данной проблемы, так и в мероприятиях, обеспечивающих социальную поддержку в случае болезни и временной нетрудоспособности. Так, в октябре 2024 г. на парламентских слушаниях по теме «Охрана здоровья работающего населения» академик РАН, директор ФГБУ «Национальный исследовательский центр терапии и профилактической медицины» Минздрава РФ О. М. Драпкина выступила с докладом, в котором была отмечена значимость профилактики здоровья работающего населения для социально-экономического развития страны и достижения стратегических целей национального развития [11]. Важность здоровья для социально-экономического развития страны и в целом для ее существования была отмечена первым заместителем председателя Комитета СФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, председателем Ассоциации «Здоровые города, районы и поселки» О. А. Кувшинниковым: «Поднять экономику, обеспечить технологическую автономность

⁵ Путин: здоровье и качество жизни нации – важнейшая задача государства // ИА Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/2520869> (дата обращения: 10.01.2025).

можно только путем применения лучших практик здоровьесбережения. Мы должны сформировать такие правила и традиции, которые позволят нашему народу выстоять и сохранить себя как нацию» [12].

На законодательном уровне созданы нормы, обеспечивающие поддержку населения в случае болезней или травм, но при определении размера пособия учитывается трудовой вклад работника, который определяется его стажем (ст. 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»⁶). Кроме этого, предусмотрены определенные социальные гарантии в период нетрудоспособности, связанные с защитой от увольнения, переносом отпуска и т.д.

Вместе с этим нужно отметить, что, как и при распределении любого общественного ресурса, некоторые группы общества получают больше преимуществ для поддержания здоровья и получения медицинской помощи, чем другие. Такая ситуация может быть обусловлена уровнем жизни граждан, типом населенного пункта и регионом проживания, что определяет неравенство граждан в уровне доходов и доступности квалифицированной медицинской помощи. Неравенство в сфере здоровья может сказываться на доверии граждан власти или оппозиционным силам, и в данном контексте здоровье граждан само выступает политическим ресурсом, который может использоваться в рамках политического процесса.

Неслучайно в фокусе внимания государства оказываются проблемы здоровья тех граждан, для которых их здоровье не является экономическим ресурсом. Это люди с ограниченными физическими возможностями. Но эти ограничения физических возможностей не мешают им быть электоратом и понимать всю полноту своей зависимости от политической стабильности в государстве и обществе. Они, можно сказать, представляют собой человеческий капитал политики в чистом виде, без обременения экономическими интересами и функциями [1].

В то же время исследования показывают, что граждане с хроническими заболеваниями нередко имеют негативный опыт работы с медицинскими учреждениями, который

подрывает их доверие к системе здравоохранения, органам власти, политическим деятелям разного уровня [2, 13, 14]. По данным опроса Левада-центра (признан иноагентом), в 2022 г. недоверие системе здравоохранения больше свойственно тем, кто оценивает свое здоровье как неудовлетворительное – 58% россиян со слабым здоровьем были склонны не доверять отечественной системе здравоохранения [15].

Точкой пересечения интересов государства и рядовых граждан к проблеме здоровья и его сохранению является вопрос взаимного доверия этих субъектов российской политики [16]. Доверие граждан оказывает значительное влияние на результативность государственной политики. Применительно к сфере здоровья показательным является период распространения пандемии COVID-19. Действия властей, включавшие ограничительные меры и обязательную вакцинацию, вызвали рост недоверия у части граждан как к медицинскому сообществу, так и к органам власти, особенно региональным. Результатом стало, с одной стороны, невыполнение предписываемых мер профилактики [3], а с другой – раскол общества на сторонников и противников данных мер [17]. Проведение политики в сфере здоровья таким образом, чтобы результаты были заметны и значимы для граждан и вместе с этим легко соотносились бы с действиями органов власти или отдельных политиков, способно обеспечить увеличение доверия граждан к власти.

Наряду с доверием, здоровье граждан может выступать и как ресурс, связанный с национальной безопасностью и обороноспособностью страны. Показатели здоровья выступают основными критериями годности к воинской службе, что приобрело особую актуальность с началом специальной военной операции в 2022 г. Расписание болезней, в соответствии со статьями которого определяется годность к военной службе, представлено в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе»⁷. Вместе с этим СВО показала необходимость пересмотра степени готовности к военной службе. Министерство обороны предложило существенно пересмотреть правила определения медицинской годности или негодности граждан для

⁶ Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством : федер. закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2006. 31 дек. № 297.

⁷ Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе : постановление Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 (ред. от 17.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 28, ст. 3831.

военной службы. В ходе разработки проекта Министерством обороны совместно с другими ведомствами критерии определения заболеваний, которыми должны руководствоваться военно-медицинские комиссии, планируется уточнить и расширить, также меняется ряд категорий допуска – прежде всего для желающих поступить на контрактную службу⁸.

Отношение к определению здоровья граждан имеет физическая подготовленность. Формальным показателем уровня физической подготовленности являются нормы физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)⁹. Исследователями отмечается, что подготовка к сдаче норм ГТО способствует увеличению физической активности и способствует улучшению здоровья [18]. Вместе с тем сдача норм ГТО является добровольной, а знак отличия ГТО не имеет срока действия и не требует последующего подтверждения, поэтому для привлечения граждан необходима дополнительная как материальная, так и нематериальная мотивация.

Направления заботы власти в сфере здоровья

По данным ВОЗ, здоровье человека зависит на 20% от наследственных факторов, на 10% – от медицины, на 20% – от экологии и на 50% – от образа жизни [19]. Для того чтобы ресурс здоровья не только не снижался, но и увеличивался, государственная власть предпринимает соответствующие шаги, что находит отражение в разных направлениях политики.

Одним из способов проявления заботы государства выступает социально-экономическая политика, направленная на поддержание и улучшение жизненного уровня населения, улучшение условий его жизни, социального и психологического благополучия в целом. Уровень жизни определяется совокупностью факторов, включающих доступность к материальным и духовным благам, которые во многом обусловлены уровнем доходов, степенью социальной защиты населения и индивидуальным статусом, зависящих в свою очередь от возмож-

ности трудоустройства, особенностей правовых и этических норм, ценностных ориентиров в обществе. Одним из показателей уровня жизни выступает доступность медицинской помощи. Однако в решении государством проблемы социального благополучия человека вмешиваются традиции и изменчивые экономические условия существования государства и общества. На психологическое состояние человека государство, в принципе, может повлиять, поместив этого человека в определенные рамки своей внутренней и внешней политики. Но меру этого влияния, соотношение в нем позитивных и негативных моментов определить будет довольно трудно.

Другим направлением государственной заботы выступает экологическая политика, призванная обеспечить приемлемые экологические условия и включающая соответствующие правовые нормы и систему контроля, в том числе санитарно-природоохранные. Для решения проблем в данной сфере был создан национальный проект, в рамках которого выделены такие направления, как утилизация и переработка отходов, ликвидация свалок, сохранение лесов и водоемов, снижение выбросов в атмосферу, развитие экологического туризма и экологического воспитания, сохранение биологического разнообразия¹⁰.

Третьим проявлением заботы выступает собственно сфера здоровья, в рамках которой можно выделить направления, ориентированные на оказание медицинской помощи и профилактику заболеваний. Совершенствование системы здравоохранения, доступности и качества медицинской помощи находится в центре внимания государственной политики. Сложнее обстоит дело с обеспечением превентивных мер к распространению различных заболеваний у населения, включающее профилактику инфекционных и неинфекционных заболеваний. Профилактика инфекционных заболеваний обусловлена во многом санитарно-гигиеническими условиями и во многом решается повышением уровня жизни населения. Исключениями пока остаются сезонные инфекционные заболевания и появления новых заболеваний. Так, пандемия COVID-19 ускорила кризис благополучия, продемонстрировала недостатки системы здравоохранения, заставив различные группы населения столкнуться с необходимостью самостоятельной защиты своего здоровья.

⁸ Проект О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153279> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Российская газета. 2007. 08 дек. № 276.

¹⁰ Национальный проект «Экология». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/ekologiya> (дата обращения: 10.01.2025).

Профилактика же неинфекционных заболеваний носит более сложный характер, так как их проявление не всегда обусловлено низким уровнем жизни или неблагоприятными средовыми факторами. Основной акцент в данном случае делается на образе жизни граждан, включающем питание, вредные привычки, физическую активность, режим сна и бодрствования.

Долгое время в рамках государственной политики не уделялось должного внимания мерам, обеспечивающим предотвращение заболеваний, одним из основных факторов которых является образ жизни человека [20]. Ситуация стала меняться в лучшую сторону с реализацией национального проекта «Демография» в 2019–2024 гг.¹¹ В последнее время здоровому образу жизни уделяется все большее внимание, что находит отражение и в политическом дискурсе, и в соответствующих федеральных проектах. Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. обратил внимание на необходимость поощрения людей, которые ответственно относятся к своему здоровью¹². В отношении мер для поощрения была высказана идея налоговых вычетов для тех граждан, которые на регулярной основе проходят диспансеризацию и успешно сдают нормы ГТО. Популяризация здорового образа жизни отнесена к одной из задач в сфере сбережения детей и укрепления семей с детьми, представленных в Стратегии комплексной безопасности детей до 2030 года¹³. Министр здравоохранения РФ М. Мурашко в выступлении на заседании Совета Федерации 8 ноября 2024 г. в рамках «правительственного часа» отметил, что «активное долголетие на 60% зависит от образа жизни»¹⁴. Продолжительность жизни рассматривается как один из показателей здоровья населения. Пре-

зидент России В. В. Путин на пленарной сессии III Национального конгресса «Национальное здравоохранение 2024» в контексте разговора о национальных проектах в сфере здоровья в качестве задач выделил необходимость увеличения продолжительности жизни граждан при сохранении ее высокого качества и снижения заболеваний¹⁵. Улучшению здоровья посвящены национальный и федеральные проекты, действующие с начала 2025 г.

В целом, чтобы повлиять на образ жизни граждан в рамках государственной политики, используются три основных подхода: правовая регламентация, прежде всего в области продаж алкогольной и табачной продукции; создание необходимой инфраструктуры, главным образом для занятий физической культурой и спортом, и просвещение граждан¹⁶. При этом ведение здорового образа жизни не предусматривает какого-либо способа стимулирования граждан [21].

Однако, несмотря на все, что делается в сфере здоровья, в том числе реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография»¹⁷, показатели, например, приверженности здоровому образу жизни остаются невысокими, и уровень заболеваемости неинфекционными заболеваниями также не снижается. Так, количество граждан, ведущих здоровый образ, хотя и имеет положительную динамику и в 2024 г. составило 9,7%, но так и не достигло уровня 2019 г. в 12%¹⁸. Среди «социально значимых болезней», по данным Росстата на 2023 г., при небольшом снижении инфекционных заболеваний наблюдается увеличение количества заболевших сахарным диабетом, болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением, злокачественных образований. Заболеваемость алкоголизмом, снижавшаяся до 2020 г., с 2021 г. стала постепенно увеличиваться¹⁹.

¹¹ Национальный проект «Демография». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (дата обращения: 10.01.2025).

¹² Послание Президента Федеральному Собранию 29.02.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 10.01.2025).

¹³ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305170008> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁴ Михаил Мурашко выступил на «правительственном часе» в Совете Федерации. 08.11.2024 // Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2024/11/06/21890-mihail-murashko-vystupil-na-pravitelstvennom-chase-v-sovete-federatsii> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁵ Путин: Люди в России должны быть более здоровыми и реже болеть. 29.10.2024. URL: <https://life.ru/p/1698725> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁶ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 2011. 23 нояб. № 263.

¹⁷ Проекты 19–24. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁸ Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (P4) // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁹ Здравоохранение // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 10.01.2025).

В сложившейся ситуации складывается впечатление, что существует недопонимание между гражданами, которые выступают целевой аудиторией проводимой политики, прежде всего в вопросах образа жизни и вредных привычек.

Заключение

Решением сложившейся ситуации может стать ответ на вопрос, есть ли возможность свести три разных ракурса на проблему здоровья к одному ракурсу. Общим моментом может выступать функциональное начало: как для государственной власти здоровье выступает политическим и социально-экономическим ресурсом, так и для граждан оно является важнейшим ресурсом их индивидуального и семейного благополучия. В этом отношении понимание проблем здоровья и способов его сохранения будет совпадать.

Изменить сложившуюся ситуацию представляется возможным только комплексными политическими мерами. В дополнение к мероприятиям, включающим создание инфраструктуры для здорового образа жизни, принятие новых законов, проведение мер санитарно-гигиенического просвещения, необходимо добавить грамотно выстроенную коммуникацию с различными социальными группами. Задачей коммуникации как раз и выступает объяснение гражданам значимости их индивидуального здоровья для них самих, их ближайшего окружения, общества и государства.

Совокупной причиной пренебрежительности граждан к своему здоровью и жизни является то, что значительная их часть не мотивирована на сохранение индивидуального здоровья до возникновения физического страдания, утраты благополучия и рисков преждевременной утраты жизни. Это проявляется не только в отношении граждан к здоровому образу жизни, но и в пренебрежении техникой безопасности на производстве и на отдыхе, игнорировании правил дорожного движения. Отсутствие мотивации обусловлено как широким спектром культурных особенностей, так и отсутствием понимания своей значимости и своего места в обществе, что может проявляться прежде всего среди молодежи. Решением данной проблемы могла бы стать политика, в которой и на идейном уровне, и в реальных действиях

власти прослеживалось бы предназначение молодежи не только как потенциальных защитников Родины, но и как значимых элементов общества, в которых нуждается государство в мирное время. При этом идейную составляющую можно подкрепить совмещением двух стратегий – стратегии на формирование образа жизни, обеспечивающего сохранение здоровья, и стратегии, направленной на формирование духовных качеств современного гражданина.

Список литературы

1. *Kavanagh N. M., Menon A.* Health as a driver of political participation and preferences: Implications for policy-makers and political actors. Copenhagen : European Observatory on Health Systems and Policies, 2024. 34 p.
2. *Burns K. E., Brown P., Calnan M., Ward P. R., Little J., Betini G. S., Perlman C. M., Nascimento H. G., Meyer S. B.* Development and validation of the Trust in Government measure (TGM) // BMC Public Health. 2023. Vol. 23, iss. 1. <https://doi.org/10.1186/s12889-023-16974-0>
3. *Zhade Z. A., Samygin P. S.* Trust in government as the basis for interaction between society and the state in the context of the COVID-19 pandemic // Modern Science and Innovations. 2021. № 4 (36). P. 183–187. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2021.4.21>, EDN: GVMJQH
4. *Михель Д. В.* Медицинская антропология: фокусируясь на здоровье и болезни // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / под общ. ред. В. Л. Лехциера. Самара : Изд-во Самарского гос. ун-та, 2012. С. 34–53.
5. *Медицинская антропология : учеб. пособие для студентов медицинских вузов / под ред. М. А. Корецкой. М. : IPR Media, 2024. 131 с.*
6. *Драпкина О. М., Суворов В. В., Уметов М. А., Суслов И. В., Киселев А. Р.* Социокультурный код здоровья как методологический подход // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 1. С. 50–57. <https://doi.org/10.31857/S0869587323010024>, EDN: EMURBR
7. *Драпкина О. М., Суворов В. В., Киселев А. Р.* Социокультурный код сферы здоровья: типология, изменчивость, возможность воздействия // Здравоохранение Российской Федерации. 2024. Т. 68, № 4. С. 308–314. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2024-68-4-308-314>, EDN: VSNXFK
8. *Суворов В. В.* Политический дискурс здоровья и мировоззренческие установки граждан России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 196–201. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-196-201>, EDN: QDXFOE
9. *Быченко Ю. Г.* Здоровье как показатель биологического человеческого капитала работника // Известия

- Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, вып 5. С. 242–252. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-242-252>
10. Медведева О. В. Ключевые особенности капитала здоровья как формы человеческого капитала // Московский экономический журнал. 2021. № 7. С. 565–573. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10445>
 11. Святенко И. Сенаторы активно участвуют в социально значимых проектах в сфере сохранения здоровья и профилактики заболеваний. 25.10.2024. URL: <http://council.gov.ru/events/news/161422> (дата обращения: 10.01.2025).
 12. Кувшинников О. Укрепление здоровья работающего населения должно стать национальной идеей. 23.05.2024. URL: <http://council.gov.ru/events/news/156880> (дата обращения: 10.01.2025).
 13. Lee S. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: Exploring the role of institutional trust // *Research on Aging*. 2022. Vol. 44, iss. 1. P. 10–21. <https://doi.org/10.1177/0164027520975145>
 14. Mattila M. Does poor health mobilize people into action? Health, political trust, and participation // *European Political Science Review*. 2020. Vol. 12, iss. 1. P. 49–65. <https://doi.org/10.1017/S175577391900033X>
 15. Кареева О. Доверие системе здравоохранения // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2022/02/16/doverie-sisteme-zdravoohraneniya/> (дата обращения: 10.01.2025).
 16. Tanu T., Rajnish S. N., Kumar D., Sagar V. Understanding the Political Dimension of Health: A Global Perspective // *American Journal of Biomedical Science & Research*. 2023. Vol. 18, № 6. P. 577–579. <https://doi.org/10.34297/AJBSR.2023.18.002527>
 17. Мухарямова Л. М., Заляев А. Р., Шаммазова Е. Ю. COVID-19: политические вызовы для общественного здравоохранения // *Казанский медицинский журнал*. 2021. Т. 102, № 1. С. 39–46. <https://doi.org/10.17816/KMJ2021-39>
 18. Сорока В. В. Возрождение норм ГТО как способ укрепления здоровья нации // *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2019. № 9. С. 168–169. EDN: ZYIILZ
 19. Киселева Л. С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 8. С. 17–20. EDN: TZGBTJ
 20. Журавлева И. В. Актуальные проблемы социальной политики в сфере здоровья // *Социология медицины*. 2017. Т. 16, № 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18821/1728-2810-2017-16-1-4-9>, EDN: ZGZLYN
 21. Суворов В. В. Политика в отношении рождаемости и здорового образа жизни в России: особенности стимулирования граждан // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 69–73. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-69-73>, EDN: ZYPZGV

Поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025;
принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025;
accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 210–219

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 210–219

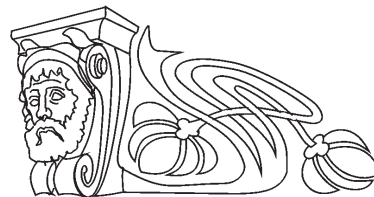
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-210-219>, EDN: XPPRKL

Научная статья

УДК 504.03

Особенности формирования экологической идентичности в России в условиях становления нового миропорядка

А. А. Волкова , Р. А. Евтехов

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/25, корп. 5

Волкова Александра Андреевна, ¹специалист по УМП кафедры истории и теории политики, ²научный сотрудник, sandra-volkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-1234>

Евтехов Роман Артурович, кандидат исторических наук, ¹научный сотрудник кафедры истории и теории политики, ²старший научный сотрудник, lib-lab-scan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-7196>

Аннотация. Изучение различных аспектов формирования экологической идентичности гражданина в Российской Федерации только начинает развиваться, становясь актуальной темой для анализа в условиях повышения государственного интереса к механизмам улучшения состояния окружающей среды. Эта проблема может быть исследована через призму изучения экологической идентичности. В связи с этим в статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на формирование экологической идентичности в России, и выделяются ее ключевые особенности исходя из современного политико-культурного контекста. Описываются процессы политизации экологической идентичности и манипулирования экологической повесткой в политических целях. Делается упор на важности организации системного экологического просвещения на протяжении всей жизни человека. В этом контексте выделяется особая роль образовательных стандартов, дисциплин и творческих мероприятий в формате конкурсов художественных произведений, премий экологической направленности. Фиксируется недостаточность подобных мероприятий, направленных на привлечение внимания общественности к вопросам охраны окружающей среды. Однако именно они оказывают значительное влияние на систему ценностей и мировоззрение человека, выступающих фундаментом для продвижения проэкологического поведения. Сделан вывод о том, что недооценка важности проведения мер по экологическому просвещению со стороны государства, дополняющаяся неконтролируемой политизацией экологической повестки, становится угрозой национальной безопасности. Перспективы развития концепции экологической идентичности достаточно обширны, однако до сих пор не разработаны подходы к оценке ее влияния на политическую, культурную и социальную сферы. Высокоразвитая экологическая идентичность определяет чувство экологического патриотизма и несет в себе потенциал для сплочения населения. В его основе лежит идея сохранения уникальных природных богатств России через принятие на себя ответственности за охрану окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая идентичность, экологический патриотизм, экологическое просвещение, политизация экологической идентичности

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (проект № 124091900005-1, гос. задание ФНИСЦ РАН на 2024 г.) по теме: «Российская политическая идентичность в условиях становления нового миропорядка».

Для цитирования: Волкова А. А., Евтехов Р. А. Особенности формирования экологической идентичности в России в условиях становления нового миропорядка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 210–219. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-210-219>, EDN: XPPRKL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the formation of ecological identity in Russia in the context of emerging new world order

A. A. Volkova , R. A. Evtechov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35, korpus 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Alexandra A. Volkova, sandra-volkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-1234>

Roman A. Evtechov, lib-lab-scan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-7196>

© Волкова А. А., Евтехов Р. А., 2025

Abstract. The study of various aspects of the formation of environmental identity of a citizen in Russia is just beginning to develop, becoming a topical issue for analysis in the context of increasing state interest in the mechanisms of improving the environmental condition. This problem can be explained through the prism of studying environmental identity. In this regard, the article examines the factors influencing the formation of environmental identity in Russia and highlights its key features, based on the modern political and cultural context. The authors describe the options for politicizing environmental identity, manipulating the environmental agenda for political ends. They focus on the importance of systemic environmental education throughout the life of a citizen. In this context, the article highlights a special role of educational standards, disciplines and creative events in the format of art competitions, environmental awards. Another significant point highlighted by the authors is the insufficiency of such activities aimed at attracting public attention to environmental protection. However, they have a strong influence on the system of values and worldview of a person, which serve as the foundation for the promotion of pro-environmental behavior. The conclusion of the study is that underestimation of the importance of environmental education measures by the state, complemented by uncontrolled politicization of the environmental agenda, becomes a threat to national security. The development prospects of the concept of environmental identity is quite extensive, but approaches to assessing its impact on the political, cultural and social spheres have not yet been developed. A highly developed environmental identity determines a sense of environmental patriotism and has the potential to unite the nation. It is based on the idea of preserving Russia's unique natural resources by taking responsibility for environmental protection.

Keywords: ecological identity, ecological patriotism, environmental education, politicization of the ecological identity

Acknowledgements: This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and Expert Institute for Social Research (project No. 124091900005-1, the state assignment of FCTAS RAS for 2024) on the topic: "Russian political identity in the context of the formation of a new world order".

For citation: Volkova A. A., Evtechov R. A. Features of the formation of ecological identity in Russia in the context of emerging new world order. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 210–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-210-219>, EDN: XPPRKL

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Зависимость жизни человека от состояния окружающей среды осознается обществом с древнейших времен. Обеспокоенность ухудшением экологии и нерациональным использованием ресурсов формирует особый тип привязанности человека к природному миру. Восприятие себя в качестве его «неотъемлемой» части, осмысление в качестве субъекта, ответственного за сохранение растительного и животного мира, определяет экологическую идентичностью индивида. Однако уровень ее развитости среди граждан России остается невысоким. В связи с этим актуализируется вопрос о важности экологического просвещения, которое становится одним из ключевых способов ее формирования.

Эта тема поднималась еще в 2016 г. на заседании Государственного совета, посвященном экологическому развитию РФ в интересах будущих поколений. Уже тогда подчеркивалась важность содействия органов власти формированию в сознании человека определенной взаимозависимости между бытовой деятельностью и ее влиянием на окружающую среду. Как подмечает глава государства, «отсутствие необходимого уровня экологической грамотности, неготовность объективно оценить соответствующую информацию способствуют росту уровня экологического нигилизма, а

значит, отрицанию любого развития»¹. Тем самым была подчеркнута прямая зависимость – развитие государства возможно только в том случае, если наравне с другими социально-экономическими и политическими процессами развиваются экологическое просвещение и деятельность по охране окружающей среды. Национальный проект «Экология» закрепил за политикой в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования статус значимого общенационального приоритета. Достижение высоких показателей эффективности по ряду направлений (сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу на 12%, уменьшение мусорных полигонов), ведущих к улучшению качества жизни граждан, способствовало его продлению². Предполагается продолжение системной работы, охватывающей широкие вопросы сохранения лесов, водных ресурсов и переработки отходов. С 2023 г. наблюдается тенденция привлечения общественности и усовершенствования ее роли «в целях реализации прав граждан в области охраны

¹ Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53602> (дата обращения: 25.11.2024).

² В Минприроды России подвели предварительные итоги нацпроекта «Экология» // Минприроды России : [сайт]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/hot-topic/v_minprirody_rossii_podveli_predvaritelnye_itogi_natsproekta_ekologiiya/ (дата обращения: 25.11.2024).

окружающей среды, а также предотвращения и выявления нарушений законодательства в области охраны окружающей среды» со стороны других граждан, общественных объединений и некоммерческих организаций³. Именно в таком общественном контроле, влияющем на эффективность реализации политических решений в вопросах экологии, и проявляется экологическая идентичность гражданина.

В обществе, где сформирована экологическая идентичность, гражданин понимает и принимает ответственность не только за себя, но и за окружающую среду, на которую он не может не оказывать воздействие. Для него проблема охраны объектов природы, как культурно-исторического достояния, «подкрепляется представлениями о социальной несправедливости в отношении распределения ресурсной ренты» [1, с. 26]. Эта проблема является объединяющим фактором: «...в вопросы экологии вовлечен каждый десятый житель России»⁴. Подтверждением достижения человеком высокого уровня осознания экологической идентичности, формирующейся на протяжении всей жизни, является ощущение себя как носителя экологических ценностей, не просто ведущего экологический образ жизни, но и привлекающего к нему других людей. На формирование экологической идентичности в большей степени оказывает влияние «переживание взаимодействия с природой», которое и порождает определенные формы экологического поведения [2]. Ю. В. Ермолаева и Е. В. Лощина выделяют следующие формы проэкологического поведения: во-первых, коллективные, включающие в себя экологический активизм и волонтерство; во-вторых, социально-экологические практики в бытовой сфере, связанные с сортировкой отходов, энергосбережением и покупкой экологически чистых продуктов; в-третьих, поведение в организациях (деятельность, влияющая на организационные решения); в-четвертых, создание бизнеса. Важным аспектом экологического поведения является то, что оно стимулируется желанием повысить чувство собственного достоинства через благотворительные социальные

практики, уборку территорий, сортировку отходов. Исследовательницы выделили следующую особенность, связанную с петлей обратной связи: «...чем больше информанты включались в экологическую деятельность, тем больше ценности и удовлетворения находили в ней, укрепляя свою идентичность и далее развивая свои экопрактики» [2, с. 47].

Т. В. Хайнацкая обращает внимание на то, что термин «экологическая идентичность» в зарубежном научном дискурсе имеет две разновидности – «environmental identity» и «ecological identity»: «...первый отражает формы идентификации индивидов или групп, на которую могут влиять разные значимые для них идентичности, например, локальная или социокультурная, а также их социальные связи, в то время как второй в большинстве случаев описывает самоощущение, которое формируется у индивидов или утверждается на групповом уровне на основе осознания связей с окружающей средой» [3, с. 342]. Исходя из этого, экологическую идентичность можно определить как связь индивида / группы людей с природной средой, идентификацию себя как ее неотъемлемой части, что находит отражение в восприятии проблем окружающей среды и индивидуальном / групповом поведении, стимулируя природозащитную деятельность и другие формы экологической активности. Осознание экологической идентичности сопровождается укреплением связи между ценностными измерениями всех уровней – глобальным, социальным и личностно-воплощенным уровнями [2]. Экологическая идентичность имеет два измерения, которые очень взаимосвязаны. Экологическая идентичность находится в тесной связке с локальной идентичностью. Так, экологическая идентичность связана с формированием чувства встревоженности, повышенным вниманием к экологическим проблемам, которые воспринимаются в качестве угрозы национальной культуре и традиционному образу жизни, с одной стороны, локального, регионального масштаба (к примеру, насчет увеличения местных мусорных свалок, сброса отходов в реку около дома), а с другой, федерального – в отношении объектов природы, являющихся национальным достоянием. Уникальным природным объектом, обеспокоенность судьбой которого принимает национальный масштаб, является озеро Байкал.

Потенциальные возможности концепции экологической идентичности достаточно об-

³ Законодательно усовершенствованы механизмы общественного экологического контроля // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73176> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ Экологи рассказали, как любовь к природе стала модной тенденцией в России // Взгляд : [сайт]. URL: <https://vz.ru/news/2023/6/5/1214882.html> (дата обращения: 25.11.2024).

ширны, однако до сих пор не разработаны подходы к оценке ее влияния на политическую, культурную и социальную сферы. Корреляция между состоянием окружающей среды и состоянием здоровья человека также остается еще не в полной мере исследованной темой. В науке до сих пор нет концептуального согласия относительно того, какие виды «гражданского поведения» следует включать в понятие «экологический активизм», встает о вопрос о том, должен ли убежденный защитник окружающей среды иметь потенциал влиять на политику или управленческие решения [4].

6 июня 2023 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты опроса, посвященного теме экологии⁵. По его результатам был выделен ряд тенденций. Во-первых, снижение бытового экоактивизма в сравнении с 2021 г. на 6% (52% респондентов ответили, что за последний год они лично или члены их семьи предпринимали меры, направленные на снижение остроты экологических проблем). Молодежь 18–24 лет, несмотря на то что она является самой активной и открытой к инновациям группой населения по степени вовлеченности в экологические практики, проигрывает более старшим поколениям. Так, экологическая осознанность чаще встречается в возрастном диапазоне от 25 до 60 лет. Во-вторых, невысокий уровень информированности россиян о проводимых экологических мероприятиях. Из тех, кто осведомлен о них, 40% являются жителями мегаполисов, Москвы и Санкт-Петербурга, и имеют высшее образование. Об их проведении не слышали 30% респондентов. Самая узнаваемая акция – Всероссийская акция «Сохраним лес» (46%), затем идут «День Земли» (28%), «Сад памяти» (18%) и акции по очистке берегов водных объектов от мусора «Вода России» (14%) (для старшего поколения). При этом люди из этих двух категорий составляют более 60% всех опрошенных и чаще других участвуют в экологических акциях⁶. В-третьих, для того чтобы заинтересовать граждан вести экологический образ жизни, необходимо разработать систему бонусов и поощрений. Согласно вышеупомянутому опросу, повышению мотивации

может способствовать внедрение льгот на ЖКХ и общественный транспорт (этот вариант отметили 45% респондентов). Подобный опыт внедрения системы экобаллов имеется у Южной Кореи и может быть взят за основу⁷. Скидки на посещение мероприятий культурно-досугового характера заинтересовали 21% опрашиваемых, а возможность получить дополнительные выходные дни на работе – 18%. Дипломы/благодарственные письма и сувениры привлекают граждан в последнюю очередь (9 и 7% соответственно)⁸. Восприятие данных льгот как бесполезного инструмента, не обладающего мотивирующей силой, присутствует у каждого пятого респондента. Эти данные показывают, что проблема экологической неграмотности и зачастую отсутствия заинтересованности в экологическом просвещении граждан за последние восемь лет так и не была решена. Однако готовность населения приобщиться к «зеленым» привычкам через систему поощрений может быть использована в качестве инструмента для повышения уровня экологической культуры.

Особенности формирования экологической идентичности в России

1. Уникальная природа России является национальным достоянием. Высокоразвитая экологическая идентичность определяет чувство экологического патриотизма. Он основан на уверенности в том, что «состояние национальной окружающей среды определяет статус страны и ее позиции в мировой политике» [5, р. 9].

2. Экологический патриотизм может дать импульс возникновению локальных и национальных «зеленых» движений, продвижению природного наследия как одной из главных национальных ценностей. Готовность России делиться эффективными практиками и технологиями по охране окружающей среды и организовывать международные съезды, встречи, посвященные вопросам экологии, может выступать в качестве инструмента «мягкой силы» для налаживания сотрудничества с другими странами.

⁷ Green Credit Card I Republic of Korea // United Nation. Climate Change : [сайт]. URL: <https://unfccc.int/climate-action/momentum-for-change/ict-solutions/green-credit-card-i-republic-of-korea> (дата обращения: 22.11.2023).

⁸ Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал...

⁵ Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechenost-motivaciya-potencial?ysclid=m33d5unkl3552748933> (дата обращения: 25.11.2024).

⁶ Там же.

3. Синтез природоохранной деятельности и национальной идентичности порождает эко-национализм. Он выступает ответом на экологический диктат Запада, который придерживается стратегии «сдерживания и ограничения развития и взятие развивающихся государств в “ловушку задолженности”» [6, с. 44]. В вопросах экологии Российская Федерация придерживается направления следования национальным интересам и реализации тех проектов, которые соответствуют ее природно-географическим условиям. Так, «зеленая энергетика», представленная альтернативными источниками энергии солнца и ветра, для России является не только неэффективной, но и опасной и не планируется к использованию.

4. Соблюдение экологических показателей в сфере поддержания безопасности, согласно совершенствующемуся законодательству России, является неотъемлемым условием реализации любых проектов социально-экономического развития страны.

5. Экологические проблемы регионального уровня продолжают оставаться острой темой в контексте СВО: по словам Степченко, жители Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей обращаются с просьбами решения местных экологических проблем и создания памятников из живых деревьев в честь бойцов специальной военной операции. Политик подчеркивает, что «такой подход очень ценен. Та же ЛНР была в советское время одной из передовых в вопросах экологии»⁹.

6. Отсутствуют экологические лидеры в лице медийных личностей, транслирующих экологические ценности и способных мотивировать людей следовать экологическому образу жизни. «Вопрос о том, кто из известных россиян способствует продвижению экологических ценностей, вызвал затруднения у большинства наших сограждан (88%)»¹⁰. При этом к концу 1980-х гг. ситуация была заметно другой. Экологическая повестка активно продвигалась представителями интеллигенции, писателями и академиками, выступавшими с трибун. В тот период наиболее популярными общественными деятелями, освещающими экологические проблемы и мотивирующими охранять окружающую среду, были В. Г. Распутин и С. П. Залыгин [7].

⁹ Экологи рассказали, как любовь к природе стала модной тенденцией в России...

¹⁰ Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал...

7. Экологическая проблематика России стала предметом международных дискуссий, которые в период СВО приобрели более напряженный характер. По мнению председателя комиссии по экологии и охране окружающей среды Общественной палаты РФ Е. А. Шаройкиной, «Россия, несмотря на предельное геополитическое давление, не отказалась ни от каких международных экологических договоров, осознавая, что только путем консолидации усилий мирового сообщества мы сможем ответить на глобальные экологические вызовы, которые касаются каждого, ведь у экологии нет границ»¹¹. Однако сама Россия уже столкнулась с отказом в сотрудничестве по вопросу охраны окружающей среды в рамках Арктического совета.

Политизация экологической идентичности

Рассмотрим, как происходит политизация экологической идентичности. Политизированная экологическая идентичность – это более активная форма продвижения экологических требований через проведение акций, протестов, демонстраций, подписание обращений и петиций в поддержку экологических партий и движений, которая связана с «комплексом идейно-политических ориентаций и предпочтений» [8, с. 349]. Она способствует поляризации общества и его дальнейшему разделению на группы «своих» и «иных». В экологических акциях задействованы чаще всего коллективы, но имеют место и индивидуальные, персонифицированные формы – как в случае с известной всему миру Гретой Тунберг, деятельность которой по предотвращению изменения климата была превращена западными политическими элитами в культ [9]. Политизация экологического дискурса происходит как сверху, так и снизу. В условиях сохранения высокого уровня экологической неграмотности и отсутствия склонности большей части населения к критическому анализу поступающей информации экологическая идентичность может достаточно легко приобрести политизированный окрас и стать мишенью для манипуляций. Соблюдение экологических принципов становится одним из факторов востребованности и признания бизнес-структур. При этом избегание экологических практик со стороны компаний может стать причиной социального остракизма: «...лидеры мнений

¹¹ Экологи рассказали, как любовь к природе стала модной тенденцией в России...

или бренды оказываются под угрозой быть “отмененными” за использование неэтичных принципов, ресурсов и методов» [10, с. 21]. Нанесение вреда окружающей среде расценивается значительной частью общества как то, что вызывает огорчение, возмущение и негативные эмоции и может выступать в качестве фактора мобилизации на протестную активность.

Возрастает вероятность трансформации экологических лозунгов и требований в радикальные формы. Это становится угрозой для национальной безопасности государства. «Экологическая идентичность может напрямую отражаться в политическом выборе: поддержка партий и движений с “зеленой” повесткой и энвайронменталистской направленности, продвижение “зеленых” инициатив, проэкологический выбор в процессе принятия управленческих решений, подписание петиций, обращений» [3, с. 343]. Умелое обращение с экологической повесткой может использоваться в качестве инструмента повышения электоральной поддержки в регионах, становясь одним из факторов победы на выборах. Однако привлечение политических ресурсов и политизация экологического дискурса не являются неотъемлемой частью общественной деятельности в защиту природы. Как показывает исследование, проведенное С. А. Тулаевой и А. В. Немировской, «многие участники экологических протестов стремились дистанцироваться от политических требований, и сами координаторы протестов признавали, что экологический митинг без политических требований способен привлечь намного больше участников» [11, с. 238]. Исследовательницы выявили, что «риторика, используемая протестующими, апеллировала “к защите родной земли”, “борьбе с оккупантами”, “сохранению земли предков”. В то же время требования, связанные с глобальными экологическими проблемами (сохранение биоразнообразия, изменение климата), артикулировались в большей степени представителями международных и российских экологических организаций, а не местными жителями» [11, с. 237].

Анализ состояния экологического движения России на сегодняшний день показывает, что тренд на экологизацию городов перешел с мегаполисов и миллионников на другие города России, для которых ранее участие в экологических акциях и проектах было нехарактерно. По мнению О. Степанченко, сопредседателя Всероссийского экологического общественного

движения «Экосистема», имеющего 81 региональное отделение, корреляции с наличием в этих городах опасных для окружающей среды предприятий нет¹². Однако анализ развития экологического движения в позднесоветский период говорит об обратном. На протяжении нескольких лет, начиная с конца 1988 г., бум экологических акций протеста и экологической деятельности приходился именно на те города и области, где такие заводы имелись или планировались быть построены [7]. Первым и наиболее «активным» в этом плане регионом стало Среднее Поволжье [12]. Именно вопросы экологии, связанные со строительством производственных объектов, опасных для природы и жизни людей, собрали первую в Советском Союзе масштабную волну протестов, захватившую около миллиона человек и сотню городов. Так, 1989 г. показал силу гражданского активизма, который можно рассматривать как одно из наиболее ярких проявлений экологического протеста. Именно в это время появились такие формы, как лагерный протест, когда люди в течение месяца отстаивали свою твердую позицию и убежденность в том, что завод по уничтожению химического оружия в Чапаевске не должен быть введен в эксплуатацию. Массовые протесты в августе этого года достигли успеха, и в начале сентября был издан указ о репрофилировании завода в учебно-тренировочный центр. Таким образом, можно согласиться с позицией М. Шульте, С. Бамберга, Дж. Риис и П. Роллин, согласно которой экологическая идентичность является ключевым фактором в понимании мотивов и процессов, определяющих принятие активных проэкологических привычек в повседневной жизни и участие или неучастие в экологических движениях, стремление влиять на процессы принятия политических решений в этой сфере [4].

Круг акторов, участвующих в процессе формирования экологической идентичности, шире круга структур, вовлеченных в процесс разработки экологической политики. Формирование определенных типов экологической идентичности зависит от инструментов, которые акторы используют, и дискурсов, которые они продвигают. Их можно разделить на две категории: внешний круг, включающий тех, кто конструирует общий политический процесс (взаимодействует с гражданами опосредованно

¹² Экологи рассказали, как любовь к природе стала модной тенденцией в России...

но), и внутренний круг, состоящий из акторов, которые осуществляют непосредственную коммуникацию с гражданами, участвуют в образовательных программах, проводят экологические выставки, мероприятия, акции и т.д. Как показал опыт конца прошлого столетия, нерешенные экологические проблемы способны оказать не просто существенное воздействие на политические процессы, но также стать одним из катализаторов разрушения государственной системы, как было с Советским Союзом.

Одним из ключевых акторов, на которых государство возлагает надежды, являются образовательные учреждения. Они оказывают существенное воздействие на систему ценностей и мировоззрение человека, выступающих фундаментом для продвижения проэкологического поведения. Так, «образование играет ключевую роль в повышении индивидуального энвайронментализма» [13, с. 96]. В этой связи вопрос экологического просвещения встает особенно остро. Идут активные дискуссии насчет изменения статуса образовательной дисциплины «Экология», преподавание которой планируется организовать не факультативно, а в качестве базовой дисциплины. Достижение высоких показателей результативности представляется возможным благодаря реализации принципов системности, последовательности и непрерывности. Закрепление ответственного потребления в общественном сознании станет возможным за счет того, что «экологический компонент должен присутствовать во всех образовательных программах начиная с детского сада», потому что «экология – это прежде всего знание»¹³. Организация в школах деятельности экоклубов и сообществ юных натуралистов является одним из необходимых шагов на пути внедрения экологического просвещения в общественную жизнь, однако этого еще недостаточно. Такие процедуры, как сортировка мусора, сбор макулатуры, экологические субботники, остаются нерегламентированными в школах.

На пути экологического просвещения огромную роль играют те, кто облачают экологические проблемы в форму художественных произведений. Речь идет о публицистах, которые в своих работах, с трибун и экранов призывают общественность к смене расхитительной модели потребления ресурсов. «Разрушение

экосистем и истощение природных ресурсов расценивалось публицистами как пограничная ситуация между жизнью и смертью, к которой пришло человечество, избрав неверный, гибельный путь развития» [14, с. 132]. Статьи, газеты и книги в простой и понятной форме, обличающие жестокость человека по отношению к природе и с помощью аналогий критикующие деятельность органов власти в области экологической политики, стали эффективным инструментом воздействия на общественное сознание. Приобретение популярности данных произведений, число которых к началу перестройки заметно возросло, а также стойкость и активность писателей, выражающаяся в подготовке и направлении многочисленных коллективных писем в органы власти, позволили достичь поставленных целей и закрыть ряд опасных для природы производственных объектов.

Литературные произведения на экологическую тематику могут быть использованы в качестве эффективного инструмента «мягкой силы» для достижения интеграции части мирового сообщества. Примером этому является ситуация, сложившаяся вокруг символа российской идентичности – Байкала. Активным общественным и политическим деятелем, внесшим свой вклад в сохранение этого уникального природного объекта национального наследия России, является В. Г. Распутин. Будучи одним из ведущих членов Байкальского клуба, работавшего совместно с коллегами из других стран, он делился опытом «Байкальского движения» в Японии, Швеции, ФРГ по просьбе их природоохранных общественных организаций, тем самым налаживая с ними сотрудничество. Его работа «Земля у Байкала» была переведена на китайский, японский и английский языки и получила международную популярность. В ней поднимались вопросы загрязнения озера в связи с принятием решения о строительстве Байкальского ЦБК в целях обеспечения нужд военной авиации СССР. Возникновение общественного протеста по этому поводу стало прямым аналогом кампании против переброски северных и сибирских рек в 1960-е гг. [7].

Отражение экологической идентичности в литературе

Рассмотрение природы и сельской жизни через призму особого трепета к природе и любви к «родному клочку земли» дало жизнь такому ли-

¹³ Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений...

тературному направлению как «деревенщина», ставшему популярным еще в 1980-х гг. Однако в современной России оно не столь популярно, как раньше. Феномен «деревенщины» – явление, связанное с восхищением и охраной русской деревни писателями, рассматривающими ее как символ русской души и выступавших против политики партии, направленной на переселение в города, затопление деревень. Природные символы – березки – являются неотъемлемыми маркерами современной российской идентичности. В связи с этим разрушение природной среды наносит вред российской идентичности и именно поэтому остро воспринимается общественностью и вызывает массовые недовольства, перерастающие в протестную активность. По мнению председателя Общественного совета Минприроды РФ Е. А. Закондыриной, «любовь к уникальной природе и нашей стране является, по сути, национальной идеей. Эта любовь объединяет людей самых разных взглядов, социального положения, уровня достатка и вероисповеданий. Все, кто любят природу, любят нашу страну»¹⁴. Отождествление России с ее удивительной природой является неотъемлемой чертой российской идентичности. Природа – это часть культурного наследия, которая воспроизводится обществом в коммеморативных практиках: создании музеев, природных заповедников; особое внимание заслуживают литературные памятники, нацеленные на изменение «потребительской, хищнической парадигмы» использования природных ресурсов.

Литературные конкурсы и сборники творческих работ, посвященные отражению экологических сюжетов уникальной природы России, находятся еще на стадии зарождения. Продолжение деятельности «деревенщиков» можно увидеть в экоальманахе «Кладовая солнца», появившемся на свет в 2024 г. благодаря инициативе редакции Русского литературного центра совместно с Союзом писателей Рунета¹⁵. Сбор и публикация творческих работ в нем была приурочена к 95-летию Московской области. Экоальманах нацелен на знакомство читателей с современными образцами деревенской прозы, а также экопрозы и экопоэзии авторов из разных уголков России. Более 500 экземпля-

ров были переданы в областные библиотеки, а также на территорию ДНР и в дарственный резерв бойцам СВО. Недопущение региональной диспропорции в процессе осуществления экологического просвещения должно быть одним из ключевых принципов в данном вопросе. Главный редактор С. В. Александров отмечает, что «Кладовая солнца» – это метафора, использованная впервые М. М. Пришвиным в годы Второй мировой войны. Так называют растения, которые, даже находясь в болотах, сохраняют солнечное тепло, так же как и этот альманах обещает нести тепло своим читателям¹⁶.

Вопросами гармоничного взаимодействия между обществом и природой, патриотическим и экологическим воспитанием молодежи занимается Творческий совет, созданный в марте 2018 г. на секретариате Союза писателей России по инициативе прозаика и главного редактора журнала о природе «Муравейник» Н. Н. Старченко¹⁷. В 2024 г. главным редактором стала Т. И. Грибанова. В дополнение к организации мероприятий в библиотеках и проведению конференций Союз уделяет особое внимание обсуждению новинок художественной литературы о родной природе. В связи с появлением «новых возможностей для углубленного изучения природы самого человека на новом, остро драматическом материале, Совет ставит своей целью на основе анализа произведений начала XXI века выявить основные тенденции развития российской литературы данного тематического направления»¹⁸.

В отношении детской литературы экологической направленности также был сделан важный шаг – в октябре 2022 г. председатель Союза детских и юношеских писателей С. А. Кривошлыкова и глава Всероссийского общества охраны природы (ВООП) В. А. Фетисов подписали договор о сотрудничестве, открыв новые горизонты для проведения совместных мероприятий экологической направленности¹⁹. Поддержкой литературного творчества, занимающегося формированием у подрастающего поколения от-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Творческий Совет по защите родной природы создан при Союзе писателей России // День Литературы : [сайт]. URL: <https://denliteraturi.ru/article/3147> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Литературный конкурс «ПрофДетЛит» с призовым фондом 3 130 000 рублей // Союз детских и юношеских писателей : [сайт]. URL: <https://souzdetlit.ru/конкурс/?ysclid=m33exbving722297464> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁴ Экологи рассказали, как любовь к природе стала модной тенденцией в России...

¹⁵ «Кладовая солнца» – конкурс в альманахе эколитературы // Lit.Center : [сайт]. URL: <https://lit.center/kladovaya-solnca-konkurs-v-almanah-eko-literatury/?ysclid=m1z55bx7f2187000412> (дата обращения: 25.11.2024).

ветственного отношения к природе, занимается Президентский фонд культурных инициатив.

Учреждение литературных премий по экологии в России наименее развито. На 2024 г. можно выделить только одну Всероссийскую литературную премию под названием «Душа Природы», действующую с 2022 г.²⁰ Она была учреждена для поощрения писателей, в своих произведениях раскрывающих всю красоту и уникальность природы России и побуждающих к бережному к ней отношению в течение пяти лет. При этом слово «Природа» указано в документах премии с большой буквы, что подчеркивает важность повышения уважения к животному и растительному миру. Инициаторами премии выступили Союз писателей России совместно с Администрацией Туймазинского района Республики Башкортостан, с местным отделением Русского географического общества и группой компаний «Нерал». В 2023 г. ими были организованы такие мероприятия, как конкурс «Экология. Творчество. Дети» и Международный экологический форум в Крыму «За наше будущее»: «Участники форума призвали международные правозащитные и экологические организации признать недопустимость экологических провокаций со стороны ВСУ, грозящих огромным экологическим ущербом»²¹. Таким образом, происходит тесное переплетение и взаимовлияние политического и экологического дискурсов в контексте специальной военной операции.

Еще одним направлением экологического просвещения становятся организации конкурсов экологической направленности и выдача грантов. Так, в 2016 г. был организован первый Всероссийский конкурс «ЭкоБиблиотека года»²². Его цель – стимулирование развития природоохранной и экологической деятельности в детских и юношеских библиотеках России, направленной на изучение, восстановление и сохранение окружающей среды через стимулирование экологического воспитания и осознанности у детей и подростков с помощью проведения экологических

акций, эковикторин, тематических книжных выставок, уборки территорий, сбора макулатуры и высадки деревьев. Помимо задачи экологического просвещения, решается и другая важная задача, необходимая для укрепления российской государственной идентичности, – детям с раннего возраста прививается любовь к чтению, что особенно важно в условиях доминирования социальных сетей в Интернете в качестве основного источника получения информации. В 2023 г. численность участников конкурса достигла 403 заявки от библиотек из 70 регионов страны (в 2022 г. подали 620 заявок от библиотек из 83 регионов, в 2021 г. – 202 заявки), что свидетельствует о заинтересованности населения в подобных программах.

Заключение

Потенциал влияния экологической идентичности человека на его общественно-политическую деятельность изучен еще недостаточно. Однако именно в ней можно найти ресурс для сплочения населения на основании экологического патриотизма. В связи с этим осуществление мер просветительского характера, направленных на ее «возращение», должно приобрести системный характер, а те инициативы и мероприятия, которые уже стали реализовываться, – получить более широкое распространение для всех возрастных групп. Их эффективность возможна только в случае взаимного сотрудничества, взаимодействия органов власти и общественности в лице творческих объединений и представителей экологического движения. На литературу возлагается роль формирования солидарной общественной позиции относительно бережного отношения к окружающей среде. Проведение Союзом писателей и коммерческими структурами мероприятий экологической направленности является одним из инструментов, с одной стороны, формирования ответственного потребления ресурсов природы, а с другой, воспитания чувства гордости за уникальную природу России. Но эффективность этих мероприятий удастся определить, когда они примут более системный характер. Встает вопрос о необходимости поиска экологических лидеров и освещении их деятельности в медиапространстве. Их отсутствие не позволяет достичь скоординированности разрозненных экологических объединений.

²⁰ Всероссийская литературная премия «ДУША ПРИРОДЫ» (2024) // Пиши. Про. Для писателей : [сайт]. URL: <https://konkursy.pishi.pro/vse-literaturnye-konkursy/vserossiyskaya-literaturnaya-premiya-dusha-prirodyi-68208/> (дата обращения: 25.11.2024).

²¹ Там же.

²² Всероссийский конкурс «ЭкоБиблиотека года» // ЭкоБиблиотека : [сайт]. URL: <https://ecobiblioteka.tilda.ws> (дата обращения: 25.11.2024).

Список литературы

1. Тулаева С. А., Снарский Я. А. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2022. Т. 14, № 3. С. 4–33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>
2. Ермолаева Ю. В., Лощинина Е. В. Трансформация экологической идентичности (на материалах интервью экологических деятелей) // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2024. Т. 16, № 2. С. 24–56. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2024-16-2-24-56>
3. Хайнацкая Т. В. Экологическая идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М. : Весь мир, 2023. С. 338–349.
4. Schulte M., Bamberg S., Rees J., Rollin P. Social identity as a key concept for connecting transformative societal change with individual environmental activism // *Journal of Environmental Psychology*. 2020. Vol. 72. Art. 101525. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101525>
5. Todd A. *Communicating Environmental Patriotism*. London ; New York : Routledge, 2014. 196 p. <https://doi.org/10.4324/9780203521694>
6. Волкова Н. П., Волкова А. А. Особенности реализации концепции устойчивого развития: проблемы и перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2023. Т. 1, № 3. С. 32–48. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-3-32-48>
7. Ларин В. Н. *Охрана природы России: от Горбачева до Путина*. М. : КМК, 2003. 416 с.
8. Семененко И. С. Политическая идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семененко*. М. : Весь Мир, 2017. С. 349–354. EDN: PNIWQP
9. Прокофьев Д. А. Кейс Греты Тунберг и противостояние фреймов в медиа освещении проблемы климатических изменений // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2023. № 1 (45). С. 99–109. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2023-1-1-99-109>, EDN: GQKYGO
10. Хайнацкая Т. И. Экологическая идентичность как ресурс кризисного регулирования // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2022. Т. 16, № 2. С. 14–26. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-14-26>
11. Тулаева С. А., Немировская А. В. «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2024. Т. 27, № 1. С. 216–246. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>, EDN: DGYITB
12. Сеелев И. В. Формирование экологических движений в Среднем Поволжье в период 1989–1991 // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2014. № 3 (16). С. 137–150. EDN: TGKMLV
13. Исмаилов Р. А., Иванова Ю. А., Вакула М. А. Экологический патриотизм современной молодежи // *Криминологический журнал*. 2023. № 3. С. 93–98. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-3-93-98>, EDN: HGOZAJ
14. Карпенко И. И., Меринов В. Ю. Экологическая проблематика публицистики С. П. Залыгина // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*. 2013. № 20 (163), вып. 10. С. 131–139. EDN: SCHMPZ

Поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024;
принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024;
accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 220–225

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 220–225

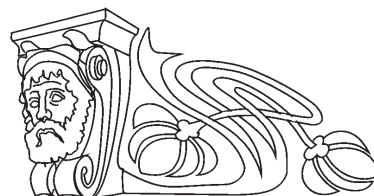
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-220-225>, EDN: XLWTH

Научная статья

УДК 327.3

Особенности современных подходов к понятию «цивилизационная идентичность»: отечественные и зарубежные исследования

И. М. Щербаков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Щербаков Илья Михайлович, аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов, специалист по УМР кафедры российской политики, scherbakovim@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9827-8603>

Аннотация. В настоящей статье рассматривается многообразие теоретических подходов к понятию «цивилизационная идентичность» в российских и иностранных исследованиях. Особое внимание уделено трактовкам понятия «цивилизационная идентичность» исследователей из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока. Это является важным в контексте ухудшения отношений России и стран Запада и, как следствие, осуществления в академической гуманитарной среде «поворота России на Восток», где одно из ключевых мест занимает поиск новых оснований для анализа понятия «цивилизационная идентичность» с опорой на культурные традиции и обычаи по подобию исследователей, этнически представляющих страны Глобального Юга. Результатом настоящего исследования является выработка на основе рассмотренных подходов обобщенного современного определения понятия «цивилизационная идентичность», которое базируется на комплексе принципов и ориентиров, используемых цивилизацией для сохранения своей социокультурной и политической самобытности в мировой истории. Кроме того, утверждается, что в текущих политических условиях данное определение в отдельных аспектах зафиксировано в документах стратегического планирования внешней политики отдельных стран (России, Турции). К таким документам следует относить принятую в 2023 г. Концепцию внешней политики России, Концепцию гуманитарной политики России за рубежом 2022 г., а также Краткий обзор внешней политики Турецкой Республики и политическую программу Партии справедливости и развития, одной из ведущих политических сил в турецкой политике.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, современные подходы, Россия, Турция

Для цитирования: Щербаков И. М. Особенности современных подходов к понятию «цивилизационная идентичность»: отечественные и зарубежные исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 220–225. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-220-225>, EDN: XLWTH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of modern approaches to the concept of “civilizational identity”: Russian and foreign research

I. M. Shcherbakov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Ilya M. Shcherbakov, scherbakovim@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9827-8603>

Abstract. In this article, the author examines the variety of theoretical approaches to the concept of “civilizational identity” in Russian and foreign studies. Special attention is paid to the interpretation of the concept of “civilizational identity” by researchers from the countries of the Asia-Pacific region and the Middle East. This is important in the context of the deterioration of relations between Russia and Western countries and, as a result, the implementation of the “turn of Russia to the East” in the academic humanitarian environment, where one of the key places is occupied by the search for new grounds for analyzing the concept of “civilizational identity” based on cultural traditions and customs in the likeness of researchers ethnically representing the countries of the Global South. The result of this study is to develop, on the basis of the considered approaches, a generalized modern definition of the concept of “civilizational identity”, which is based on a set of principles and guidelines used by civilization to preserve its socio-cultural and political identity in world history. In addition, the author argues that within the current political conditions, this definition is fixed in certain aspects in the documents of strategic planning of foreign

policy of individual countries (Russia, Turkey). Such documents should include the Concept of Russia's Foreign Policy adopted in 2023, the Concept of Russia's Humanitarian Policy Abroad in 2022, as well as a Brief overview of the foreign policy of the Republic of Turkey and the political program of the Justice and Development Party, i.e. one of the leading political forces in Turkish politics.

Keywords: civilizational identity, modern approaches, Russia, Turkey

For citation: Shcherbakov I. M. Features of modern approaches to the concept of "civilizational identity": Russian and foreign research. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 220–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-220-225>, EDN: XLWHTT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В академической гуманитарной среде сегодня часто поднимается вопрос о том, что в международной системе в первой четверти XXI в. происходят существенные изменения, влияющие на внешнюю политику государств. Важной стороной пересмотра устоявшихся основ внешнеполитических курсов государств на современном этапе стало обращение к ценностям, связанным с принадлежностью к определенным цивилизациям. То, что в середине 1990-х гг. американский политолог С. Хантингтон [1] в своей концепции «столкновения цивилизаций» рассматривал в качестве прогноза будущего развития международной политики в XXI в., сегодня становится одним из системообразующих элементов взаимоотношений государств.

Немаловажными факторами, влияющими на активизацию проявления цивилизационных идентичностей во внешней политике современных государств, являются фундаментальные процессы, протекающие в мировой экономике и мировой политике в первой четверти XXI в. Во-первых, кризис международной финансово-экономической системы проявляется в возрастании государственного долга крупнейших экономик мира и расширении практики использования протекционизма и санкционного давления со стороны США и Евросоюза. Во-вторых, усиливается стратегическое соперничество между США и Китаем, проявляющееся в ключевых регионах мира. В-третьих, агрессивное навязывание странами Запада другим государствам своих ценностей влияет на обращение этих государств к традиционным ценностям, которые продвигаются политическим руководством этих стран и поддерживаются значительной частью их населения. В частности, сегодня целесообразно говорить об активизации проявления цивилизационных идентичностей во внешней политике таких стран, как Китай, Индия, Россия, Турция. В-четвертых, одним из ключевых факторов, оказавших непосредственное влияние на обращение к основам цивилизационных идентичностей во внешней

политике Российской Федерации и Турецкой Республики в первой четверти XXI в., является отказ Европейского союза от развития отношений интеграции на равноправной основе с данными странами. В этих условиях происходит активизация цивилизационных идентичностей во внешней политике России и Турции.

США и европейские государства, которые де-факто объявили себя победителями в холодной войне в начале 1990-х гг., начали руководствоваться принципами однополярного мирового порядка, где системообразующим элементом становится лидерство первых. Практически данные идеи нашли свое выражение в политике расширения Организации Североатлантического договора (НАТО) на восток и включения в ее состав государств из Восточной Европы и Прибалтики в период 1990–2000-х гг. Несмотря на многочисленные попытки политического руководства России найти общий язык со странами Запада [2], НАТО захотела включить в свой состав еще и такие государства, как Грузия и Украина, что вошло в противоречие с национальными интересами России. Кроме того, усиление конфликтной природы отношений стран Запада и России продолжилось в рамках событий Евромайдана на Украине в 2013–2014 гг. Последствиями данной конфронтации стали введение правительством Украины ограничений на использование русского языка и русских культурных продуктов в целом, создание в 2018 г. Православной церкви Украины, получившей статус автокефальной церкви, а также резкое сокращение гуманитарных контактов между Украиной и Россией. Таким образом, конфигурация обозначенных негативных факторов, проявившихся в отношениях между странами Запада и Россией за последние несколько десятилетий, подтолкнули нашу страну обратиться к поискам альтернативных подходов к описанию собственной цивилизационной идентичности, учитывающей происходящие сегодня процессы в международных отношениях.

В определенной степени подобная конфигурация отношений в первой четверти XXI в. стала касаться и Турецкой Республики. Идеей перестроения во внешнеполитическом дискурсе Турции ознаменовались пересмотром дрейфования в сторону выстраивания общей со странами Запада цивилизационной идентичности. Одним из ключевых факторов, подтолкнувших к возникновению идейных перестроений, стал отказ Европейского союза в принятии Турции в состав стран-членов. Кроме того, события «Арабской весны», начавшиеся в 2010 г. на территории стран Ближнего Востока и Северной Африки, переориентировали турецких политиков на решение проблем, связанных с взаимодействием с новыми политическими режимами (например, в Египте, Ливии). Результатом обозначенного пересмотра стал поиск альтернативных путей конструирования цивилизационной идентичности Турции с учетом изменившейся политической обстановки. Ведущую роль среди внешнеполитических традиций в период с 2010-х по первую четверть 2020-х гг. стали играть идеи неоосманизма. Ключевой характеристикой данной идеи стало создание такой конфигурации цивилизационной идентичности Турции, в основе которой лежит выстраивание взаимовыгодных отношений со странами-соседями с целью вовлечения их в турецкую орбиту влияния. При этом отношения со странами Запада не носят характер приоритетных, а являются лишь одним из равных по важности направлений реализации Турцией своей внешней политики. Как точно выразился российский политолог В. А. Аватков, неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа [3, с. 74]. В то же время принципиальным остается вопрос, на каких основаниях базируется современное определение понятия «цивилизационная идентичность» государства в рамках изменяющегося контекста международных отношений?

В отечественных исследованиях первой четверти XXI в. понятие «цивилизационная идентичность» имеет разнообразие существующих трактовок, каждая из которых раскрывает только один из аспектов данного понятия. И хотя регламент статьи не позволяет показать в полном объеме многообразие этих подходов, тем не менее, целесообразно сконцентриро-

ваться на тех, которые наиболее точно с научной точки зрения раскрывают содержание цивилизационной идентичности государства как понятия.

Российский философ И. В. Кондаков предлагает рассматривать понятие «цивилизационная идентичность» через оптику трехкомпонентной модели. Он утверждает, что цивилизационная идентичность является комплексным понятием, которое объединяет такие виды идентичностей, как этнонациональная, конфессиональная, социально-политическая, региональная идентичности под своей эгидой [4, с. 282]. Структура цивилизационной идентичности состоит из трех элементов: менталитета, локалитета и глобалитета. Менталитет цивилизационной идентичности представляет собой выражение определенной формы самосознания той или иной цивилизации. Локалитет цивилизационной идентичности базируется на соотношении себя (определенной цивилизации) с другими цивилизациями и окружающей действительностью, репрезентации мировой культуры в своем конкретном локусе. Глобалитет цивилизационной идентичности показывает тот вклад, который локальная цивилизация вносит в мировую культуру через осуществление определенной надлокальной миссии [4, с. 283–284]. Важной особенностью, отмечает И. В. Кондаков, для цивилизационных идентичностей современных государств является то, что для некоторых полиэтнических и поликонфессиональных стран (Россия, США, Канада, большинство государств Западной Европы) характерно отсутствие тождественности между собственно цивилизационной идентичностью государства и его этнической, конфессиональной или культурной идентичностями. Таким образом, цивилизационные идентичности полиэтнических и поликонфессиональных государств являются многосоставными, где важную роль играет устройство специфического для конкретной цивилизации социально-политического порядка.

Раскрытие идейно-ценностной составляющей понятия «цивилизационная идентичность» осуществляет отечественный политолог, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета А. А. Мишучков. В рамках своего подхода он идентифицирует данное понятие в качестве гуманитарной категории, выражающей культурно-символическую систему единства общества и личности на основе чувства при-

надлежности второй к определенной макрообщности [5, с. 249]. Структура цивилизационной идентичности государства подразделяется на несколько уровней функций (уровни государственной безопасности, общественной безопасности и безопасности личности). На уровне государственной безопасности она обеспечивает широкое гражданское согласие и координацию управления политических сил и групп в стране. Существование цивилизационной идентичности на уровне общественной безопасности базируется на способствовании эффективной работе общественных институтов и поддержании у последних диалога между собой. На уровне безопасности личности функции цивилизационной идентичности проистекают из складывания у личности правовых и нравственных норм, позволяющих первой развиваться как отдельных носитель данной цивилизационной идентичности [5, с. 246].

Российский исследователь В. Л. Цымбурский, характеризуя понятие «цивилизационная идентичность», утверждает, что оно обозначает принадлежность индивида, этноса или государства к определенной цивилизации. Цивилизационная идентичность, как фундамент цивилизации, имеет ряд специфических параметров: привязка общности (представителей данной цивилизации) к определенному географическому ареалу, а также наличие религий, идеологий, особых культурных и социальных практик. В комплексе обозначенные параметры представляют собой особый образ конкретной социальной общности, претендующей на всемирную значимость и выходящей за политические рамки существования собственной цивилизации [6, с. 80]. В данном подходе В. Л. Цымбурский показывает базис глобальной деятельностно-геополитической составляющей цивилизационной идентичности, поскольку ученый в своем определении данного понятия ориентируется на характер миссии, которую несет та или иная цивилизация, внося, таким образом, свой вклад в мировую культуру.

Обращаясь к зарубежным трактовкам понятия «цивилизационная идентичность», научный сотрудник департамента международных отношений в Колледже Азии и Тихого океана Австралийского национального университета Ф. О'Хаган предлагает рассматривать два тренда в исследовании цивилизации и цивилизационной идентичности как понятий. Первый тренд заключается в использовании понятия

«цивилизация» как способ изучения существующих интересов и идентичностей современных государств. В рамках данного тренда происходит понимание содержания таких вопросов, как идеологические особенности существования современных цивилизаций, их политические границы и характеристика культурного взаимодействия цивилизаций. Вторым трендом базируется на объединении понятий «цивилизация» и «цивилизационная идентичность» в контексте динамики развития политических институтов современных государств (формы правления, типа политического режима). В частности, Ф. О'Хаган делает акцент на оценке качества данных институтов через сравнение с определенным цивилизационным эталоном, которым является цивилизация стран Запада [7, р. 17]. Таким образом, в рамках обозначенного подхода Ф. О'Хаган, как и российский ученый А. А. Мишучков, рассматривает возможность существования идейно-ценностной составляющей цивилизационной идентичности. Австралийский исследователь под ней подразумевает идейный теоретический базис определенной цивилизации.

Почетный профессор факультета политологии Университета Аархуса (Дания) М. Мозаффари в рамках своего подхода уравнивает понятия «цивилизация» и «цивилизационная идентичность» [8]. Он определяет первое как особое видение мира, реализованное в историческую формацию. Под исторической формацией цивилизации в работе данного ученого понимается стадия общественного развития определенной цивилизации, тесно связанная с социально-историческим контекстом эпохи, в котором существовала сама цивилизация [9, с. 44]. Ученый предлагает рассматривать цивилизационную идентичность государств в рамках формационного подхода, где возможно идентифицировать фундамент первой посредством подчеркивания особой исторической эпохи существования данной цивилизации и уникальности взгляда на мировое развитие ее представителями в эту эпоху [8, р. 26]. В рамках своего подхода М. Мозаффари подсвечивает особенности деятельностной и глобальной составляющих понятия «цивилизационная идентичность». С помощью формационного подхода он обозначает существование смены приоритетов во взаимодействии разных цивилизаций (как отдельных формаций) в зависимости от социально-исторического контекста. Кроме

того, М. Мозаффари дополняет свой подход понятием «особое видение мира», которое, по нашему мнению, является выработкой глобальной составляющей цивилизационной идентичности, которую цивилизация, как источник последней, поддерживает в межкультурной коммуникации. Данный взгляд в отдельных аспектах пересекается с подходом В. Л. Цымбурского, обозначенным выше, поскольку он, как и М. Мозаффари, в контексте определения цивилизационной идентичности государства включает элемент геополитического противоборства носителей разных цивилизационных идентичностей.

Доцент истории и политики Университета Вуллонгонга Г. Мелльеш выдвинул свой подход к определению понятия «цивилизационная идентичность». Он, также отождествляя данное понятие с понятием «цивилизация», утверждает, что цивилизации не являются централизованными образованиями наподобие государств, которые могут наделяться определенной политической или военной мощью. Цивилизации должны рассматриваться как особый способ понимания народов и обществ, которые составляют эту цивилизацию [10, р. 110]. Несмотря на то, что Г. Мелльеш отказывается отождествлять цивилизацию как понятие с государством, в своем исследовании он рассматривает в отдельных аспектах идейно-ценностную составляющую цивилизационной идентичности посредством понимания уникального комплекса идей и ценностей, принятых в каждой цивилизации (будь то отдельное государство или совокупность государств). Как и в подходе И. В. Кондакова в отношении локалитета цивилизации, у Г. Мелльеша данный комплекс идей и убеждений является характеристикой, позволяющей отличать поведение одной цивилизации от другой.

В документах стратегического планирования внешней политики отдельных современных государств встречаются имплементированные элементы обозначенных выше подходов исследователей к понятию «цивилизационная идентичность». В Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2023 г., заявлены относительно четкие границы локалитета цивилизационной идентичности Российского государства. В частности, в документе заявляется о наличии таких характеристик России, как «обширная евразийская

держава», «евро-тихоокеанская держава», имеющая тесные культурные связи с Европой и, несмотря на происходящий кризис отношений между Россией и последней, является частью ее социокультурного пространства¹. Далее, в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, принятой в 2022 г., зафиксированы элементы глобальной составляющей цивилизационной идентичности, которая базируется на многовековой истории гармоничного сосуществования в нашей стране различных народов, этнических групп и вероисповеданий, сохранении обычаев и традиций, присущих Российскому государству².

Что касается документов стратегического планирования Турецкой Республики, то здесь целесообразно обратиться к Краткому обзору внешней политики Турции, составленному Министерством иностранных дел Республики на основе существующих направлений ведения внешней политики Турецкой Республики. В частности, высокая предсказуемость и маневренность современной турецкой дипломатии основывается на глубокой погруженности в национальные традиции Турции, помноженные на такие факторы, как центральное географическое положение, богатая история, надежные институты, а также сильные человеческие ресурсы и динамичная экономика³. Кроме того, турецкие политики одной из ведущих политических сил Турецкой Республики – Партии справедливости и развития, возглавляемой президентом страны Р. Т. Эрдоганом, – выступают за сохранение стабильности в регионе посредством поддержания позитивных отношений как со своими соседями (тюркскими республиками Центральной Азии), так и с европейскими союзниками по НАТО⁴. Данное основание является элементом глобальной миссии, которую Турция осуществляет сегодня.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 31.03.2023). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.06.2024).

² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2022). URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#-pnum=0001202209050019> (дата обращения: 22.06.2024).

³ Краткий обзор внешней политики Турции // Официальный сайт Министерство иностранных дел Турецкой Республики. URL: <https://www.mfa.gov.tr/russian.en.mfa> (дата обращения: 22.06.2024).

⁴ Ak Parti Çubuk İlçe Başkanlığı. URL: <https://www.akparticubuk.org/parti-programi> (дата обращения: 21.05.2024).

Подводя итоги, целесообразно утверждать, что на базе рассмотренных подходов исследователей к понятию «цивилизационная идентичность» сегодня данное понятие, по нашему мнению, представляет собой систему сложившихся исторических и культурных традиций, отличающих одно государство от другого и обеспечивающих политическую независимость и социокультурную самобытность конкретного государства в мировой истории, которая влияет на практическую реализацию внешней политики этим государством. Данное понятие структурно подразделяется на идейно-ценностную, локальную деятельностно-геополитическую и глобальную деятельностно-геополитическую составляющие, каждая из которых последовательно раскрывает содержание цивилизационной идентичности в теоретическом, а также локально – и глобально-практическом планах. Сегодня данная конфигурация принципов и инструментов проявляется в процессе осуществления стратегического планирования России и Турции и позволяет последним приобщиться к историческим истокам своей культуры, обуславливающим выстраивание политиками соответствующего перечня приоритетов во внешней политике Москвы и Анкары в первой четверти XXI в.

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
2. Братерский А. Россия и НАТО: как удержаться от войны // Газета.ру, 22.06.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/06/22_a_12434671.shtml (дата обращения: 22.06.2024).
3. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78. EDN: TNENSR
4. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 282–304. EDN: NQXEOJ
5. Мишучков А. А. Цивилизационная идентичность в системе общественной безопасности России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 244–250. EDN: TNZGND
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. Т. 2. Е–М. М. : Мысль, 2001. 636 с.
7. O'Hagan J. Discourses of Civilizational Identity // Civilizational identity: The production and reproduction of "civilizations" in international relations / ed. by M. Hall, P. T. Jackson. New York : Palgrave Macmillan, 2007. P. 15–31. https://doi.org/10.1057/9780230608924_2
8. Mozaffari M. Globalization and Civilizations. 1st ed. London : Routledge. 288 p. <https://doi.org/10.4324/9780203217979>
9. Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 2000, № 4 (21). С. 5–47. EDN: WCMTJP
10. Melleuish G. The Clash of Civilization: A Model of Historical Development? // Thesis Eleven. 2000. Vol. 62, iss. 1. P. 109–120. <http://doi.org/10.1177/0725513600062000007>

Поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024;
принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024;
accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 226–230

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 226–230

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-226-230>, EDN: YHCAIC

Научная статья

УДК 329.7

Правый популизм и «системные» правые в контексте партийных движений США и Канады: возможность идентификации концептуальной разницы

А. М. Волошина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Волошина Анна Михайловна, аспирант кафедры сравнительной политологии, an.vol171201@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1594-2548>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем выявления и анализа правопопулистских течений в условиях кризиса традиционных демократий и попыток нахождения новых путей привлечения электората. С падением явки на выборах, снижением доверия избирателей, ростом антиэстаблишментовых настроений, развитием политических технологий, в условиях повсеместного распространения правого популизма перед системными партиями стоит задача удержания голосов населения в новых условиях. Дональд Трамп стал первым сигналом радикальной трансформации политического участия и партийной системы США. С момента президентских выборов в 2016 г. популизм стал неотъемлемой частью политики США, а также Канады, в которой до 2021 г. данное движение представлялось невозможным как концепт ввиду мультикультурализма и сильной поляризации внутри различных групп населения. Опираясь на анализ ключевых акторов среди популистов и традиционных представителей правого спектра в партийных системах США и Канады, предпринята попытка проверки возможности выделения концептуальных различий между ними применительно к проблематике построения теории популизма.

Ключевые слова: правый популизм, консерватизм, партийная система США, партийная система Канады, Республиканская партия США, Консервативная партия Канады

Для цитирования: Волошина А. М. Правый популизм и «системные» правые в контексте партийных движений США и Канады: возможность идентификации концептуальной разницы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 226–230. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-226-230>, EDN: YHCAIC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Right-wing populism and the mainstream right in the USA and Canada party systems' context: Possibility of Identifying conceptual difference

A. M. Voloshina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anna M. Voloshina, an.vol171201@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1594-2548>

Abstract. The article analyses existing problems of identification and analysis of the right-wing populism in the context of traditional democracies' crisis and the attempts of searching for the new ways to attract the electorate base. With a drop in turnout in elections, a drop in voter confidence, an increase in anti-establishment sentiments, as well as the development of political technologies, in the face of popularity of right-wing populism, the mainstream parties are faced a challenge of retaining the votes of general population in new conditions. Donald Trump was the first signal of a radical transformation of American participation and party system. Seven years after the 2016 elections, populism has become an integral part of the politics of the United States, as well as Canada, in which, until 2021, this trend seemed impossible as a concept because of multiculturalism and strong polarization within various social groups. Based on the analysis of the main actors among populists and traditional representatives of the right spectrum in the party systems of the United States and Canada, an attempt was made to test the possibility of highlighting conceptual differences between them applicable to the problem of constructing the theory of populism.

Keywords: right-wing populism, conservatism, USA party system, Canadian party system, The Republican Party of the USA, The Conservative Party of Canada

For citation: Voloshina A. M. Right-wing populism and the mainstream right in the USA and Canada party systems' context: Possibility of Identifying conceptual difference. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 226–230 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-226-230>, EDN: YHCAIC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Правый популизм является проблемой современной политической теории и практики, волнующей исследователей в самых разных областях, от политологов и социологов до историков. По замечанию Эрнесто Лакло, популистские течения возможно идентифицировать на интуитивном уровне, однако «пытаясь перевести интуицию в концепции» [1, р. 143], ученые оказываются перед препятствием в виде постоянной изменчивости феномена. Правый популизм в терминах идеологии является крайне гибким конструктом, позволяющим политикам в новый век технологий оперативно реагировать на изменчивость информационной повестки, включая в дискурс новые ее интерпретации. Что также принципиально отличает популизм от другой строгой идеологии, так это высокая адаптивность не только содержания, но и формы, вбирающей в себя конструкты из различных традиционных политических течений для создания нарратива, откликающегося у «усредненного» большинства людей. Мы можем говорить о современном популизме, левом и правом, как о продукте общества постмодерна [2, с. 172]. Жан Бодрийяр считал одним из основных свойств симулякра способность маскировать отсутствие реальности [3, с. 7]. Популизм в рамках «метапроблемы»: заговора элит, мигрантов, глобалистов и т.д., конструирует собственную реальность со своими акторами «поверх» обыденной, таким образом, заменяя ее для электората интерпретацией, подающейся как «истинное» положение дел. При этом популизм, для элит представляющий явление саботажа и «вредительства» в политической системе, не полагается на дезинформацию как ключевую основу своей деятельности, он является продуктом общественной жизни, аккумулируя в себе настроения низового избирателя, а потому и полагаясь на его доверие [2, с. 158].

Дихотомическая сложность популизма ставит в тупик многих исследователей на этапе выделения популистских практик в традиционных политических течениях. В рамках данного исследования предлагается рассмотреть разницу подходов традиционных правых политиков и политиков, считающихся популистами, для вывода о возможности проведения концептуальной разницы между ними на примере Республиканской партии США и Консервативной партии Канады.

Между партиями консервативного толка в США и Канаде есть определенное сходство,

фракционно их можно разделить: в случае Республиканской партии США на оказывающих идеологическую поддержку или сопротивление Трампу и исходя из этого крайне правых или умеренно правых; в случае Консервативной партии Канады – на «умеренных» и крайне правых тори. Республиканцы, не поддерживающие Трампа, как правило, не высказывают активного протеста правительству по отношению к внешней политике, экономике, критикуя демократов, но не призывая к активным переменам, в то время как трамписты более решительны в своих требованиях и выступают за значительное сокращение участия США в НАТО, вплоть до прекращения существования Альянса, участия США в НАФТА, за прекращение конфликта на Украине как противоречащего американским интересам, которые должны быть обращены на развивающееся экономическое и культурное противостояние с Китаем, и т.д. Сторонники Трампа более склонны к активной критике правительства как ведущего страну к пропасти, склонны делать радикальные для умеренных республиканцев прогнозы о падении влияния США на мировой арене и даже крахе как державы-гегемона в случае отсутствия адекватного ответа на существующие вызовы, который способна дать только их фракция. Наибольший консенсус между разными течениями внутри партии прослеживается по вопросам границы с Мексикой, миграционной политики, глобального потепления.

Дональд Трамп, ключевая фигура американского и глобального правого популизма, положивший начало возрождению движения в современном виде, в своих политических выступлениях позволяет себе оценочные суждения, «крылатым» выражением по отношению к оппонентам стала их оценка как «nasty people» («неприятные люди»), кроме того, Трамп активно использует в речах лексику, находящую отклик у радикально настроенных граждан: «победа», «борьба». Выступая поборником правды и справедливости в антагонизме элитам, Трамп создал социальную сеть со словом «правда» в названии – «Truth Social», организовал кампанию вокруг обвинения демократов в фальсификации выборов 2020 г., лозунг «False elections» вошел в обиход не только среди его сторонников, но и среди сопартийцев. Согласно оценке издания The Washington Post, на третьи праймериз 2022 г. избиратели отдали предпочтение по меньшей мере 108 республиканцам

на посты муниципального и федерального уровней, придерживающихся дискурса сфальсифицированных выборов. Если брать в расчет также тех политиков, что активно выступали за ужесточение избирательного законодательства без прямых обвинений демократов в подтасовке голосов, общее число избранных кандидатов возрастает до 149¹.

3 декабря 2022 г., после публикации Илоном Маском «файлов Twitter», Трамп возмущился фальсификацией выборов и опубликовал в Truth Social призыв к «отмене всех правил, положений и статей, даже тех, что содержатся в Конституции»². 4 марта 2023 г. в своей речи в рамках ежегодного съезда консерваторов, аккумулирующей в себе все элементы популистского дискурса, а также всю политическую программу бывшего президента США, Трамп назвал современное американское государство «преступным», пообещал «освободить Америку» от захвативших власть «злодеев». Кроме того, он раскритиковал действующего президента Байдена за неспособность справиться с политическими вызовами, среди которых украинский кризис. «Я единственный кандидат, который может дать это обещание: я очень легко предотвращу Третью мировую войну, – сказал он, – а вы, кстати, получите Третью мировую»³.

В связи с обвинениями, предъявленными Трампу в марте 2023 г., помимо основных лозунгов, был также создан хэштег Not Guilty (не виновен), но такого распространения, как «сфальсифицированные выборы» он не получил, хотя также может быть активно задействован в дальнейшем при обострении политической ситуации. Кроме того, Трамп опубликовал заявление, в котором здесь и далее назвал обвинительное заключение «политическим преследованием» и заявил, что оно возымеет «серьезные неприятные последствия» для Джо Байдена⁴.

¹ More than 100 GOP primary winners back Trump's false fraud claims. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/06/14/more-than-100-gop-primary-winners-back-trumps-false-fraud-claims/> (дата обращения: 20.03.2024).

² White House rebukes Trump's suggestion to suspend Constitution over 2020 election. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/12/03/trump-constitution-truth-social/> (дата обращения: 26.04.2024).

³ Trump Speaks at CPAC 2023 Transcript. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/trump-speaks-at-cpac-2023-transcript> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴ Trump denounces indictment as 'political persecution'. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/30/nyregion/trump-indictment-response.html> (дата обращения: 09.04.2024).

Губернатор Флориды Рон Десантис, с другой стороны, исследователями оценивался как ожидаемый фаворит республиканцев на выборах 2024 г. Им была предпринята стратегия перехвата электората Трампа при противопоставлении себя ему по политическому стилю и позиции в некоторых ключевых вопросах. Так, он выбрал стратегию избегания темы фальсификации выборов 2020 г., концентрируясь взамен на вопросах избирательного законодательства⁵. В то же время Десантис во время праймериз 2022 г. оказывал активную поддержку тем своим сопартийцам, что придерживаются данного нарратива: Кэри Лейк в Аризоне, Дугу Мастриано в Пенсильвании, Джей Ди Вэнсу в Огайо.

Десантис занял схожую с Трампом позицию по Украине, подаваемую под более удобным для Республиканской партии углом. Называя происходящий конфликт «территориальным спором», за что позже был раскритикован истеблишментом, он следом нивелировал угрозу от России [4], за что был также жестко раскритикован, но уже своим соперником, Трампом, который известен за восприятие РФ как серьезного соперника на мировой арене. При этом, однако, Десантис также не отвечал требованиям партийной линии, которая находится в стадии активного запроса на политика-«Рейгана», как М. Помпео, М. Пенс, активно выражающих позицию о необходимости продолжения активного вовлечения США в конфликт с Россией.

В вопросе остро стоящего перед администрацией Байдена и властями приграничных южных штатов миграционного кризиса Десантис также сблизился со своим конкурентом-популистом, создавая нарративы в рамках получившей широкое распространение при Трампе «политики страха» [5, р. 85]. Используя язык рациональности, менее эмоционально окрашенный, чем речевые конструкции Трампа, Десантис, тем не менее, апеллировал к «защите» сообществ и предприятий от «угроз», создаваемых нелегальной миграцией⁶, на законодательном уровне были приняты меры о запрете на оказание любой помощи нелегальным мигрантам, которые критиками оценивались

⁵ DeSantis won't say if he thinks 2020 was rigged. But he's campaigning for Republicans who do. URL: <https://www.politico.com/news/2022/08/17/desantis-wont-say-if-2020-was-rigged-but-hes-campaigning-for-republicans-who-do-00052266> (дата обращения: 28.04.2024).

⁶ He feels unstoppable: DeSantis plans to export his chilling immigration policies to the nation. URL: <https://amp.theguardian.com/us-news/2023/apr/14/ron-desantis-immigration-laws-florida> (дата обращения: 14.04.2024).

как радикальные и способные привести к росту дискриминации по этническому признаку и падению экономики Флориды⁷.

В качестве целевого электората Десантисом были выбраны такие социальные категории, как белые евангелисты и другие представители традиционалистских течений – республиканцев, но не трампистов. В 2023 г. им был подписан шестинедельный запрет на искусственное прерывание беременности во Флориде как инструмент привлечения консервативных христиан. Мораторий на аборты оказал отрицательный эффект на имидж Десантиса, Д. Трампом был также оценен как слишком суровый. Выбор целевой аудитории был сделан неверно: помимо того, что резкая смена взглядов с умеренного консерватизма на религиозный не была воспринята убедительно евангелистами, Десантис потерял в потенциальных голосах избирателей-центристов и возможности дополнительного спонсирования кампании. В январе 2024 г., согласно некоторым опросам общественного мнения, рейтинг Десантиса опустился на третью строку после Никки Хейли, которая заняла уступленную им нишу умеренно-консервативного электората, однако в марте 2024 г. и она завершила кампанию в пользу Д. Трампа.

Популисты в Канаде, главным образом, устраивают политическую кампанию и имидж на противопоставлении себя традиционным консерваторам, и здесь Канада ближе к европейской модели возникновения популизма в политике, чем к американской. Если в американском популизме мы видим попытку оставаться в русле «единой» партии, где идет традиционная для нее политическая борьба, то в канадском популисты позиционируют себя как политиков-носителей «новой», альтернативной идеологии. Это справедливо для случая Народной партии, возглавляемой Максимом Бернье, бывшим членом Консервативной партии. Результат выборов 2021 г., однако, был неутешителен как для движения, так и для самого лидера, претендующего на звание выразителя народного мнения, несмотря на то что оно запустило механизм мобилизации радикально правого электората, нашедший выражение в массовых протестах 2022 г.

Американский вариант определения себя в политической системе и реализации популистского дискурса тем временем избрали тори

крайне правого толка внутри Консервативной партии. В Канаде досрочные выборы 2021 г. в разгар пандемии некоторые эксперты, несмотря на очевидный мотив в виде попытки либералов перехватить большинство, называли отличной возможностью для консерваторов одержать верх⁸. Однако их исход выявил в полной мере глубину консервативного кризиса, выражением которого стала кампания Э. О’Тула, в которой он, изначально подававший себя как «истинно синий» консерватор, занял центристскую позицию и провел уверенную, но недостаточно яркую кампанию, став «жертвой» того, что среди консерваторов за почти двадцать лет существования партии не сложилось консенсуса по поводу стратегического идейного направления партии. Консерваторам необходимо было сформулировать рациональную и убедительную позицию по целому ряду вопросов в условиях роста радикально правых популистских течений, способных предложить части разочарованных «синими либералами» избирателей привлекательную идейную базу.

Пьер Пуальевр – давний член парламента от Оттавы, начавший свою политическую кампанию всего через пару дней после отставки Эрина О’Тола, довольно энергичный политик, собиравший нетипичные для кандидатов в гонке за лидерство в партии тысячные митинги по всей Канаде. В число его предвыборных обещаний вошли отмена федерального налога на выбросы углекислого газа, или углеродного налога, стабилизация цен на жилье, обеспечение энергетической независимости Канады, создание условий для быстрой адаптации мигрантов, обеспечение свободы слова в университетах и т.д. Выбор апеллируемых тем в программе ввиду обширности позволил охватить не только традиционную целевую аудиторию консерваторов, но также молодых людей, что позволило оппонентам внутри партии обвинять Пуальевра в популизме⁹. Пьера Пуальевра поддерживали радикальные религиозные консерваторы, с одной стороны, и умеренные, с другой, но именно популистские тезисы позволили ему продвигаться вверх по внутрипартийной иерархии. Преимуществом Пуальевра по сравнению с

⁸ The Conservatives’ opportunity and the Liberal imperative // Maclean’s, 2021. URL: <https://www.macleans.ca/opinion/federal-election-2021-the-conservatives-opportunity-and-the-liberal-imperative/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁹ Pierre Poilievre is popular for a reason // National Post, 2022. URL: <https://nationalpost.com/opinion/rupasubramanya-pierre-poilievre-is-popular-for-a-reason> (дата обращения: 20.05.2024).

«умеренным» О'Тулом стала четкая правая консервативная позиция по ряду важных вопросов, что также привлекло избирателей среди однопартийцев.

С момента избрания П. Пуальевра сместил фокус по отдельным проблемам социальной и миграционной политики, обращаясь к идеям доступного жилья, мультикультурализма для привлечения более широких слоев электората: молодежи, населения либерального Большого Торонто, а также женщин и избирателей старше 50 лет.

Поляризующая риторика П. Пуальевра на сессиях Парламента, в социальных сетях и на собраниях сторонников встречает больший отклик, чем умеренная риторика Дж. Трюдо в период кризиса политической системы. В речах Пуальевра фигурируют такие политические ярлыки и выражения, как «авторитарный социализм», «слабый премьер-министр», «бюрократы», «потеря контроля».

Согласно опросам, на второе полугодие 2024 г. рейтинг поддержки П. Пуальевра среди населения Канады составил 44%, против 25% Дж. Трюдо и 23% Дж. Сингха, союзника Трюдо по блоку Либеральная партия-НДП. Опросы, проводимые перед отставкой Дж. Трюдо с поста главы Либеральной партии и премьер-министра Канады, показали 68% поддерживающих его уход. Выше всего данный показатель в провинции Альберта и в Атлантических провинциях – 79 и 76% соответственно¹⁰.

Таким образом, концептуальная разница даже между конкурентами в рамках партии может быть размыта и не позволяет выделить фундаментальные различия, поскольку и системные политики полагаются на популистские тезисы для поддержания своей конкурентоспособности в современной политической обстановке. Тем не менее меньшая апелляция к эмоциям и приверженность партии при некоторых расхождениях, не критичных для общей картины, может считаться признаком, по которому возможно провести границу между современным правым популистом и консерватором. Популисты создают эффект представления интересов

народа в закрытой для него системе, акцентируя внимание на антагонизме «свой-чужой», где он, несмотря на свое положение, является «своим». Первоочередная задача, которая состоит перед традиционными акторами в новые времена, сопряженные с глобализацией, ростом технологий и влияния социальных сетей на политические кампании, ростом популистских настроений, – возвращение и удержание доверия электората. Антиистеблишментовые течения обвиняют медиаэлиты в пропаганде антинародных ценностей и поддержке «существующего порядка», а также в политической цензуре, усиливая разрыв между системными партиями и населением. Компенсировать этот разрыв политики в США и Канаде пытаются, заимствуя у «врага» лучшие его практики, в каждом отдельном кейсе успех такого заимствования, равно как долгосрочного развития данной тенденции, непредсказуем. На примере победы Д. Трампа в выборах 2024 г. мы наблюдаем успех правого популизма как идеологии и стратегии ведения политической кампании против попыток имитации отдельных его элементов, а также возросшую зависимость институциональных политических партий от личности лидера, в Канаде кризис либерального руководства также является «окном возможностей» для выхода правого популизма во власть в лице Пьера Пуальевра.

Список литературы

1. Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism – Fascism – Populism. London : NLB, 1977. 203 p.
2. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб. : Скифия-принт, 2018. 216 с. EDN: YTTLGX
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Постум, 2015. 238 с. (Технология свободы).
4. DeSantis R. Russia is a gas station with a bunch of nukes. URL: <https://www.agenzianova.com/en/news/ron-desantis-russia-and-a-gas-pump-with-a-bunch-of-nukes/> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Altheide D. L., Merkovity N. Politics of Fear and Attention-Based Politics Promote Donald Trump and Other Right-Wing Autocrats // Revista Latinoamericana de Estudios sobre Cuerpos, Emociones y Sociedad. № 40. An ò 14. Diciembre 2022 – Marzo 2023. Argentina. P. 83–96.

¹⁰ Poilievre Top Choice for Best PM in Canada // Ipsos, 2024. URL: <https://www.ipsos.com/en-ca/poilievre-top-choice-for-best-pm-in-canada> (дата обращения: 25.10.2024).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 231–237

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 231–237

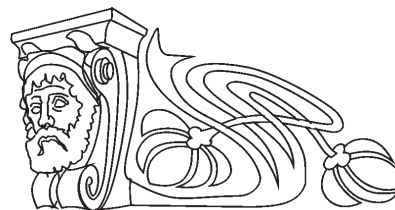
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-231-237>, EDN: RWCACQ

Научная статья

УДК 32.019.5

Основные подходы к политической пропаганде в сети Интернет в российском экспертном сообществе

Ф. С. Рубцов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рубцов Федор Сергеевич, аспирант кафедры политических наук, fedor_rubtcov@inbox.lv, <https://orcid.org/0000-0003-3717-4306>

Аннотация: В статье представлены результаты авторского исследования, осуществленного методом анонимного опроса ведущих отечественных экспертов. Анкетирование посвящено подходам российских ученых к политической пропаганде в сети Интернет. Целями исследования является выявление релевантных позиций и доминирующих взглядов по данной тематике, а также анализ и выработка предложений по модернизации соответствующей государственной политики. Представлен краткий обзор существующих на текущий момент исследований по рассматриваемой тематике. Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных, полученных в результате проводившегося с сентября по октябрь 2024 г. структурированного опроса представителей научного сообщества, специализирующихся в области пропаганды в Интернете, ориентированного на выявление оценок экспертами эффективности интернет-пропаганды, а также выделение основных прогнозов ее развития. На основании тщательного анализа мнений компетентных специалистов был сделан вывод о наличии критического отношения к процессу деглобализации Всемирной паутины и возрастающей фрагментации информационного поля. В целях потенциальной реакции на данную ситуацию автором выдвигается идея внедрения нового регуляторного инструмента, а именно статуса «квалифицированного пользователя сети Интернет», который мог бы стать предметом регулирования со стороны Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), по аналогии с действующим регулируемым Центральным Банком Российской Федерации статусом «квалифицированный инвестор». Данный подход предполагает установление определенных критериев для присвоения статуса, а также разработку механизмов контроля за деятельностью пользователей, отвечающих установленным критериям.

Ключевые слова: экспертный опрос, политическая пропаганда, Интернет, деглобализация

Для цитирования: Рубцов Ф. С. Основные подходы к политической пропаганде в сети Интернет в российском экспертном сообществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 231–237. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-231-237>, EDN: RWCACQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main approaches to political propaganda on the Internet in the Russian expert community

F. S. Rubtcov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Fedor S. Rubtcov, fedor_rubtcov@inbox.lv, <https://orcid.org/0000-0003-3717-4306>

Abstract. The article presents results of the author's study, carried out by the method of anonymous survey of leading domestic experts. The questionnaire is devoted to the approaches of Russian scientists to political propaganda on the Internet. The objectives of the study are to identify relevant positions and dominant views on this topic, as well as analysis and development of proposals for the modernization of the relevant state policy. The article provides a brief overview of currently existing studies on the topic considered by the author. The empirical base of the study is formed on the basis of data obtained as a result of a structured survey conducted from September to October 2024, aimed at representatives of scientific community specializing in the field of propaganda on the Internet, including questions aimed at identifying expert assessments of the effectiveness of Internet propaganda, as well as highlighting the main forecasts for its development. Based on thorough analysis of the opinions of competent specialists, a conclusion was made about the presence of a critical attitude to the process of deglobalization of the "world wide web" and increasing fragmentation of the information field. In order to potentially respond to this situation, the author puts forward the idea of introducing a new regulatory instrument, namely the status of a "qualified Internet user", which could become the subject of regulation by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology

and Mass Media (Roskomnadzor), acting in analogy with the status of a “qualified investor” regulated by the Central Bank of the Russian Federation. This approach involves establishing certain criteria for assigning the status, as well as developing mechanisms for monitoring the activities of users who meet the established criteria.

Keywords: expert survey, political propaganda, internet, deglobalization

For citation: Rubtcov F. S. Main approaches to political propaganda on the Internet in the Russian expert community. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 231–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-231-237>, EDN: RWCACQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В период с сентября по октябрь 2024 г. был проведен экспертный опрос в рамках подготовки и написания диссертационного исследования, посвященного актуальным вопросам политической пропаганды в сети Интернет. Следует отметить, что опрос на данную тематику проводился не в первый раз. Свое исследование на похожую тему «Отношение к пропаганде» проводил Фонд «Общественное мнение» (ФОМ)¹. Однако здесь следует отметить несколько важных аспектов. Во-первых, оно было проведено в 2015 г., что создало возможность перепроверить результаты, поскольку за прошедшие годы мнение респондентов способно претерпеть изменения. Во-вторых, ранее фактически не существовало значимого фактора деглобализации сети Интернет, что, на наш взгляд, является важным обстоятельством, способным влиять на мнение респондентов по данному вопросу. В-третьих, в исследованиях ФОМ не рассмотрено отношение к пропаганде именно в экспертной среде, респондентами являлись случайно выбранные люди с разным уровнем понимания данной проблематики. Похожая ситуация наблюдается и с опросом, проведенном в 2017 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на тему «Пропаганда: за и против»². На наш взгляд, как и в случае с исследованием ФОМ, результаты данного опроса могут быть не сопоставимыми с современными реалиями и текущими тенденциями, которые изменились за последние годы.

Экспертный анализ был проведен также и в работе Т. С. Афанасьевой [1, с. 57–58]. Данное эмпирическое исследование заключалось в изучении особенностей функционирования политической пропаганды в социальных сетях.

¹ Отношение к пропаганде // ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/12302> (дата обращения: 04.11.2024).

² Пропаганда: за и против // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/propaganda-za-i-protiv> (дата обращения: 04.11.2024).

Автором были разработаны программа и инструментарий социологического исследования восприятия политической пропаганды в социальных сетях экспертами г. Самары.

Методы исследования

Однако проведенное нами исследование обладает рядом важных и заметных отличий, которые нельзя не отметить. Во-первых, в отличие от вышеупомянутой работы Т. С. Афанасьевой, в нашем опросе участвовали эксперты, представляющие широкий спектр регионов и высших учебных заведений Российской Федерации. К числу участников исследования относятся преподаватели таких ведущих образовательных организаций, как Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Тульский государственный университет, Ухтинский государственный технический университет, а также Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт и ряд других образовательных учреждений, что обеспечивает представительность выборки и разнообразие мнений.

Общее количество участвовавших в исследовании экспертов составило 19 человек, что позволяет считать выборку достаточно репрезентативной для данной темы исследования. Были опрошены не аффилированные с автором эксперты, что обеспечивало отсутствие предвзятости и влияния личных интересов на результаты. Кроме того, каждому из них было гарантировано строгое соблюдение анонимности. Такой подход, на наш взгляд, способствует повышению доверия к полученным результатам, поскольку эксперты могли высказать свои мнения без опасения оказаться под влиянием сторонних факторов, что является ключевым аспектом в научных исследованиях.

Кроме того, можно проследить территориальное распределение экспертов, принявших участие в опросе. Наибольшее количество

специалистов, а именно 57,9%, проживающих в Центральном федеральном округе, можно объяснить концентрацией множества вузов в г. Москве, где сосредоточены значительные ресурсы и инфраструктура для профессиональной деятельности. Другие макрорегионы представлены следующим образом: Северо-Западный федеральный округ – 15,8%, Южный федеральный округ – 15,8%, Приволжский федеральный округ – 10,5%. Это позволяет говорить о более широкой географической представленности и, соответственно, о более высокой степени объективности полученных результатов, чем в ранее проведенных исследованиях.

Анализ деятельности респондентов показал, что среднее количество публикаций, относящихся к исследуемой тематике, у опрошенных респондентов составляет 72. Этот показатель свидетельствует о значительном уровне научной активности участников исследования в области, подлежащей анализу. Кроме того, их средний индекс Хирша, равный 11, указывает на умеренный уровень цитируемости научных работ экспертов, что может служить индикатором их вклада в развитие соответствующей научной области.

Данные специалисты обладают научными степенями, в частности докторскими и кандидатскими (20 и 80% соответственно), в области политических наук, что свидетельствует о наличии у них значительного уровня знаний и профессиональной подготовки.

Цель данного опроса заключалась в выявлении текущих актуальных мнений, существующих в научном сообществе относительно политической пропаганды в сети Интернет, а также анализе позиций выбранных экспертов, чтобы таким образом получить более полное представление о сложных и разнообразных аспектах политической пропаганды, функционирующей в Сети, и ее воздействии на общественное мнение.

На сегодняшний день вопрос деглобализации сети Интернет не является глубоко изученной темой, вследствие чего отсутствует соответствующая литература и, следовательно, иная возможность получения информации от компетентных лиц [2, с. 67]. Экспертный опрос, проведенный нами, позволил собрать данные от высококвалифицированных специалистов, которые обладают знаниями и опытом в области политической пропаганды, медиаполитики и интернет-технологий.

Результаты исследования

Первый вопрос для экспертов: *Как Вы оцениваете влияние фактора деглобализации (или его отсутствие) на политическую пропаганду в сети Интернет? Здесь под деглобализацией сети Интернет мы понимаем ее сегментацию по национальным и иным критериям, политико-административные ограничения доступа к отдельным ресурсам сети Интернет, реализуемые органами власти и управления ряда стран и территорий (в частности, Китая, России и т.д.).*

Большинство экспертов (57,9%) посчитали фактор деглобализации сети Интернет негативным для политической пропаганды. Лишь 5,3% опрошенных экспертов отнесли к подобному явлению положительно. Затруднились с ответом 10,5% респондентов.

Это связано с тем, что деглобализация неизбежно приводит к фрагментации аудитории. В данном контексте политика деглобализации представляется, на наш взгляд, чрезмерной и способной вызвать серьезные негативные последствия как на национальном уровне, так и в глобальной системе взаимодействия государств. В целях возможной реакции на критическое отношение экспертов к данному явлению, а также учитывая важность устойчивого развития и интеграции, целесообразно рассмотреть возможность введения аналогичных механизмов, как в случае определения статуса «квалифицированного инвестора», который регулируется Центральным банком Российской Федерации³. В этом контексте можно предложить внедрение статуса «квалифицированный пользователь сети Интернет», который мог бы стать предметом регулирования со стороны Роскомнадзора.

В настоящее время это ведомство ведет реестр блогеров, имеющих аудиторию более 10 тыс. чел., что свидетельствует о растущем влиянии цифровых платформ на общественное мнение и политическую сферу. В качестве оснований для признания пользователя «квалифицированным» можно рассмотреть наличие политологического образования, а также соответствующего опыта работы в профильных организациях, что позволит обеспечить высокий уровень компетентности и ответственности среди участников информационного пространства.

³ О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ocennoy-bumagah/?ysclid=m7vhrx9u9r594813872> (дата обращения: 05.01.2025).

Квалифицированные пользователи будут иметь доступ к зарубежным ресурсам, заблокированным в Российской Федерации. Такая мера позволит в том числе без ущерба для научных изысканий продолжить не только политологические исследования, как посвященные интернет-тематике, так и принадлежащие к другим гуманитарным наукам.

В теоретическом смысле это позволит глубже изучить зарубежные инструменты политической пропаганды и возможность противодействия ей. В практическом смысле это даст возможность ученым продолжить свои исследования, не нарушая законодательства.

Введение статуса «квалифицированный пользователь» позволит ограничить большинство пользователей от информации, которая способна навредить им, при этом оставив возможность проводить исследования узкому кругу специалистов, находящихся в созданном Федеральном реестре квалифицированных пользователей сети Интернет, так как на данный момент широкий круг исследователей вынужден находиться в «серой» зоне законодательства, поскольку в Российской Федерации на данный момент запрещено распространять информацию об обходе блокировок⁴.

Также стоит рассмотреть вопрос о соблюдении равенства прав и возможностей граждан. В данном случае он также не является проблемой, поскольку опыт работы и образование не являются исчерпывающим перечнем оснований для признания. По аналогии с принципом признания квалифицированным инвестором этот статус можно также выдавать при успешной сдаче квалификационного экзамена в уполномоченных организациях.

Подобный подход имеет действующие аналоги в мире. Например, похожая система разделения существует на данный момент в КНДР, где большинство населения использует национальную сеть «Кванмён», в то время как отдельные лица имеют возможность использования сети Интернет [3]. К ним относятся спецслужбы, высшие чиновники и научные работники [4, с. 25–26].

Второй вопрос экспертного опроса был сформулирован следующим образом: *Как Вы оцениваете роль социальных сетей в распространении пропаганды в сети Интернет?*

⁴ Роскомнадзор раскрыл, какую информацию о VPN запретит в России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/11/2024/673f2a269a7947a9377068b2 (дата обращения: 04.12.2024).

Результаты опроса однозначно указывают на то, что эксперты считают социальные сети значительным фактором в распространении пропаганды в Интернете.

Подавляющее большинство экспертов (89,5%) оценили подобное влияние как существенное. Это указывает на широкое признание социальных сетей как ключевого канала для распространения пропагандистских материалов в Интернете.

Меньшинство, представленное 10,5% экспертов, оценивших роль социальных сетей как незначительную, придерживаются альтернативной точки зрения, отдавая приоритет другим информационным каналам, таким как традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные издания), в распространении пропаганды.

В данном вопросе нам сложно не согласиться с мнением большинства, поскольку на современном этапе развития сети Интернет влияние социальных сетей на политические убеждения пользователей существенны и превосходят остальные источники информации. Кроме того, с учетом динамики современного цифрового мира, где информация расходуется почти моментально, роль социальных сетей, вероятно, будет только расти.

Третий вопрос. *Какие, на Ваш взгляд, существуют плюсы и минусы политической пропаганды в социальном медиaprостранстве для ее распространителей?*

Результаты опроса экспертов свидетельствуют, что политическая пропаганда в социальных сетях имеет как явные плюсы, так и существенные минусы для ее распространителей. В первую очередь, необходимо более детально проанализировать основные положительные аспекты политической пропаганды, выделенные экспертами в данной области.

Одним из ключевых преимуществ является доступность и охват целевой аудитории. Социальные сети, как современные коммуникационные платформы, обеспечивают значительный доступ к различным сегментам населения, включая как традиционные, так и новые группы пользователей. Особенно важно отметить, что они эффективно достигают молодежной аудитории, которая зачастую оказывается вне поля зрения классических средств массовой информации, таких как телевидение и печатные издания.

Следующим положительным аспектом политической пропаганды, выделенным экспертами, является оперативность. Социальные

сети предоставляют уникальную возможность для быстрого распространения информации, что значительно увеличивает скорость, с которой политические акторы могут реагировать на актуальные события и изменения в общественном мнении.

Другой немаловажный положительный аспект пропаганды – ее всепроникаемость, выражающаяся в том, что социальные сети стали неотъемлемой частью жизни многих людей [5, с. 7]. Это обстоятельство значительно повышает вероятность появления индоктринационных материалов в поле зрения широкой аудитории и того, что они будут восприняты и усвоены ею.

Пользователи социальных сетей проводят значительное количество времени на социальных платформах, взаимодействуя с контентом, формирующим их мировосприятие и общественные установки. Подобная повсеместная доступность информации делает пропагандистские стратегии особенно эффективными, поскольку они могут использовать повседневные привычки пользователей для продвижения своих идей.

Далее стоит проанализировать значимые аспекты недостатков пропаганды, высказанные экспертами. Одним из них является разращение распространителей. Эксперты подчеркивают, что вовлеченность в политические индоктринационные кампании может оказывать негативное воздействие на моральные и этические принципы тех, кто занимается распространением политической пропаганды.

Постоянное использование манипуляций может сформировать у распространителей привычку к нечестным методам, что в долгосрочной перспективе может снизить их способность к критическому мышлению и объективной оценке информации. Это создает замкнутый круг, в котором манипулятивные техники становятся не только инструментом сообщения, но и формируют восприятие действительности, препятствуя им видеть истину.

Другим немаловажным недостатком пропаганды, высказанным экспертами, являются проблемы с сегментацией и доступностью: не все группы населения имеют доступ к сети Интернет, а сегментирование аудитории в социальных сетях требует значительных усилий и адаптации материалов под каждую целевую группу. Это создает значительные барьеры для охвата всей целевой аудитории, так как опре-

деленные социальные, экономические и географические факторы могут ограничивать интернет-доступ. Например, жители отдаленных или сельских районов, а также определенные категории людей, такие как пожилые граждане, могут испытывать трудности в использовании цифровых технологий, что уменьшает их вовлеченность в онлайн-дискуссии и пропагандистские инициативы.

Кроме того, экспертами выделена проблема необходимости постоянного взаимодействия с аудиторией. Для достижения успеха в социальных сетях пропагандисты должны быть постоянно активны, отвечать на комментарии, создавать новые материалы и поддерживать интерактивное взаимодействие с аудиторией.

Четвертый вопрос. *Какие, по Вашему мнению, имеются положительные и отрицательные элементы в политической пропаганде, размещенной в социальном медиaprостранстве для их конечных потребителей?*

Результаты проведенного опроса среди экспертов свидетельствуют о том, что политическая пропаганда, осуществляемая в контексте социальных сетей, обладает как позитивными, так и негативными аспектами, оказывающими значительное и многогранное влияние на конечных пользователей, принимающих участие в этом процессе.

Среди положительных элементов, которые выделили эксперты, можно отметить адаптацию под конечного потребителя в социальных сетях, что может сделать ее более привлекательной и убедительной.

С одной стороны, такая пропаганда может способствовать повышению политической осведомленности граждан, активизации общественного участия и формированию более информированного электората. С другой стороны, имеются существенные риски, связанные с распространением дезинформации, манипуляцией общественным мнением и поляризацией социального пространства, что может приводить к дестабилизации демократических процессов и ухудшению качества политической дискуссии.

В то же время экспертами были выделены отрицательные элементы, а именно:

1) распространение фейков. Экспертное сообщество высказало значительные опасения относительно масштабов целенаправленного распространения фальсифицированной информации в социальных сетях. В условиях

современного информационного общества, где цифровые платформы становятся основными каналами коммуникации, наблюдается тревожная тенденция к увеличению объема дезинформации, что может оказывать негативное воздействие на общественное мнение и социальную стабильность;

2) недостаток критического мышления. Социальные сети могут способствовать пассивному потреблению информации. Это явление, однако, может негативно сказаться на когнитивных процессах, связанных с анализом, оценкой и интерпретацией информации. Пользователи социальных платформ зачастую становятся жертвами информационного шумового фона, что затрудняет формирование навыков критического мышления, необходимых для адекватного различения фактов и вымысла. В результате наблюдается тенденция к снижению уровня аналитической активности, что может привести к распространению дезинформации и манипуляциям общественным мнением.

Пятый вопрос предполагал развернутый ответ. *Какие прогнозы относительно политической пропаганды в социальных сетях в России Вы можете сделать на ближайшие 3–5 лет?*

Результаты, полученные в ходе опроса экспертов, дали преимущественно тревожную оценку будущего политической пропаганды в российском контексте социальных сетей.

Основные прогнозы, которые были озвучены экспертами, можно систематизировать по ключевым категориям.

1. *Увеличение пропагандистских потоков.* Специалисты предсказали значительное увеличение объемов пропагандистской информации в цифровом пространстве в течение ближайших трех-пяти лет. Данная тенденция предполагает, что пользователи будут подвергаться еще более интенсивному воздействию манипулятивных материалов, которые распространяются через различные интернет-ресурсы. Это может привести к формированию и укреплению определенных общественных мнений и стереотипов, а также к повышению уровня дезинформации и психологического воздействия на аудиторию. В условиях постоянного роста доступности информации и ее разнообразия необходимость в критическом анализе и медиаграмотности населения становится особенно актуальной.

2. *Рост влияния пропагандистских потоков.* В условиях нарастающей информаци-

онной насыщенности и многообразия источников информации эксперты предсказывают значительное усиление воздействия пропаганды на формирование общественного мнения.

Данная тенденция может способствовать углублению социально-политической поляризации, что, между тем, затруднит процесс достижения компромиссных решений и консенсуса в обществе. Исследования показывают, что пропагандистские сообщения, направленные на манипуляцию восприятием и эмоциями аудитории, могут подрывать основы рационального дискурса и способствовать возникновению конфликтов между различными социальными группами [6, с. 40–41]. В результате наблюдается увеличение уровня недоверия и антагонизма, что создает дополнительные барьеры для конструктивного диалога и совместного решения актуальных социальных проблем.

3. *Развитие информационной культуры.* Эксперты, принявшие участие в проведенном опросе, подчеркнули значимость формирования информационной культуры среди пользователей социальных сетей как необходимого компонента современного общества.

Процесс эволюции информационной культуры включает в себя не только повышение уровня цифровой грамотности, но и развитие способности индивидов к критическому анализу информации. Это подразумевает развитие навыков выявления манипулятивных техник, дезинформации и фейковых новостей, что наряду с этим способствует формированию более устойчивого и информированного гражданского общества.

4. *Влияние искусственного интеллекта (ИИ) в обозримом будущем будет играть ключевую роль в генерации политической пропаганды в цифровом пространстве.* Применение алгоритмов машинного обучения и обработки естественного языка может способствовать возникновению новых форм манипуляции общественным мнением, включая разработку правдоподобных новостей и создание более точных и персонализированных дезинформаций [7, с. 13].

Такое использование ИИ может привести к значительным изменениям в методах политического воздействия, что вызывает опасения относительно этических аспектов и последствий для демократических процессов.

Мы полностью поддерживаем данные обоснованные прогнозы экспертов, поскольку они представляются нам логически аргументированными и заслуживающими внимания.

Выводы

Таким образом, проведенный нами экспертный опрос выявил ряд наиболее важных моментов относительно эффективности политической пропаганды и связанных с ней терминов.

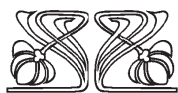
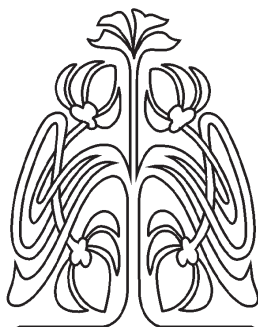
Во-первых, значительная часть экспертов продемонстрировали единодушие в оценке большинства рассматриваемых вопросов, что свидетельствует о высокой степени согласованности экспертных оценок и надежности полученных результатов. Этот достаточно высокий уровень согласия между специалистами, на наш взгляд, может интерпретироваться как наличие общепринятых критериев для оценки эффективности политической пропаганды, что укрепляет доверие к аналогичным исследованиям и выводам в данной области.

Во-вторых, на основе материалов экспертных опросов сделан вывод о том, что большинство экспертов критически восприняли процесс деглобализации Интернета, и, исходя из этого, нам кажется перспективным внедрение статуса квалифицированного пользователя сети Интернет, который мог бы стать предметом регулирования со стороны Роскомнадзора.

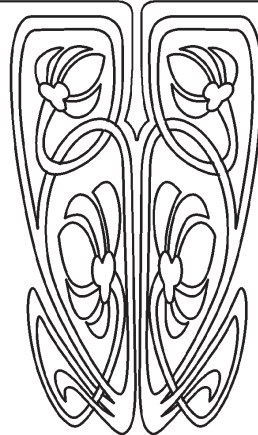
Список литературы

1. Афанасьева Т. С. Политическая пропаганда в социальных сетях // Вестник магистратуры. 2020. № 2–4 (101). С. 57–64. EDN: GJWIQS
2. Шаститко А. Е., Павлова Н. С. Деглобализация интернета: миф или реальность? // Современная конкуренция. 2024. Т. 18, № 4 (100). С. 65–82. <https://doi.org/10.37791/2687-0657-2024-18-4-65-82>, EDN: BBMFMR
3. Seliger B., Schmidt S. The Hermit Kingdom Goes Online: Information Technology, Internet Use and Communication Policy in North Korea // North Korean Review. 2014. Vol. 10, № 1. P. 71–88. <http://dx.doi.org/10.3172/NKR.10.1.71>
4. Линьков В. В., Грунин И. Ю., Дубов С. С. Технический аспект обеспечения национальной безопасности в рамках политики разных государств // Путь науки. 2019. № 8 (66). С. 23–30. EDN: EZHTPP
5. Асеева Т. А. Девальвация значимости мнения «другого» и «аутизация» поколения Z // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 6–19. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_6, EDN: NXBFIV
6. Новиков А. В. Дестабилизирующее влияние экстремизма на российское общество // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 8А. С. 33–41. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.92.69.007>, EDN: YZWAGF
7. Кочеров О. С. Перспективы применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния // Мировая политика. 2024. № 4. С. 12–29. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.4.72438>, EDN: MMMSNG, URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72438

Поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025;
принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025;
accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016

Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: muninaov@sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <https://soziopolit.sgu.ru>

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2025. Том 25, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

